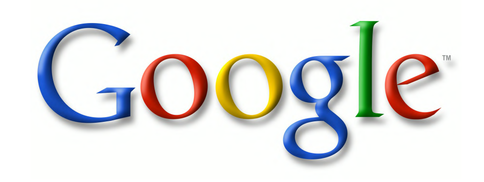
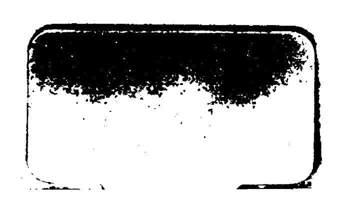

VE RI TAS

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО

А. А. НАВРОЦКІЙ (Н. А. Вроцкій).

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО

РУССКІЯ

БЫЛИНЫ и ПРЕДАНІЯ

ВЪ СТИХАХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1896.

Типографія В. С. Балашева и К°.
Фонтанка, 95.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Сказанья былого, минувшаго времени...
Какъ ясно носилися вы предо мной
Герои великаго русскаго племени,
Все дѣти страны дорогой и родной.

Вы близки мнѣ всѣ; вѣдь въ пылу вдохновенія
Я съ вами страдалъ, и любилъ, и скорбѣлъ,
Склоняясь предъ вашимъ величьемъ смиренія,
Рыдая надъ грудой замученныхъ тѣлъ.

До васъ не коснулися волны забвенія,
Идите-жъ на судъ безпристрастный земли;
Разсудитъ правдиво народное мнѣніе,
Что̀ сдѣлали вы, и что̀ сдѣлать могли.

Пусть русскіе люди за ваши дѣянія
По истинѣ каждому честь воздадутъ;
О добрыхъ—вспомянутъ, какъ жертвахъ страданія;
О злыхъ-же — и имъ снисхожденье найдутъ.

Злой городъ.

То было давно, княжилъ Рюрика родъ;
Всю Русь на удѣлы разбили
Потомки варяга; славянскій народъ
Они межъ собою дѣлили.

Отростки великой и славной семьи,
Чрезмѣрно они расплодились,
И въ вѣчной враждѣ, какъ весной воробьи,
За право владѣнія бились.

Отъ этихъ раздоровъ лишь горе всегда
Народу въ удѣлъ доставалось,
И тяжко надъ бѣдною Русью тогда
Усобица та отражалась.

Вдругъ грянуло новое горе; бѣда,
Какой на Руси не бывало:
Съ востока татаръ азіатскихъ орда,
Какъ туча, всю Русь облегала.

Какъ рой саранчи налетѣла она,
Какъ градъ все собою забила,
И слѣдомъ за ней оставалась одна
Залитая кровью могила.

Батый, ея вождь, какъ восточный тиранъ,
Не вѣдалъ, что значитъ пощада;
Вѣдь муки и кровь изъ зіяющихъ ранъ
Для хищника — только отрада.

Гдѣ только встрѣчала преграду орда,
Живое тамъ все исчезало;
Гдѣ городъ стоялъ — не осталось слѣда,
И мѣсто травой поростало.

Натѣшившись вдоволь и Русь полонивъ,
И всѣхъ истребивъ, кто не сдался,
И все, гдѣ прошелъ онъ, въ конецъ разоривъ,
Батый ужъ домой возвращался.

Вдругъ городъ одинъ ему путь заслонилъ,
Ничтожный, пустой городишко;
Батыя сначала онъ лишь разсмѣшилъ,
Какъ дерзкій, безумный мальчишка,

Который дерзнулъ-бы бороться со львомъ,
И встрѣтивъ голоднаго звѣря,
Сталъ смѣло грозить бы ему кулакомъ,
Въ могучесть его не повѣря.

Батый разсмѣялся и выслалъ пословъ,
Сказать этой горсти безумныхъ,
Чтобъ лучше послушались милости словъ,
Чѣмъ мыслей своихъ безразсудныхъ.

Пусть тòтчасъ покорно склонятся во прахъ,
И онъ имъ ихъ дерзость прощаетъ,
И чтобъ не вселить въ нихъ отчаянья страхъ,
Имъ жизнь сохранить обѣщаетъ.

Къ воротамъ Козельска прибыли послы;
Но въ городъ пословъ не пустили,
И, выслушавъ ханскій наказъ, у воротъ
Пословъ подождать попросили.

Раздался торжественный звонъ вѣчевой,
И слышенъ былъ звонъ тотъ далече,
И всѣ горожане, готовые въ бой,
Оставивъ на случай отрядъ боевой,
Сошлись на народное вѣче.

Повѣдàли имъ, чтò велѣлъ передать
Посолъ безпощаднаго хана;
Повѣдавъ, спросили: — бороться — иль сдать,
И ханское слово какъ милость принять,
И въ городъ пустить басурмана?

Безмолвно стояла толпа и ждала
Старѣйшихъ глагола на вѣчѣ;
Привыкла выслушивать молча она,
Довѣріемъ къ старости мудрой полна,
Ихъ мудрыя опытомъ рѣчи.

И вотъ изъ толпы выступаетъ старикъ
И поступью медленной, важной,
На паперть восходитъ; суровъ его ликъ,
Рѣшимостью блещетъ отважной.

И знаменьемъ крестнымъ себя осѣнивъ,
Предъ храмомъ старикъ преклонился,
Потомъ, къ горожанамъ лицо обративъ,
Онъ трижды имъ всѣмъ поклонился

И молвилъ: — «Кто ходитъ молиться во храмъ,
Тотъ пусть татарвѣ не сдается,
Коварнымъ Батыя не вѣря словамъ,
На смерть пусть съ погаными бьется.

Вы знаете всѣ: этихъ тигровъ орда
Всю бѣдную Русь разорила,
И стольный Владиміръ, и всѣ города
Кровавой волною залила.

Неужели-жъ мы не обычнымъ путемъ
Рѣшимся отстаивать волю,
И трусить, какъ малыя дѣти, начнемъ,
И смерти въ бою, какъ рабы, предпочтемъ
Татарскую злую неволю?

Погибнемъ мы всѣ! но не скажутъ про насъ,
Что струсили мы предъ врагами,
Что храбрости лучъ въ нашемъ сердцѣ угасъ
Предъ хана Батыя ордами.

Погибнемъ! но честно, какъ гибнутъ орлы,
Гнѣздо отъ враговъ защищая,
Отвагой и силой могучей полны,
Пощады не ждя и не зная.

Докажемъ, что взять насъ въ неволю нельзя,
Пока у насъ жизнь не отнимутъ!
Припомнимъ завѣтъ Святослава, друзья,
Что мертвые срама не имутъ!»

Тутъ крестъ съ своей шеи могучей онъ снялъ
И голосъ напрягъ необычно,
И кверху десницу высоко подъялъ,
И крестъ золотой въ ней толпѣ показалъ,
И крикнулъ могуче и зычно:

—«Клянитеся, братья! что каждый изъ васъ
На смерть будетъ биться съ врагами!
Клянитеся дружно въ торжественный часъ,
Измѣнниковъ нѣтъ между нами!

А трусомъ никто никогда не посмѣлъ
Назвать насъ — и впредь не рѣшится;
Ребенокъ — и тотъ ужъ отваженъ и смѣлъ,
Когда онъ въ Козельскѣ родится.

Клянитесь!» — «Клянемся!» — раздáлось въ отвѣтъ
И дружно всѣ руки подняли,
И знаменьемъ крестнымъ, какъ братства завѣтъ,
Въ знакъ клятвы себя осѣняли.

Вернулись послы и отвѣтъ козельчанъ
Батыю со страхомъ сказали,
И гнѣвомъ вскипѣлъ избалованный ханъ,
И тотчасъ велѣлъ, чтобъ послали

На приступъ татаръ особливую рать,
Ужасныхъ какъ дикіе звѣри,
И городъ сполна имъ въ добычу отдать,
Чтобъ дерзкихъ безумцевъ въ примѣръ наказать
За то, что противиться смѣли.

Полдня нападали на городъ они
И лѣзли на крѣпкую стѣну;
Когда уставали иль гибли одни,
Другіе являлись на смѣну.

Но стойко врага отражая ударъ,
Какъ львы осажденные бились,
И цѣлыя сотни погибшихъ татаръ.
Какъ мусоръ, со стѣнъ ихъ валились.

Устали татары; ужъ бой затихалъ
И съ тьмою совсѣмъ прекратился;
Самъ грозный Батый поспокойнѣе сталъ,
Должно быть и онъ утомился.

И въ ханскую ставку вернувшись, собрать
Велѣлъ воеводъ и повѣдалъ:
—«На завтра смѣнить утомленную рать,
Съ удвоенной силою приступъ начать,
Никто чтобъ пощады не вѣдалъ;

Но бить, и рубить, и колоть, и стрѣлять,
Въ конецъ истребить непокорныхъ,
И страшной расправой примѣръ показать
Надъ горстью безумцевъ задорныхъ».

На утро опять закипѣлъ страшный бой,
Но городъ врагамъ не сдавался;
Недѣля текла за недѣлей, седьмой —
Чередъ подходилъ, но за крѣпкой стѣной
Козельскъ отъ татаръ отбивался.

Рѣдѣла защитниковъ малая рать,
И быстро они умалялись,
Но жены и дѣти, стремясь помогать,
На смѣну усталымъ являлись.

Тушили поджоговъ опасныхъ огни,
На бревна дома разбирали,
И за ночь на стѣны сносили они,
А днемъ на врага ихъ метали.

Торжественно данную клятву блюдя,
Всѣ часа послѣдняго ждали,
И дружно трудясь, не жалѣя себя,
Всѣ свято ее исполняли.

Батый все сильнѣй и сильнѣй свирѣпѣлъ,
И злобою полный надменной,
Орды не щадя, наконецъ, повелѣлъ,
Чтобъ съ битвы никто возвратиться не смѣлъ,
Погибнуть — иль взять непремѣнно!

Чтобъ кончить къ закату, и если къ ночи
Батыя приказъ не исполнятъ,
То ихъ головами въ ту ночь палачи
Всѣ рвы городскіе наполнятъ.

И вотъ закипѣлъ самый яростный бой,
Отчаянно лѣзли татары,
Никто не хотѣлъ возвращаться живой,
Чтобъ ночью разстаться съ своей головой —
Боялись Батыевой кары.

Враги все росли, а защитниковъ горсть
Все меньше числомъ становилась,
Но смѣло встрѣчая татарскую злость,
Все съ той же отвагою билась.

Но храбрость хоть многое можетъ творить,
Однако имѣетъ предѣлы,
И сила должна была храбрыхъ сломить,
Хоть были отважны и смѣлы.

Конецъ наступилъ... но никто не сробѣлъ;
Живыми врагу не сдаваясь,
Погибли они не отъ вражескихъ стрѣлъ,
А грудью съ врагами сражаясь.

Кто тяжко былъ раненъ, себя добивалъ,
Свой мечъ себѣ въ сердце вонзая,
И Господа гнѣвъ на враговъ призывалъ
За гибель родимаго края.

Орда одолѣла. Какъ волны она
Врывалася въ городъ безъ счета,
Отвагою злобы и мести полна,
Послѣдняго жаждя разсчета.

Защитниковъ не было больше нигдѣ,
Для нихъ всѣ окончились бѣды,
И слышались только во градѣ вездѣ
Призывные звуки побѣды.

Проникнувши въ городъ, татары спѣшатъ
На вѣче, къ соборной оградѣ,
Гдѣ сами себя наградить поспѣшатъ,
Какъ волки въ зарѣзанномъ стадѣ.

Извѣстно имъ было, что немощный людъ,
Кто жизнь лишь влачилъ, умирая
По цѣлымъ годамъ, неспособный на трудъ
Защиты родимаго края,

А главное женщины — цѣнный товаръ,
Предъ ужасомъ муки и срама,
Имѣли обычай отъ злобныхъ татаръ
Спасаться подъ сводами храма.

Татары спѣшатъ... подбѣжали... глядятъ...
Но тщетно... для жаднаго взора
Нѣтъ пищи, лишь голыя стѣны стоятъ;
Замкнуты всѣ двери собора.

Заложены на глухо окна его,
Заложены крѣпко бойницы,
Не только людямъ не проникнуть въ него,
Не могутъ проникнуть и птицы.

Татары за дѣло: огромнымъ бревномъ
Стараются выломать двери,
И пробуютъ стѣны рубить топоромъ,
И воютъ, какъ дикіе звѣри.

Но крѣпко могучія стѣны стоятъ,
Не страшны имъ грозные крики,
И только сурово надъ входомъ глядятъ
Святителей строгіе лики.

Въ соборѣ ни звука... Вдругъ легкій дымокъ
Надъ крышей притвора поднялся
И къ небу взвился... вотъ за нимъ огонекъ
Въ окнѣ угловомъ показался...

Еще и еще... все сильнѣй и сильнѣй...
Вотъ треснула крыша отъ жара,
И вспыхнуло, ярко взлетѣвши надъ ней,
Багровое пламя пожара.

Татаръ озаряя своей краснотой,
Все выше оно поднималось...
Вдругъ стройное пѣнье молитвы святой
Во храмѣ пылавшемъ раздалось.

Все громче и громче звучала она,
И пламени трескъ заглушала,
И громко, священнаго чувства полна,
Окрестность собой оглашала.

Безмолвно стояли татары вокругъ.
Казалось, что звуки молитвы,
Какъ Божія вѣсть, охватили ихъ вдругъ,
Глуша въ нихъ всѣ ужасы битвы.

Вотъ рухнула крыша... но въ этотъ же мигъ
Открылись соборныя двери,
И въ нихъ показался суровый старикъ,
И грозно сіялъ его доблестный ликъ,
И ярко доспѣхи блестѣли.

Въ десницѣ былъ мечъ, его шуйца съ крестомъ
Высòко была имъ подъята.
И ринулся онъ съ обнаженнымъ мечомъ
На гибель врага-супостата.

За нимъ устремилася горсть удальцовъ,
Сѣдыхъ, но отвагою полныхъ,
Послѣднихъ за волю Козельска бойцовъ —
Послѣднихъ, но самыхъ отборныхъ.

И бились на смерть, гдѣ клялися они,
Гдѣ было послѣднее вѣче,
И всѣ полегли на защитѣ земли
Въ послѣдней ужаснѣйшей сѣчѣ.

Доволенъ Батый! Наконецъ-то сломилъ
Онъ дерзость безумцевъ упорныхъ;
Но только цѣной дорогой побѣдилъ
Онъ горсть удальцовъ непокорныхъ.

Онъ сѣлъ на коня и, доѣхавъ до стѣнъ,
Сталъ думать: какія бы муки
Измыслить для тѣхъ, кто достанется въ плѣнъ
Въ его всемогущія руки.

На встрѣчу ему приближался Ахметъ,
Любимый его воевода,
Обычный и радостный вѣстникъ побѣдъ,
Потомокъ знатнѣйшаго рода.

—«Великій Батый, не гнѣвися на насъ—
Онъ молвилъ—приказъ твой исполненъ;
Насталъ для безумцевъ возмездія часъ,
Ихъ трупами городъ наполненъ.

Съ побѣдою полной! Гнѣздо козельчанъ
Со всѣмъ, что въ немъ есть, намъ досталось».
—«А плѣнные гдѣ?»—«Не гнѣвись, грозный ханъ,
Въ живыхъ никого не осталось!»

—«Неужели всѣ?» — «Да, должно быть, что страхъ
Ихъ такъ обуялъ, что не смѣли...»
—«А женщины? дѣти?»—«На нашихъ глазахъ
Живыми во храмѣ сгорѣли».

Батый побѣдилъ. Но за то никому
Ужъ мстить не пришлось; не осталось
Въ живыхъ ни души, и для мести ему
Лишь кладбище мертвыхъ досталось.

И онъ повелѣлъ, чтобъ свой гнѣвъ показать
И страхъ по Руси всей навѣять.
Разрушить Козельскъ и съ землею сравнять.
То мѣсто, гдѣ былъ онъ, сохой запахать
И сорной травою засѣять.

Исполнили волю владыки рабы,
Съ землей бѣдный городъ сравняли,
И городомъ *злымъ*, за упорство борьбы,
Козельскъ съ той поры называли.

Новгородъ.

На челнѣ, ночною порою,
Я плылъ по родимой рѣкѣ,
Лежали недвижимо весла
Въ моей утомленной рукѣ.

На лѣво — въ туманѣ чернѣла,
Горой поднимаясь, земля,
И рѣзко на ней выдѣлялись
Зубчатыя стѣны Кремля;

За ними, вѣнчаясь крестами,
Невольно приковывалъ взоръ,
Краса Новограда, Софіи —
Премудрости Божьей соборъ.

Направо — вдоль берега, близко,
Тянулись заборы, дома,
Надъ ними едва возвышалась
Завѣтная башня одна.

Когда-то звучалъ тамъ свободный
Народный языкъ вѣчевой,
Когда созывалъ новгородцевъ
На вѣче, на судъ, иль на бой.

Широкой, могучей волною
Катилася мѣрно рѣка,
И мнилось, какъ будто качаетъ
Меня дорогая рука.

Луна то скрывалась за тучи,
То ярко блестѣла въ водѣ;
И было торжественно чудно,
И было безмолвно вездѣ.

Челнокъ самъ собой подвигался,
А я, полный думъ и тоски,
Сидѣлъ неподвижно, внимая
Обычному шуму рѣки.

И въ этихъ рокочущихъ звукахъ
Свободно бѣгущей волны,
Мнѣ сказывалъ дѣдушка-Волховъ
Завѣтныя думы свои.

—«Была пора, я гордо несъ
Новогородскія ладьи,
Когда онѣ, нагружены,
Пускались въ дальнія страны.

Лихіе витязи-купцы
Вселяли миръ, внушали страхъ,
Держа вѣсы, держа и мечъ
Въ привычныхъ къ дѣйствію рукахъ.

Смотри, вонъ тутъ — заморскихъ странъ
Стояли корабли,
Мѣняя привозной товаръ
На звонкіе рубли.

Смотри, вонъ тамъ — былъ шумный торгъ,
Туда свозилъ народъ
Свои достатки и труды
Хозяйственныхъ работъ.

А тамъ, смотри, вонъ тамъ — звучалъ
Тотъ колокольный звонъ,
Когда на вѣче созывалъ
Новогородцевъ онъ.

Тамъ волновался и шумѣлъ
Свободный городъ мой,
Когда сбирался толковать
Народъ между собой.

На вѣчѣ онъ творилъ свой судъ
И изгонялъ князей,
На вѣчѣ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей;

И власть посадника его
Была сильнà, грознà,
Зане народною душой
Являлася она.

Въ своихъ ладьяхъ — и на моряхъ
Умѣлъ онъ побѣждать,
Предъ нимъ не разъ склонялись — шведъ
И крестоносцевъ рать.

Онъ торговалъ, но честенъ былъ
И былъ за то любимъ,
И даже дальняя Ганза
Была въ союзѣ съ нимъ.

Былъ славенъ онъ и на Руси,
Могучъ, силенъ, богатъ —
Вотъ былъ каковъ, въ былые дни,
Мой вольный Новоградъ!»

Какою отрадной былиной
Меня услаждала рѣка,
И съ нѣжной сыновней любовью
Внималъ я рѣчамъ старика.

Но вдругъ. словно въ гнѣвномъ порывѣ,
Встряхнулъ онъ сѣдой головой
И брызнулъ въ лицо мнѣ внезапно
Своею холодной волной.

—«Время завѣтное, долго ты длилося,
Долго — насталъ и конецъ;
Время другое сплело Новугороду
Тяжкій терновый вѣнецъ.

Говоръ давно ужъ носился по торжищамъ
Все о какой-то Москвѣ,
Чтò поднялась на рѣченкѣ невѣдомой,
Волны несущей къ Окѣ.

Ловко виляя хвостомъ предъ татарами
И не жалѣя своихъ,
Кончила тѣмъ, что, собравшися съ силами,
Освободилась отъ нихъ.

Свергнула иго, Руси ненавистное,
Но наложила свое;
Много неправды, коварства и хитрости
Было тогда у нее.

Княжества всѣ поглотила свободныя,
Стала не въ мѣру сильна,
И, наконецъ, свою пасть ненасытную
Къ намъ обратила она.

Новгородъ вольный сломить, какъ татарина,
Вздумала, видно и впрямъ
Стала опасна свобода народная
Лютымъ московскимъ князьямъ.

Долго боролись съ Москвою кичливою
Вольныя дѣти мои,
Но совладать съ непомѣрною силою
Властной Москвы — не могли.

Помню, какъ всѣ провожали съ рыданіемъ
Колоколъ нашъ вѣчевой,
Чуяли бѣдные, что̀ съ нимъ теряется,
Что̀ онъ увозитъ съ собой.

Но для Москвы уже стало потребностью
Насъ разорить до сумы,
Чтобы въ рабовъ безотвѣтно послушливыхъ
Переродилися мы.

И для того, чтобъ покончить рѣшительно
Съ городомъ вольнымъ моимъ,
Грозный Иванъ вдругъ надумалъ по своему
Разомъ расправиться съ нимъ.

Въ тѣ поры въ нашихъ ужъ не было бодрости
Прежнихъ временъ, не смогли
Иль побѣдить, или лечь до послѣдняго
Всѣмъ на защитѣ земли.

Духъ ослабѣлъ, истомились раздорами,
Всѣхъ обуяла корысть,
И межъ народомъ измѣнники гнусные,
Слуги Москвы, завелись.

Грозный не встрѣтилъ ни въ комъ супротивности,
Съ малою ратью пришелъ
И, разоривъ по дорогѣ всѣ волости,
Въ городъ свободно вошелъ.

Вольные люди пришельцу московскому
Били смиренно челомъ;
Встрѣтилъ его на мосту въ облаченіи
Пименъ владыка съ крестомъ.

Встрѣтилъ съ молитвою, почесть духовную
По старинѣ оказалъ;
Царь отвѣчалъ ему гнѣвно, укорами,
Въ церковь идти приказалъ.

Началъ владыка обѣдню и Господа
Долго и слезно молилъ,
Чтобы отъ лютаго гнѣва московскаго
Новгородъ Онъ охранилъ.

Кончилась служба, собралась у Пимена
Вся новгородская знать;
Но не садилась за трапезу, съ трепетомъ
Стала царя ожидать.

Грозный вошелъ съ цѣлой стаей опричниковъ,
Сѣлъ, не молясь, и молчалъ,
Взоръ его гнѣвный лишь страхъ, да уныніе
Въ новогородцахъ встрѣчалъ.

Чуяли всѣ, что настали для города
Страшные, грозные дни,
Что недалéко расправа кровавая —
И не ошиблись они.

Царь посидѣлъ, вдругъ неистовымъ голосомъ
Подалъ условленный знакъ,
И принялся за расправу послѣднюю
Нашъ безпощаднѣйшій врагъ.

Стали хватать, стали грабить безъ жалости,
Стали палить всѣхъ огнемъ,
Самъ царь Иванъ имъ придумалъ мученіе,
Страшно и вспомнить о немъ.

Рѣзали, жгли, не десятками, сотнями,
Всѣхъ — богачей, бѣдняковъ,
Знатныхъ, простыхъ, и духовныхъ, и иноковъ,
Словно какъ стадо быковъ.

Дни проходили за днями, недѣлями
Время текло, а они
Все продолжали расправу ужасную
И не тушили огни.

Солнце за тучами все укрывалося,
Или блестѣло во мглѣ;
Больно ему было видѣть, чтó дѣлали
Люди съ людьми на землѣ.

Рѣзать умаялись, душно имъ сдѣлалось —
Мертвые начали гнить;
Трупы безъ счету валялись по городу,
Царь не велѣлъ хоронить.

Звѣрь, такъ и тотъ бы проникнулся жалостью,
Какъ бы онъ ни былъ взбѣшонъ;
Но для Ивана считалось тó малостью,
Все не насытился онъ.

Вздумалъ забавиться новой потѣхою:
Къ мòсту сгонять приказалъ
Всѣхъ, кто еще уцѣлѣлъ отъ мученія,
Кто своей участи ждалъ.

Стали вязать ихъ по-парно и семьями,
Женъ, и мужей, и дѣтей,
Стали младенцевъ на шею привязывать
Мàтерямъ вмѣсто камней.

Свяжутъ—и съ моста!.. лишь вскрикнутъ несчастные,
Тщетно на помощь зовутъ,
Тщетно о милости просятъ опричниковъ,
Тщетно спасенія ждутъ.

Съ пѣснями въ лодкахъ злодѣи катаются,
Словно какъ въ праздникъ народъ,
Да топорами сѣкутъ, кто хватается,
Или ко дну не идетъ.

Сколько народа — не сотни, а тысячи
Въ волны кидали мои
Эти исчадья московскаго деспота
Въ эти ужасные дни.

Страшно припомнить, что только творилося:
Хохотъ, рыданья съ мольбой,
Вопли, и пѣсни, и крикъ, и стенанія,
Плескъ, и кровавый прибой!

Словно безумные, мечутъ безъ устали,
Счетъ потеряли давно,
Мечутъ народъ, какъ полѣнья, опричники
Въ волны мои и на дно.

Больше и больше... Вдругъ кучи утопленныхъ
Сдѣлались кучей одной
И, преградивъ моимъ вòлнамъ теченіе,
Встали живою стѣной.

Грозный сидѣлъ, окруженный любимцами,
Самъ на мосту и смотрѣлъ,
Словно натѣшиться всласть надъ несчастными
Этой забавой хотѣлъ.

Гнѣвомъ вскипѣлъ я, злодѣю ужасному
Въ душу рѣшилъ заглянуть,
И захлестнулъ я кровавою пѣною
Звѣрю — въ изсохшую грудь!

Грозный вскочилъ, отшатнулся какъ бѣшеный,
Понялъ движенье мое —
И приказалъ своимъ лютымъ опричникамъ
Кончить веселье свое.

Казнь прекратилася... Грозный помиловалъ
Тѣхъ, кто остался въ живыхъ,
Но не оставилъ на мѣстѣ измученныхъ,
Къ Волгѣ онъ выселилъ ихъ.

Тамъ моя сила! Ты знаешь, не разъ
Тамъ вырывалась она на показъ,
И въ лихолѣтье *), собравшись въ семью,
Тамъ проявила живучесть свою.»

Волховъ затихъ... вдругъ волною послѣднею
Онъ повернулъ мой челнокъ,
Кинулъ на землю, отхлынулъ отъ берега,
Мѣрно вздохнулъ — и замолкъ.

—

Я понялъ... Но прежде чѣмъ выйти на берегъ,
Я молча взглянулъ на рѣку,
Хотѣлось задать мнѣ, средь сумрака ночи,
Послѣдній вопросъ старику.

---

*) Лихолѣтьемъ русскій народъ назвалъ 1612 годъ.

Но старый боецъ угадалъ мою думу,
Сестру безнадежной тоски,
И выслушалъ я безотрадную правду
Отъ вѣчно свободной рѣки.

— «Не жди,—онъ сказалъ—не надѣйся напрасно;
Прошли, какъ завѣтные сны,
Прошли безвозвратно для нашего града
Преданья святой старины.

На лонѣ моемъ, подъ бѣгущей волною,
Глубо̀ко, у самаго дна,
Лежитъ новгородцевъ былая свобода,
И спитъ непробудно она.

Ревниво и зорко ее охраняютъ
Погибшія дѣти мои,
И только порой ей всплывать дозволяютъ
Въ завѣтное время они.

Въ глубокую ночь, когда вѣтеръ вздымаетъ
Горой мою мощную грудь,
Когда изъ людей ни одинъ не дерзаетъ
Пуститься въ обыденный путь —

Тогда выплываетъ былая свобода
Могучей русалкой со дна,
И мчится, и кружится въ бѣшеной пляскѣ
Съ моими волнами она,

И ждетъ, не раздастся-ли звонъ ей обычный,
Когда всѣ оковы спадутъ,
Когда, наконецъ, на народное вѣчѣ
Съ почетомъ ее позовутъ.

Но время проходитъ, а зова не слышно,
Все спитъ, все забыто давно,
И снова свободы погибшія дѣти
Ее увлекаютъ на дно.

Другого отвѣта не дастъ тебѣ Волховъ.
. . . .
. . . .
. . . .

Псковъ *).

Надъ Псковомъ нависла тяжелая мгла,
На душу народа она налегла,
И разумъ тревожитъ, и сердце щемитъ,
И только о голодѣ имъ говоритъ.

Полночь. Заснули уставшіе люди,
Въ городѣ тихо, пустынно въ Кремлѣ;
Мрачныя тучи несутся по небу,
Царствуетъ ночь на холодной землѣ.

Гдѣ-то внизу, по рѣкѣ, по Великой,
Катятся волны незримой воды,
Мѣрный напѣвъ ихъ мелодіи дикой
Странное чувство волнуетъ въ груди.

---

*) Стихотвореніе это было написано во время свирѣпствовавшаго въ Псковской губерніи голода.

Дремлетъ природа... и только порою
Камень обвалится съ древней стѣны,
Да въ слободѣ городской за рѣкою
Въ храмѣ Господнемъ мерцаютъ огни.

Древній городъ, не мало и ты потрудился
Для великаго племени русской земли,
Ты оплотомъ ей былъ, ты съ тевтонцами бился.
И они твою мощь одолѣть не могли.

Ты не разъ ихъ видалъ подъ своими стѣнами,
Но ни разу ихъ въ стѣны свои не впускалъ;
Ты умѣлъ управляться съ своими врагами,
И не разъ, въ свою очередь, имъ угрожалъ.

Ты свободою жилъ, самъ собой управлялся,
Не нуждался ты въ выходцахъ чуждой страны,
И на вѣчѣ всегда цѣликомъ собирался,
Исполняя преданья святой старины.

Ты выслушивалъ всѣхъ, не дѣлилъ ты народа,
И рѣшалъ большинствомъ голосовъ всѣ дѣла,
И глубоко въ тебѣ вкоренилась свобода,
И прочна на Руси твоя слава была.

Но пришли для тебя дни тяжелыхъ невзгодъ,
И насталъ твой чередъ покориться,
Когда князь Іоаннъ, собирая народъ,
Порѣшилъ и съ тобою сразиться.

Ты свободу любилъ, только ею и жилъ,
Не хотѣлъ никому поклониться,
И на вѣчѣ рѣшилъ, за свободу свою,
Ты съ Москвою коварною биться.

Ты упорно стоялъ, когда князь разорялъ
Твои вотчины, слободы, села,
Ты безъ боя ему ничего не сдавалъ—
Не хотѣлъ ты признать произвола.

Ты боролся, какъ могъ... Наконецъ, изнемогъ,
И предъ княземъ Васильемъ склонился,
И съ тѣхъ поръ ты глубоко заснулъ и умолкъ,
Словно мракомъ могильнымъ покрылся.

Съ той поры ты не жилъ, ты другихъ лишь кормилъ.
Отъ рожденья до самой могилы,
Произволъ крѣпостной тебя жадно давилъ
И сосалъ твои лучшія силы.

Ты долго спишь, но знаю я,
И знаетъ русская земля,
Что если врагъ тебя коснется,
То вновь въ душѣ твоей проснется
Все та же мощь былыхъ временъ,
И созоветъ набата звонъ
Твоихъ сыновъ, и ты, какъ встарь,
Какъ древній городъ-Государь,
Возстанешь разомъ для защиты

Твоихъ домовъ, твоихъ святынь,
Твоихъ разрушенныхъ твердынь,
Слѣдовъ войны, слѣдовъ невзгоды,
Слѣдовъ заглохнувшей свободы!

Но есть на свѣтѣ врагъ иной,
И съ нимъ на смерть должны мы биться,
Онъ неразрывной пеленой
Покроетъ все, гдѣ поселится.
Невидимъ онъ, но такъ силенъ
И такъ могучъ, что все выноситъ;
Онъ съ человѣкомъ сотворенъ,
И много зла ему приноситъ.
И съ нимъ бороться не легко;
Но тотъ, кого онъ одолѣетъ,
Тотъ засыпаетъ глубокò
И самъ врага того лелѣетъ.
Ты понялъ, Псковъ? А если нѣтъ,
Такъ выслушай! Ужъ много лѣтъ,
Въ твоемъ Кремлѣ, въ твоей святынѣ,
Какъ вѣстникъ Божьей благостыни,
Лежитъ твой князь. Нетлѣненъ онъ,
Хотя давно ужъ погребенъ
Въ твоихъ стѣнахъ; надъ нимъ повѣшенъ
Его же мечъ въ своихъ ножнахъ,
А рядомъ грамата. О ней
Я говорилъ въ одинъ изъ дней
Съ твоимъ степеннымъ гражданиномъ,
Который былъ хотя не старъ,

Но много видѣлъ, много зналъ,
И мнѣ во храмѣ онъ сказалъ:
Что снова станешь ты великъ,
И твой народъ тогда созрѣетъ,
Когда послѣднiй твой мужикъ
Ту грамату прочесть съумѣетъ!

Трудись же, мой городъ, трудись не сословно,
А дружно, всѣмъ мiромъ, врага изгоняй,
И грамотѣ всѣхъ обучай поголовно,
И словомъ разумнымъ себя просвѣщай.

Кто грамоту знаетъ, того не обманутъ,
Тотъ сāмъ прочитаетъ и самъ все пойметъ,
И имъ помыкать беззаконно не станутъ,
И къ свѣту дорогу онъ легче найдетъ.

И станетъ ему, безъ обмана, извѣстно,
Чтò можетъ онъ дѣлать, чтò долженъ давать,
Какую на пользу законно и честно
Повинность придется ему отбывать.

И станетъ возможнымъ завѣтное время,
Когда ты поймешь, какъ собой управлять,
Когда ты оцѣнишь, что право—не бремя,
И станешь разумныхъ людей выбирать:

На земское дѣло, на дѣло мiрское,
Въ управы, и въ думы, и въ волость, и въ судъ,

И всюду, гдѣ только возможенъ донынѣ
Общественный, вольный и выборный трудъ.

То время настанетъ, тотъ день не далекъ,
Вѣдь смыслъ народа силенъ и глубокъ,
Онъ все одолѣетъ, и станетъ легка
Ему та работа, тотъ трудъ; но пока...

Надъ Псковомъ виситъ непроглядная мгла,
На душу народа она налегла,
И разумъ тревожитъ, и сердце щемитъ,
И только о голодѣ имъ говоритъ.

Коромыслова башня.

1.

Тамъ, гдѣ въ Волгу Ока, нашей Руси рѣка,
Свои тихія волны вливаетъ
И весенней порой, быстротечной волной,
Далеко берега заливаетъ,

Тамъ, татарамъ на страхъ, на высокихъ горахъ
Нижній Новгородъ былъ заложенъ;
Былъ церковный соборъ, княжій теремъ и дворъ
Деревянной стѣной обнесенъ.

Но изъ бревенъ стѣна не прочна, не страшна,
И не мало ветшала съ годами,
И не разъ отъ огня пострадала она,
И не разъ разорялась врагами;

И притомъ каждый годъ прибавлялся народъ —
Изъ другихъ городовъ выселялись,
Да плодились свои, да изъ русской земли
Люди ратные къ князю сбирались;

Такъ что старой стѣны, въ дни осадной войны,
Не хватало для общей защиты.
И не разъ отъ враговъ, при пожарѣ домовъ,
Было много народу побито.

Князь дружину собралъ и совѣтъ съ ней держалъ,
Какъ бы стѣны прочнѣе устроить;
И рѣшили одно, что пора бы давно
Ихъ изъ прочнаго камня построить;

Да въ подземный тайникъ отвести тотъ родникъ,
Что течетъ по горѣ за стѣною,
Для того, чтобы всѣхъ, въ дни кровавыхъ потѣхъ,
Могъ съ избыткомъ снабжать онъ водою.

Порѣшили—и князь въ то же утро приказъ
Разослалъ въ города и селенья,
Чтобы черный народъ, послѣ лѣтнихъ работъ,
Собиралъ бы повсюду каменья;

Собиралъ по полямъ, по лѣсамъ, по лугамъ.
А зимой подвозилъ постепенно;
И разсчетъ былъ таковъ, чтобы на пять дворовъ
По сажени пришлось непремѣнно.

А съ торговыхъ людей, да заѣзжихъ гостей
Сдѣлать сборъ по другому разсчету,
И тѣ деньги хранить, и изъ нихъ заплатить
Мастерамъ за труды и работу.

Наступила весна, зеленѣла сосна,
Таялъ снѣгъ и земля почернѣла;
Ночью тронулся ледъ, а ужъ къ утру зоветъ
Князь людей приниматься за дѣло.

Собрались — и пошли, и стѣну обошли,
Толковали и спорили въ пору,
Отъ однихъ получили разумный отвѣтъ,
Отъ другихъ понаслышались вздору.

Наконецъ, толкованье и споръ порѣшивъ,
Какъ имъ стѣны провесть согласились,
И канавой потомъ обвели ихъ кругомъ,
Чтобъ рабочіе люди не сбились.

— «Ну теперь, молвилъ князь—скоро будетъ у насъ
Попросторнѣй въ осадную пору,
И гораздо труднѣе врагамъ одолѣть
Укрѣпленную камнями гору.

Завтра вы, мастера, не лѣняся, съ утра
На работу кремля выходите,
И вонъ тамъ, у угла, гдѣ дорога была,
Вы закладывать башню начните.»

— «Такъ-то такъ... только, князь, есть обычай у насъ,
Что велитъ зарывать безъ пощады
Всѣхъ, кто первымъ пройдетъ, въ день начала работъ,
Тамъ, гдѣ стѣну закладывать надо.

Тотъ обычай не вздоръ, онъ идетъ съ давнихъ поръ —
Самый Новгородъ тѣмъ вѣдь и крѣпокъ,
Что подъ башней одной, за Софійской стѣной,
Тамъ зарытъ былъ одинъ малолѣтокъ.

Ужъ кому суждено, тотъ пройдетъ, все равно
Будь то звѣрь, человѣкъ, или птица;
А иначе стѣна вѣдь не будетъ прочна.
Да и строить ее не годится.»

— «Знаю самъ, не забылъ, и тебя не просилъ
Я сегодня объ этомъ напомнить,
И Ордынцу Сергѣю вчера поручилъ
Тотъ обычай и нынѣ исполнить.

Завтра онъ совершитъ, что обычай велитъ,
И начнетъ съ мастерами работу...
А теперь, кто со мной, забѣгите домой,
Да и въ поле—пора на охоту.»

2.

Той порой, на горѣ, на Почайнѣ рѣкѣ,
На посадѣ у церкви Кондрата
Проживалъ молодецъ, пригородный купецъ,
По прозванью Григорій Лопата.

Былъ онъ родомъ съ Днѣпра, но нужда привела
Его въ Нижній, гдѣ онъ поселился,
Торговалъ, сталъ богатъ, и съ полгода назадъ
На посадскаго дочкѣ женился.

Въ день закладки стѣны для осадной войны
Поздно утромъ Алёна проснулась
И, открывши глаза, послѣ крѣпкаго сна
Съ наслажденьемъ разокъ потянулась;

Но въ испугѣ затѣмъ соскочила совсѣмъ,
Подбѣжала къ окну, посмотрѣла: —
«Ай, шепнула, бѣда, я никакъ проспала
И воды принести не успѣла.

Ну, а какъ на бѣду, пока я не приду,
Встанетъ мужъ, пожелаетъ умыться
И воды не найдетъ, вѣдь пожалуй прибьетъ,
Цѣлый день потомъ станетъ браниться.

Вонъ ужъ скоро народъ отъ обѣдни пойдетъ,
Ишь какъ солнце поднялось высòко;
Неравно кто зайдетъ, а меня не найдетъ,
За водою идти вѣдь далèко.»

Притаившись какъ звѣрь, отперла она дверь,
Сердце въ ней такъ отъ страху и билось,
Оглянулась кругомъ — и скорѣе бѣгомъ
На рѣку за водою спустилась.

Прибѣжала на плотъ, смотритъ — кто-то идетъ,
А она и платка не надѣла;
И скорѣе воды зачерпнула она,
И обратно идти уже хотѣла.

Но взбираться горой, по тропинкѣ сырой,
Тяжело, и скользятъ сильно ноги;
А короче былъ путь, коль стѣну обогнуть
И дойти до проѣзжей дороги.

И Алёна пошла тамъ, гдѣ легче идти,
Гдѣ скорѣй можно было вернуться,
Чтобъ пораньше придти и воды принести,
Пока мужъ не успѣетъ проснуться.

Вотъ идетъ и съ трудомъ коромысло несетъ,
Тяжело—не мужская вѣдь сила;
Вдругъ, глядитъ—въ сторонѣ, примыкая къ стѣнѣ,
Яма вырыта—словно могила.

Любопытства у бабъ ужъ не выбьешь никакъ,
Не могла не взглянуть, не стерпѣлось,
Нѣтъ ли въ ямѣ кого, не лежитъ ли чего,
Непремѣнно узнать захотѣлось.

Вотъ она подошла, яму ту обошла
И на дно ямы той посмотрѣла,
Но едва лишь затѣмъ на другое плечо
Положить коромысло успѣла,

Какъ изъ ближнихъ воротъ показался народъ,
Все угрюмыя, грозныя лица;
— «Эй, кричатъ: погоди! дальше ты не иди,
Молодая жена иль дѣвица!

А поподчуй водой!» И живою стѣной
Вся толпа ее въ мигъ окружила;
Но Алёна не робкой была создана́
И съ усмѣшкою всѣхъ ихъ спросила:

— «Шутку, что ли шутить, иль меня устрашить
Вы хотите? Да я не пуглива.
Вотъ ужо на зарѣ вы къ зеленой горѣ
Приходите, я тамъ говорлива.

А теперь не мѣшай! я по дѣлу иду
И на шутки теперь не гожуся;
Не мѣшай! говорю, а не то оболью!
Я вѣдь злая, когда разсержуся!»

— «Нѣтъ, не шутку шутить, не тебя устрашить
Мы хотимъ — наша шутка плохая;
И вечерней зари, и зеленой горы
Не видать ужъ тебѣ, молодая!

Эй, поди, доложи, да проворнѣй! скажи,
Что попался не звѣрь и не птица,
А живая душа, молода, хороша,
Городского купца молодица.

Впрочемъ, нѣтъ! погоди! даромъ ты не ходи!
Вонъ онъ самъ къ намъ идетъ, вѣрно видѣлъ,
Вѣрно самъ поджидалъ и, хоть слѣпъ нынѣ сталъ,
А красавицу вонъ гдѣ увидѣлъ.»

Глядь, и впрямъ — изъ воротъ торопливо идетъ
Княжій стольникъ, бояринъ Ордынецъ,
Весь какъ иней сѣдой, но въ бою удалой,
И великаго князя любимецъ.

Испугалась она, стала разомъ блѣдна,
Сердце въ ней что-то страшное чуетъ,
И стоитъ, и дрожитъ, и молитву творитъ,
И со страхомъ глядитъ что-то будетъ...

А старикъ себѣ шелъ, но едва подошелъ,
Какъ Алёна предъ нимъ повалилась
И молила пустить, и ей, глупой, простить,
Коль она въ чемъ-нибудь провинилась.

Но суровый старикъ съ давнихъ поръ ужъ привыкъ
Къ этимъ стонамъ, мольбамъ и рыданьямъ;
И скорѣй бы въ иномъ камнѣ дикомъ, чѣмъ въ немъ
Проявилось къ людямъ состраданье.

Онъ сурово взглянулъ, и ногой оттолкнулъ,
И велѣлъ, чтобъ ее придержали,
И кушакъ съ себя снялъ, и ей ротъ завязалъ,
Чтобы крика ея не слыхали.

— «Бабій умъ не великъ, но силенъ у нихъ крикъ,
Цѣлый день вѣдь кричать не устанетъ,
Ну, а глупый народъ, какъ заслышитъ, придетъ,
Отбивать, чего добраго, станетъ.

Эй, Иванъ! знаешь тамъ, гдѣ я съ вечера самъ
Двѣ доски приготовилъ съ тобою,
Такъ одну, подлиннѣй, принеси поскорѣй,
Захвати и веревку съ собою.

Вы-жъ сомкнитесь плотнѣй, никого теперь къ ней
Изъ родныхъ допускать не годится;
Лишь бы кончить скорѣй, да держите сильнѣй,
Что ей даромъ о землю-то биться!

А! принесъ, ну клади, да не такъ, погоди;
Положи тѣмъ концомъ на каменья;
Поровнѣе, вотъ такъ! поддержи же, дуракъ,
Ни на грошъ въ тебѣ нѣту умѣнья.

Ну, молодка, пора, мы вѣдь ждали съ утра,
Раньше солнца сегодня мы встали
И стоимъ у воротъ, да глядимъ, кто пройдетъ.
И глядѣть-то признаться устали.

Ну не бейся! лежи! не вертись! не дрожи!
Этимъ ты ничего не поможешь;
Ишь вѣдь какъ егозитъ, такъ изъ рукъ и скользитъ,
Словно угорь — не скоро уложишь!»

Онъ Алёну схватилъ, вдоль доски положилъ,
И съ обычной издавна сноровкой,
Отъ затылка до пятъ, словно малыхъ ребятъ,
Спеленалъ ее крѣпко веревкой.

— «Ну теперь не зѣвай! становитесь на край
И спускай потихоньку въ могилу.
Такъ!.. довольно!.. легла!.. ишь ты какъ тяжела,
Приподнять, такъ и то не подъ силу.

Ну, теперь въ самый разъ! Не гнѣвись же на насъ,
Раскрасавица — мы не причина;
Знать злодѣйка-судьба привела къ намъ тебя,
Знать такая ужъ доля-кручина.

А теперь мнѣ подай коромысло! да дай
И ведро, хоть оно ей не нужно,
Но нельзя не зарыть — все, что съ ней, положить
За одно по обычаю нужно.»

Все устроивъ, старикъ къ бѣдной жертвѣ приникъ
И кушакъ ей стянулъ поплотнѣе;
Изъ могилы прыгнулъ, и однако вздохнулъ,
И велѣлъ зарывать поскорѣе.

Но на зовъ старика не нашлася рука,
Чтобъ на страшное дѣло подняться,
И никто не хотѣлъ, и боялся, не смѣлъ
За такую работу приняться.

И старикъ осерчалъ и на нихъ закричалъ: —
«Что-жъ вы стали? живѣй за работу!
Надо кончить скорѣй, не легко вѣдь и ей,
Умирать никому не въ охоту.

Пусть погибнетъ она за весь городъ одна,
Мы въ молитвахъ ее не забудемъ;
Лучше гибнуть одной, да за крѣпкой стѣной
Отъ враговъ безопасны мы будемъ!»

И лопату схвативъ, и земли захвативъ,
На Алёну онъ бросилъ въ могилу,
А за нимъ и другіе ужъ стали бросать,
Чтобъ ее поскорѣй задушило.

И въ смущеньи нѣмомъ всѣ стояли кругомъ,
Лишь проворно работали руки.
Но никто не глядѣлъ и взглянуть не посмѣлъ
На несчастной предсмертныя муки.

Только солнце одно разсказать бы могло,
Что предъ смертью она испытала,
Какъ ей горе-слеза застилала глаза,
Какъ несчастная билась... дрожала...

Вотъ исчезло чело... вотъ и всю занесло...
Вотъ съ краями могила сравнялась...
И отъ жертвы живой, за обычай людской,
И слѣда надъ землей не осталось.

3.

Долго ждалъ-поджидалъ и сердился-ворчалъ
Молодой, поджидая молодку,
И ужъ молвилъ не разъ, что сегодня задастъ
Онъ Алёнѣ хорошую трёпку.

Наконецъ, не стерпѣлъ, шапку на̀ бокъ надѣлъ,
Заперъ дверь на замокъ за собою,
И не вымывъ лица, онъ спустился съ крыльца,
И пошелъ на рѣку за женою.

Вотъ подходитъ къ водѣ — нѣтъ Алёны нигдѣ,
На плоту лишь двѣ бабы стояли
И, согнувшись дугой, надъ проточной водой,
Тараторя, бѣлье полоскали.

Онъ ихъ зналъ и, шутя, имъ обѣимъ сказалъ,
Что Алёна съ утра закутила,
И спросилъ: чай, она и сюда-то пьяна
За водою на плотъ приходила?

— «Нѣтъ, родимый, не ври, отвѣчали они,
Мы Алёны твоей не видали;
Да давно ли она за водою пошла,
Изъ избы-то давненько ушла-ли?»

— «Да сказать мудрено, какъ, примѣрно, давно.
Я вѣдь спалъ — а она, какъ проснулась,
Чай пошла за водой, да съ тѣхъ поръ ужъ домой,
Сколько времени жду, не вернулась.»

— «Ишь ты, гдѣ-же ей быть? Не могла вѣдь забыть,
Что тебѣ надо будетъ умыться;
У тебя же она просто кладъ—не жена,
Хоть другимъ у нея поучиться.

А вотъ баялъ Ѳедотъ, да пожалуй и вретъ,
Что сегодня кого-то схватили
И вонъ тамъ, у воротъ, гдѣ работа идетъ,
Безъ вины и распроса зарыли,

Говоритъ: самъ слыхалъ, кто-то долго кричалъ,
А потомъ зарывать что-то стали.
Разузнай, на бѣду, не жену ли твою,
Чего добраго, тамъ закопали.

Говоритъ...» Но ужъ онъ былъ далеко отъ нихъ
И бѣжалъ напрямикъ безъ оглядки;
И болѣзненно сердце сжималося въ немъ
Отъ мелькнувшей внезапно догадки.

Наконецъ, добѣжалъ и за кàмнями всталъ,
А не то вѣдь прибьютъ, коль замѣтятъ —
И пытливо глядѣлъ, но спросить не посмѣлъ,
Да и зналъ, что они не отвѣтятъ.

И случилось же такъ, что Алёнинъ башмакъ,
Какъ ее зарывали, остался,
Былъ затоптанъ въ песокъ, и случайно носокъ
На глаза ему прямо попался.

Тотъ изъ пары одной, что минувшей весной
Онъ купилъ у татаръ за двѣ бѣлки;
Что обшитъ былъ кругомъ по краямъ серебромъ,
А съ боковъ были вышиты стрѣлки.

Догадался купецъ, понялъ все наконецъ,
И, какъ снопъ, на траву повалился,
И съ рыданьемъ глухимъ о холодной песокъ
Надъ могилой Алёны онъ бился.

Если-бъ только онъ зналъ, онъ бы то имъ сказалъ
Что они бы ее отпустили;
Вѣдь они не одну закопали жену,
Вѣдь они и ребенка зарыли.

Долго онъ ихъ молилъ и отрыть все просилъ,
Хоть взглянуть на жену — не жива-ли;
Но старикъ осерчалъ, отогнать приказалъ,
И съ угрозой его отогнали.

Цѣлый день онъ бродилъ, самъ не зналъ, гдѣ ходилъ —
И лишь поздней ночною порою
Очутился бѣднякъ, самъ не вѣдая какъ,
На обрывѣ крутомъ надъ Окою.

Сильный вѣтеръ шумѣлъ, небо мглою одѣлъ,
И страшна была темная ночь;
Но никто не умѣлъ, и не могъ, и не смѣлъ
Овдовѣвшему мужу помочь.

И въ безумной тоскѣ онъ взмолился рѣкѣ: —
«Ты сильна, имъ тебя не обидѣть;
Отомсти - и волной ты могилу размой,
Дай хоть кости мнѣ милыхъ увидѣть!

За услугу твою, я тебѣ отдаю
Свою грѣшную душу и тѣло,
Хоть послѣднимъ рабомъ буду въ царствѣ твоемъ,
Лишь скорѣй принимайся за дѣло!»

И съ проклятьемъ вздохнувъ, и на небо взглянувъ,
Безпредѣльною злобою полный,
Не боясь темноты, онъ съ крутой высоты
Въ разъяренныя кинулся волны.

Съ той поры каждый годъ, только тронется ледъ,
Начинаетъ Ока волноваться;
Послѣ зимняго сна, новой силой полна,
Не по днямъ—по часамъ разливаться.

Соберетъ всѣ снѣга и зальетъ берега,
И шумитъ, и бушуетъ, и злится,
И волну за волной высылаетъ на бой,
И до башни добраться стремится.

Но гора высока—и напрасно рѣка
Тратитъ даромъ могучія силы;
И прибои волны башнѣ той не вредны,
И не смыть имъ завѣтной могилы.

Архимандритъ Порфирій *).

Въ Москвѣ, на прародительскомъ престолѣ,
Великій князь всея Руси Василій
Самодержавно правилъ, продолжая
Завѣщанный ему тяжелый трудъ
Созданія обширнѣйшаго царства.
Достойный сынъ коварнаго отца,
Онъ неуклонно шелъ къ завѣтной цѣли,
Не брезгая ничѣмъ, чтобъ пріумножить
Свои владѣнья и самодержавнымъ
Владыкой сдѣлаться всея Руси.
Въ то время, на Руси, изъ всей обширной
Семьи князей удѣльныхъ оставался
Одинъ лишь князь Василій, внукъ Шемяки,
Владѣтель Сѣверскій. Давно служилъ
Онъ вѣрою и правдой властелину

*) См. «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», Н. Костомарова. Выпускъ второй, стр. 357.

Всея Руси и храбро, честно бился
Противъ поляковъ, крымцевъ и иныхъ
Враговъ Москвы; но онъ былъ князь удѣльный,
Онъ сохранилъ тѣнь власти—и Василій
Рѣшилъ его погибель, и позвалъ
Къ себѣ, въ Москву. Шемячичъ догадался,
Зачѣмъ его зовутъ, и побоялся
На зовъ явиться. Но чернецъ коварный.
Митрополитъ московскій Даніилъ,
Далъ слово вѣрное ему порукой,
Что безопасенъ будетъ онъ въ Москвѣ.
Повѣрилъ князь такому слову, смѣло
Въ Москву пріѣхалъ—и попался въ сѣти,
Разставленныя опытной рукой.
Схватили князя, заковали въ цѣпи
И, обвинивъ въ сношеніи съ Литвой,
Въ подземную темницу заключили,
Гдѣ долго онъ томился, изнывая,
И, наконецъ, окончилъ жизнь свою.
Василій былъ спокоенъ—что-жъ, вѣдь онъ
На пользу государства совершилъ
Несправедливость эту; не впервые
Ему и его хитрому отцу,
Ивану Третьему, коварство это
Надъ русскими князьями удавалось.
Но возмутился этою расправой
Игуменъ лавры Троицкой, намѣстникъ
Монастыря, гдѣ жилъ когда-то Сергій,
Архимандритъ Порфирій, и когда

. . . .

Великій князь Василій, съ пышной свитой,
На праздникъ храмовой пріѣхалъ въ лавру,
То, окропивъ его святой водой
И давъ облобызать Господень крестъ,
Архимандритъ Порфирій обратился
Къ нему, при всѣхъ, съ такою грозной рѣчью:
—«Когда ты, князь, сюда, во храмъ, пріѣхалъ,
Чтобъ испросить прощенье во грѣхахъ —
Будь милосердъ и самъ со всѣми. коихъ
Ты такъ безвинно гонишь. Если-жъ ты,
Стыдясь неправды, станешь увѣрять,
Что эти жертвы бѣдныя твои
Передъ тобой виновны, то припомни
Завѣтъ Христа—и отпусти вины имъ,
Ничтожные динаріи въ сравненьи
Съ твоими, князь, талантами грѣха.»
Разгнѣвался Василій: какъ! ему!
Владыкѣ грозному, передъ которымъ
Трепещутъ всѣ и падаютъ во прахъ,
Вдругъ, въ Божьемъ храмѣ, всенародно, въ праздникъ,
Простой монахъ дерзаетъ громогласно
Такую рѣчь преступную держать...
Разгнѣвался безмѣрно князь Василій
И приказалъ немедленно изгнать
Его изъ храма, заключить въ оковы,
Свезти въ Москву и засадить на-вѣки
Въ страннопріимный домъ князей московскихъ,
Въ ужасную, подземную тюрьму.

Архимандритъ Порфирій не смирился
И каяться въ своихъ словахъ не сталъ,
И жилъ въ тюрьмѣ, спокойно ожидая,
Когда и какъ въ Москвѣ съ нимъ порѣшатъ.
Онъ былъ монахъ—и для него тюрьма
Была все той же монастырской кельей,
Въ которой онъ обѣтъ свой исполнялъ.
Онъ такъ же ежедневно въ ней молился,
И каждый день поклоны въ ней творилъ,
И пѣлъ молитвы, и по четкамъ тихо
Святое имя Божье призывалъ.
Но сырость, тьма, отсутствіе движенья
Невольно повліяли на Порфирья,
И сталъ онъ чахнуть. Сторожемъ въ тюрьмѣ
Былъ человѣкъ суровый, равнодушный
Къ людскимъ страданьямъ; много видѣлъ онъ
Расправъ кровавыхъ, много тайнъ ужасныхъ
Лежало на его душѣ. Сурово
Онъ и къ Порфирью относился, строго
Блюдя великокняжескій наказъ.
Но у него была жена; старуха
Видала много горя, испытала
Не мало скорби на своемъ вѣку,
И потому невольно сохранила
Сочувствіе къ страданію людей.
Ей стало жаль опальнаго монаха,
Страдавшаго за смѣлую правдивость,
И вздумала она его спасти.
Однажды, ночью, когда мужъ вернулся

Въ свою каморку и, ключи повѣсивъ
Надъ изголовьемъ, легъ, не раздѣваясь,
На жесткую постелю и уснулъ—
Его жена тихонько, осторожно,
Сняла безъ шуму связку тѣхъ ключей
И, выйдя въ коридоръ, крадясь какъ кошка,
Поспѣшно подошла къ дверямъ той кельи,
Гдѣ заточенъ Порфирій былъ. Дрожа,
Она тихонько отыскала ключъ
И, отомкнувъ замокъ тяжеловѣсный,
Пріотворила дверь и тихо-тихо
Проговорила въ темнотѣ:—«Отецъ,
Свободенъ ты... иди сейчасъ, не медли...
Я провожу тебя...» Узналъ Порфирій
Старухи голосъ, выбрался изъ кельи
И осторожно къ выходу пошелъ.
Но тамъ, у двери, вдругъ остановила
Его старуха и рукою, молча,
Его втолкнула въ темную каморку,
Прибавивъ тихо: — «Подожди, отецъ!
Я посмотрю—свободна-ли дорога
И безопасно-ль выбраться тебѣ.»
Вошелъ Порфирій въ темную каморку
И, за собою дверь призатворивъ,
Сталъ ожидать... Тѣмъ временемъ старуха
Ушла во дворъ... Вдругъ, гдѣ-то, недалеко
Раздался тяжкій стонъ и громкимъ эхомъ
Подъ сводами пронесся. Разбудилъ
Онъ сторожа тюремнаго; проснулся

Старикъ суровый и рукой привычной
Хотѣлъ снять связку. Ищетъ—нѣтъ ключей!
Вскочилъ старикъ въ испугѣ, началъ шарить
По всей стѣнѣ—но связки нѣтъ; позвалъ онъ
Свою жену... нѣтъ и жены. Въ испугѣ,
Дрожа какъ листъ, онъ отыскалъ огниво,
Добылъ огня, зажегъ фонарь и быстро
Пошелъ по коридору, наблюдая,
Висятъ-ли на дверяхъ замки исправно
У каждой кельи. Смотритъ... смотритъ... да,
У кельи, гдѣ сидѣлъ монахъ Порфирій,
Дверь отперта́ и тутъ же на полу
Лежитъ замокъ. Какъ бѣшеный, рванулся
Старикъ впередъ и, добѣжавъ мгновенно
До выхода, взглянулъ—открыта дверь,
И холодъ ночи свѣжею струею
Ему пахнулъ въ лицо. Тутъ догадался
И понялъ все, старикъ:—ушелъ Порфирій,
Освободился.—«Какъ же доложить
Объ этомъ князю? Какъ ему сказать,
Какимъ путемъ свершенъ побѣгъ отсюда,
Откуда ни одинъ еще доселѣ,
Помимо воли князя, не дерзалъ
Спастись побѣгомъ? Не повѣрятъ правдѣ,
И скажутъ всѣ, что я ему помогъ,
Что я виною, что я былъ подкупленъ,
Что я его освободилъ...» Огнемъ
Тѣ мысли жгли трепещущее сердце
Суроваго блюстителя тюрьмы.

—«Отвѣчу я!.. Но какъ?.. Вѣдь мнѣ извѣстно.
Какъ расправляться съ жертвами привыкъ
Великій князь. Ужасныя страданья,
Рядъ страшныхъ пытокъ... муки безъ конца...
Нѣтъ, лучше смерть!.. мгновенная... сейчасъ же,
Пока еще до князя не дошла
Лихая вѣсть.» Вздохнулъ старикъ глубо̀ко,
Досталъ веревку, прицѣпилъ на крюкъ,
Висѣвшій у дверей, и сдѣлавъ петлю,
Надѣлъ ее на шею. Но предъ тѣмъ,
Чтобъ затянуть ее, въ мгновенье это
Въ немъ пробудилась совѣсть, захотѣлъ
Онъ испросить у Господа прощенье
Своимъ грѣхамъ минувшимъ и тому,
Ужаснѣйшему, на который нынѣ
Онъ посягалъ. Поднявъ высо̀ко руки
И обративъ горѣ съ молитвой взоръ.
Тюремщикъ старый началъ передъ Богомъ
Въ своихъ великихъ каяться грѣхахъ.
Онъ каялся усердно, со слезами.
Припоминая все, что онъ творилъ,
Молилъ онъ Бога отпустить ему
Его вины и не отвергнуть нынѣ
Его раскаянья... Старикъ молился—
И эхо̀ разносило вдаль по сводамъ
Его неясный шопотъ. Вдругъ почуялъ
Онъ чью-то руку на своемъ плечѣ.
—«Идутъ!.. узнали!..» промелькнуло быстро
Въ его умѣ — и онъ рванулся сильно,

Чтобъ затянуть покрѣпче петлю разомъ
И порѣшить съ собой. Но чьи-то руки
Его остановили, и раздался
Во тьмѣ знакомый голосъ: — «Подожди,
Опомнись и не бойся... Ты рѣшился,
Изъ страха передъ княжескою местью
За мой побѣгъ, покончить съ жизнью разомъ
И жертвой ада сдѣлаться на-вѣкъ.
Остановись... не бойся — не ушелъ
Монахъ Порфирій. Здѣсь онъ — предъ тобой!
Сведи его обратно въ подземелье,
Запри на ключъ и, вмѣсто страшной смерти,
Сходи во храмъ, и тамъ смиренно кайся
Въ томъ, что ты здѣсь рѣшился совершить.»
Оторопѣлъ тюремщикъ. . «Сонъ? видѣнье?
Иль навожденье сатаны?..» Нѣтъ точно
Стоялъ предъ нимъ Порфирій. Осторожно
Онъ снялъ веревку съ шеи старика
И, взявъ его за плечи какъ ребенка,
Самъ подошелъ съ нимъ къ кельѣ, гдѣ томился,
Вошелъ туда и, затворивши дверь,
Сказалъ: — «Теперь ты подними замокъ,
Запри на ключъ—и возвращайся съ миромъ
Къ себѣ въ каморку.» . . . .

Не утерпѣлъ обрадованный сторожъ
И разсказалъ объ этомъ — и до князя
Молва людская донесла ту вѣсть.

И тронуло суроваго владыку
Извѣстье это; умилился деспотъ,
И отпустилъ опальнаго монаха
Онъ на свободу. Удалился инокъ
На̀ Бѣлозерье, и въ служеньѣ Богу
Провелъ остатокъ дней своихъ, и мирно.
О Господѣ, въ пустынѣ опочилъ.

Великая княгиня Соломонія.

(въ иночествѣ Софія).

Келья Суздальскаго Покровскаго монастыря.

Безплодна я, вотъ въ чемъ обвинена
И вотъ за что ужъ столько лѣтъ одна
Я въ этой кельѣ плачу и томлюся;
Съ моей тюрьмой, съ моею долей злой,
Съ моей ужасной роковой судьбой —
До гроба съ ними я не примирюся.

Коварный мужъ, охолодѣвъ ко мнѣ
И къ монастырской осудивъ тюрьмѣ,
Онъ до конца скрывалъ свое рѣшенье;
Пришли гурьбой и повезли во храмъ,
Всѣ палачи ужъ были въ сборѣ тамъ,
И надо мной свершили постриженье.

Недобровольно чинъ я приняла,
И Господа въ свидѣтели звала,

Что не хочу отъ міра отрекаться;
Твердила я, что тяжкій грѣхъ творятъ
Они со мной, и что такой обрядъ
Лишь добровольно можетъ совершаться.

Когда надѣлъ чернецъ, потупя взоръ,
Мнѣ на главу монашескій уборъ,
Я сорвала, ногами истоптала,
И отшвырнувъ—въ безсиліи своемъ
Передъ отверстымъ павши алтаремъ,
Владычицу на помощь призывала.

Тогда Шигона, изъ дворцовыхъ слугъ,
Холопъ, готовый для такихъ услугъ,
Ногайской плетью до крови ударя,
Скрутилъ мнѣ руки, и на возгласъ мой:
—«Какъ смѣешь бить?»— отвѣтилъ съ похвальбой,
Что исполняетъ волю государя.

Дрожала я, горѣла, какъ въ огнѣ;
Что оставалось дѣлать бѣдной мнѣ?
Замолкнула—и только трепетала.
Пускай творятъ насилье надо мной,
Предъ Господомъ отвѣтятъ въ часъ иной;
Какъ въ забытьи во храмѣ я стояла.

Мелькалъ свѣчей зажженныхъ длинный рядъ...
Въ смущеніи окончили обрядъ.

Почти безъ чувствъ изъ храма потащили,
И въ тотъ же день, не давши отдохнуть,
Отправили меня въ далекій путь
И въ монастырь суровый заключили.

Тамъ, въ душной кельѣ, я занемогла,
И странною болѣзнь моя была,
Казалося, что съ глазу приключилось;
Порой тоска, порой болѣла грудь,
То все спала, то не могла уснуть—
Не понимала, что со мной случилось.

Въ ненастный день, въ передвечерній часъ
Дошло извѣстье страшное до насъ,
Что не безъ цѣли князь со мной разстался,
И съ Глинскою, разлучницей моей,
Въ надеждѣ отъ нея имѣть дѣтей,
Торжественно во храмѣ повѣнчался.

Узнала я — и чуть не умерла,
Едва дышать отъ горя я могла,
И предъ иконой съ воплемъ опустилась,
И въ этотъ мигъ, когда я, какъ въ огнѣ,
Горѣла вся и билася, во мнѣ
Подъ сердцемъ что-то вдругъ зашевелилось.

Испугъ и страхъ... схватилась я за грудь,
Но нѣтъ не тамъ, а ниже и чуть-чуть

Внутри меня какъ будто отрывалось.
Не можетъ быть? Нѣтъ такъ! сомнѣнья нѣтъ!
Мое дитя, желанье столькихъ лѣтъ,
На скорбь мою такъ нѣжно отзывалось.

Но поздно, поздно! Князь уже женатъ
И вѣсти этой будетъ онъ не радъ,
Хоть передъ нею духомъ не смутится;
Не дрогнетъ сердце отчее его,
Не пощадитъ ребенка своего,
И какъ съ врагомъ, онъ съ нимъ распорядится.

Настали дни заботы и тревогъ,
Надзоръ монахинь былъ пытливъ и строгъ,
Я тяготу свою скрывать старалась;
За жизнь свою, за нашу жизнь вдвоемъ,
И ночью въ чуткой дремотѣ, и днемъ,
Я каждый часъ, я каждый мигъ боялась.

Но срокъ пришелъ... Не въ теремномъ дворцѣ,
Съ улыбкою на радостномъ лицѣ,
Наслѣдника я Руси подарила;
Съ испугомъ всѣ глядѣли на меня,
Какъ на преступницу; недолго я
И грудью матери его кормила.

Тянулись дни и съ ними вѣчный страхъ —
Молчаніе царило на устахъ,

Всѣ изъ Москвы приказа ожидали;
Желанный сынъ помѣхой сталъ отцу,
Приказъ суровый отданъ былъ гонцу,
Съ надежной стражей къ намъ его прислали.

Не знала я, что̀ ожидаетъ насъ,
Меня страшилъ невѣдомый наказъ,
Гонецъ со мной не вымолвилъ ни слова;
И горько я рыдала по ночамъ,
Не довѣряя княжьимъ палачамъ,
Надъ головой малютки дорогого.

Стоялъ стрѣлецъ дозорный въ ночь и днемъ
Передъ моимъ рѣшетчатымъ окномъ,
И никого ко мнѣ не допускали,
И, наконецъ, молчаніе храня,
Снадобьемъ соннымъ опоивъ меня,
Они ребенка моего украли.

Гдѣ онъ теперь? Сторонятся... молчатъ...
Лишь на меня участливо глядятъ...
Убитъ навѣрно онъ гонцомъ суровымъ,
Любимцемъ князя—и въ дѣяньяхъ злыхъ,
Въ дѣлахъ убійствъ и казней потайныхъ,
Его приказъ всегда чинить готовымъ.

Убитъ, убитъ! задавленъ, какъ щенокъ!
Спасти его никто уже не могъ,

Не знаю даже, гдѣ его могила.
Бездушный мужъ! оставь ты мнѣ дитя,
Оставь мнѣ сына — и за это я
Тебѣ бы все и искренно простила.

Такъ я живу въ истомицѣ своей,
Вдова — при мужѣ, мать и безъ дѣтей,
Монахиня—безъ вольнаго обѣта,
Одна!... одна!... все прошлое ушло;
Лишь вѣрой въ воздаяніе за зло,
Да въ правосудье Божіе согрѣта.

Не долго ждать. Болѣзненно томитъ
Меня недугъ, и мнѣ онъ говоритъ,
Что близокъ часъ и жить я перестану.
Тамъ подожду—настанетъ твой чередъ,
И для тебя онъ скоро подойдетъ,
И я съ тобой на Божій судъ предстану.

И не одна! со мной предстанетъ сынъ,
И задрожишь ты, грозный властелинъ,
И примешь казнь за страшное дѣянье!
Тамъ нѣтъ князей! иной тамъ святъ вѣнецъ!
Тамъ власти всей земной твоей конецъ,
Тамъ за грѣхи отъ Бога воздаянье.

Иванъ Грозный подъ Псковомъ.

Давно уже ночь наступила надъ Псковомъ,
Но въ городѣ глаза никто не смыкалъ
И съ трепетомъ сердца, въ ужасномъ томленьи,
Расправы крутой побѣдителя ждалъ.

Тяжелая ночь... За стѣной городскою
Раскинулся станъ кровожадный Царя,
Готовый во градъ покоренный ворваться,
Едва заалѣетъ на небѣ заря.

И въ станѣ побѣдномъ немногіе спали,
Точили ножи, заостряли мечи,
И только разсвѣта желаннаго ждали—
Готовились къ тяжкимъ трудамъ палачи.

Знакомы они, какъ чинится расправа
Надъ буйной, кичливой толпой городской,
Не сыты еще Новгородскою кровью,
Сбиралися нынѣ отвѣдать Псковской.

Но въ ставкѣ Ивана темно и спокойно,
Не слышно движенья, хотя онъ не спитъ,
Но плотно въ соболій тулупъ завернувшись,
Безмолвно на ложѣ спокойномъ сидитъ.

Вдругъ звонъ колокольный во Псковѣ раздался,
Ему отозвался другой — и во слѣдъ
Повсюду въ церквахъ зазвонили печально
Особеннымъ звономъ, предвѣстникомъ бѣдъ.

Гудѣли протяжно могучіе звуки,
Сзывая къ молитвѣ своихъ прихожанъ,
И быстро стекались на призывъ печальный
Толпы побѣжденныхъ Псковскихъ горожанъ.

И мѣрному звону дыханіе вѣтра
До слуха Царя долетѣть помогло,
И вздрогнулъ Иванъ, и минувшаго бремя,
Воспрянувъ, на душу его налегло.

Напомнилъ ли звонъ ему юность и время,
Когда онъ на русское царство вступалъ,
Когда непосильное юношѣ бремя
Съ мужами разумными онъ раздѣлялъ?

Напомнилъ ли время казанскихъ походовъ,
Когда онъ впервые враговъ побѣждалъ,
Когда, передъ мудростью царской склоняясь,
Народъ отъ него лишь добра ожидалъ?

Напомнилъ ли то пережитое утро,
Когда, обезумѣвъ предъ страшной бѣдой,
Стоялъ онъ во храмѣ надъ свѣжой могилой.
Столь рано погибшей жены молодой?

Напомнилъ ли бездну кровавыхъ дѣяній,
И сына кончину отъ длани отца,
И близкую смерть, да отвѣтъ неизбѣжный
Раба передъ вѣчной державой Творца?

Извѣстно лишь Богу... но только глубòко
Вздохнулъ онъ и выслушалъ звонъ до конца,
И чтò-то. чего ужъ давно не видали,
Мелькнуло въ чертахъ испитого лица.

И вышелъ онъ къ войску. Вокругъ ужъ собрàлись
Сподвижники подвиговъ страшныхъ его,
И только призыва Царя дожидались,
Чтобъ казни начать, не щадя никого.

Но вмѣсто былого призыва къ убійству,
Къ расправѣ крутой, какъ твердила молва,
Къ рѣзнѣ безпощадной, къ кровавому пиру,
Услышали звѣри иныя слова.

— «Притупите мечи, ужъ довольно убійствъ,
И лежачаго бить не довлѣетъ,
Изрекаю пощаду я всѣмъ — и никто
Измѣнить мою волю не смѣетъ.

Никому никакого вреда не чинить,
Никого обижать не дерзайте,
Даже тѣхъ, кто надъ вами худое свершитъ,
Безъ суда моего не карайте.

Въ эту ночь по церквамъ, предъ святымъ алтаремъ,
Всю крамолу они искупили;
Божью волю всегда исполняя во всемъ,
Мы вины ихъ охотно простили.»

Изумленно глядѣли бойцы на Царя
И словамъ его, молча, внимали;
Но никто возразить не рѣшился ему —
Гнѣва царскаго всѣ избѣгали.

Хоть сурово онъ встрѣтилъ толпу горожанъ,
Что̀ предъ нимъ съ хлѣбомъ-солью склонились
И со страхомъ безмолвнымъ, предъ грознымъ царемъ,
Въ супротивныхъ дѣяньяхъ винились,

Но спокойно онъ въ городъ крамольный вошелъ,
И святынямъ Псковскимъ поклонился,
И безъ страшныхъ убійствъ, безъ расправы крутой,
Даже гроша не взявъ изъ казны городской,
Въ тотъ же день онъ къ Москвѣ удалился *).

*) См. Святыни и древности Пскова. Графа М. Толстого.

Ермакъ.

Онъ былъ казакъ. Брега родного Дона
Его взростили въ зелени полей;
Какъ вѣрный сынъ свободнаго притона,
Не признавалъ онъ ставленыхъ властей.

Гулялъ свободно, грабилъ караваны,
И ужасъ наводилъ онъ на купцовъ;
Не страшны были царскія охраны
Отборной шайкѣ вольныхъ удальцовъ.

Но надоѣло, для корысти чуждой,
Свой хороводъ разбойничій водить,
И захотѣлось честной, вѣрной службой
Свои грѣхи былые искупить.

Прослышалъ онъ, что кличутъ кличъ съ Урала,
Зовутъ на помощь съ камскихъ береговъ,
Гдѣ храбрыхъ горсть побѣдно охраняла
Обширный край отъ натиска враговъ.

И онъ пошелъ туда съ своей ватагой,
Вступилъ на службу къ воинамъ-купцамъ,
Тамъ вдоволь было тѣшиться отвагой
И разгуляться волжскимъ молодцамъ.

Но не могли потѣхи обороны
Его души отважной утолить;
Провѣдалъ онъ, что есть въ Сибири троны,
Которыхъ мощь возможно сокрушить.

Хоть много ихъ, язычниковъ безбожныхъ —
Разбойникъ волжскій, чудо-богатырь,
Онъ, во главѣ товарищей надежныхъ,
Низринулся въ далекую Сибирь.

Среди лѣсовъ и тундры многоводной
Онъ смѣло шелъ, встрѣчаяся съ врагомъ.
Непобѣдимъ порывъ души свободной,
Когда она сражается съ рабомъ.

Для нихъ война считалася забавой;
Противостать враги имъ не могли;
И шли они съ побѣдоносной славой
Все дальше въ глубь невѣдомой земли.

Тамъ Ермаку никто не прекословитъ,
Числу враговъ онъ не подводитъ счетъ.
Кто льва рукой въ пустынѣ остановитъ?
Кто, дерзкій, путь ему пересѣчетъ!

Настигъ царя на воинской ловитвѣ,
Повелъ своихъ, отвагою дыша,
И доканалъ враговъ въ кровавой битвѣ,
Смѣшавъ ихъ кровь съ водою Иртыша.

И снарядилъ онъ къ Грозному посольство,
Чтобъ разсказать — какъ справился съ врагомъ;
Просилъ забыть былое своевольство
И царствомъ билъ державному челомъ.

И царь пословъ съ привѣтомъ яснымъ встрѣтилъ,
И принялъ даръ донского казака,
На подчиненье милостью отвѣтилъ,
Не вспомянулъ былое Ермака.

Онъ одарилъ отважныхъ добровольцевъ,
И шубу выслалъ съ царскаго плеча
Тому, кто былъ, какъ вождь тѣхъ своевольцевъ,
Давно намѣченъ жертвой палача.

Но часъ насталъ... Его изъ сотворенныхъ
Не избѣжитъ никто и никогда!
На горсть бойцовъ, въ сонъ крѣпкій погруженныхъ,
Набросилась свирѣпая орда.

Для Ермака не страшны нападенья.
Онъ билъ ее, какъ бьютъ враговъ орлы;
Но, ослабѣвъ, въ рѣкѣ искалъ спасенья
И въ волны прыгнулъ съ каменной скалы.

Онъ утонулъ, подавленный убранствомъ,
И прахъ его восприняла рѣка...
Но подарилъ онъ Русь обширнымъ царствомъ,
И чтитъ она тотъ подвигъ Ермака.

Печальникъ русской земли.

1.

Смеркалось. Въ своей незатѣйливой кельѣ,
Подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ,
Сидѣлъ у окна, во дворѣ монастырскомъ,
Опальный святитель Филиппъ.

Высокій, худой, величаво-спокойный,
Великій — въ смиреньи своемъ;
Хотя и въ одеждѣ простого монаха —
Всѣ чтили святителя въ немъ.

Филиппъ вспоминалъ то минувшее время,
Когда въ Соловецкой обители былъ
Игуменомъ онъ и Господнее стадо,
Какъ пастырь духовный, хранилъ.

---

*) Митрополитъ Филиппъ былъ изъ знатнаго и древняго рода Колычевыхъ. Сначала служилъ по ратному и земскому дѣлу, но тридцати лѣть отъ рода постригся въ Соловецкомъ монастырѣ.

На сѣверѣ дальнемъ, средь Бѣлаго моря,
Въ пустынной, холодной странѣ,
Въ снѣгахъ и во льду, гдѣ въ былыя годины
Лишь скалы торчали однѣ;

Создали обитель отшельники міра —
Далъ добрую почву ихъ трудъ,
И сталъ монастырь родникомъ православья,
И нынѣ въ немъ память ихъ чтутъ.

И долго Филиппъ той обителью правилъ,
И святостью жизни своей
Давалъ онъ, достойный служителя Бога,
Примѣръ подражанія ей.

Народъ богомольный, подвижники вѣры,
Туда свое горе несли,
Стекаясь въ обитель на островъ пустынный
Со всей православной земли.

Печальныя вѣсти они приносили:
Въ Москвѣ, воспріявъ царскій санъ,
Что годъ, то свирѣпѣе все становился
Владыка Руси Іоаннъ.

Опричину страшную вдругъ учредилъ онъ,
И гнѣвомъ безмѣрнымъ объятъ,
Казнилъ онъ безъ счета бояръ сановитыхъ
И даже ихъ малыхъ ребятъ.

Въ крови захлебнувшись, что день то ужаснѣй
Онъ пытки придумывалъ имъ,
И только старался, чтобъ медленнѣй въ мукахъ
Они умирали предъ нимъ.

Святитель скорбѣлъ глубоко; неустанно
Онъ Господа слезно молилъ,
Чтобъ внялъ онъ мольбамъ неповинныхъ страдальцевъ
И сердце царя укротилъ.

И вспомнилъ Филиппъ, какъ однажды въ обитель
Монахи гонца привезли
Съ письмомъ отъ Ивана, за царской печатью —
Владыкой церковнымъ Москвы

Его величалъ государь, извѣщая,
Что онъ возведенъ въ этотъ санъ
И избранъ духовнымъ главой православныхъ
Всей царской земли христіанъ.

Въ Москвѣ поселившись, владыка не думалъ
О томъ, чтобъ въ довольствѣ пожить,
Не могъ онъ отречься отъ лучшаго права
Защитою слабымъ служить.

И долгомъ священнымъ считалъ предъ Иваномъ
Просить за опальныхъ людей,
За всѣхъ, кто былъ жертвою царскаго гнѣва,
Но не былъ ни воръ, ни злодѣй.

Иванъ не любилъ, чтобъ подвластные люди
Давали совѣты ему;
Съ тѣхъ поръ, какъ избавился онъ отъ Сильвестра,
Онъ воли не далъ никому.

—«Молчи — говорилъ онъ — молчи, не вступайся
Въ мою государскую власть;
Они заслужили коварной измѣной
И худшую даже напасть!»

Но видя въ дѣяньяхъ Ивана не кару,
А дикаго звѣрства печать,
Какъ пастырь Господняго стада, святитель
Считалъ преступленьемъ молчать.

Не разъ грозный царь угрожалъ даже гнѣвомъ
Владыкѣ, но твердъ какъ скала,
Филиппъ не страшился угрозы — и воля
Его непреклонна была.

И смѣло, и грозно корилъ онъ Ивана,
Твердилъ ему правду въ глаза,
И рѣчи владыки, подъ сводами храма,
Звучали, какъ Божья гроза.

Невольно внималъ имъ Иванъ — и въ раздумьи
Изъ храма къ себѣ приходилъ,
И даже случалось, что цѣлыми днями
Смиренъ и кротокъ онъ былъ.

Такое влiянье пришлось не по нраву
Опричникамъ злымъ, вѣдь для нихъ
Насталъ бы конецъ всѣмъ кровавымъ забавамъ,
Когда бы Иванъ прiутихъ.

Устроили живо, доносчиковъ много
Явилось, къ тому же Иванъ
И самъ тяготился рѣчами Филиппа,
Хотя уважалъ его санъ.

Собралися судьи, служители Бога,
Но страхъ оковалъ имъ уста,
Должно быть, они, преклоняясь предъ властью,
Забыли завѣты Христа.

И волѣ царя раболѣпно послушный,
Презрѣнья достойный соборъ
Изрекъ своему властелину Филиппу
Угодный царю приговоръ.

Во время обѣдни во храмѣ Успѣнья
Опричники съ шумомъ вошли,
Съ словами глумленья и съ смѣхомъ злораднымъ
Къ Филиппу они подошли,

Сорвали съ него облаченье, съ безчестьемъ
По цѣлой Москвѣ провезли,
И въ Отрочь-обитель въ опальную ссылку
На дровняхъ его отвезли.

Филиппъ не роапталъ; со смиреньемъ монаха,
Какъ волю Господню, пріялъ
Онъ гнѣвъ и опалу царя; не мѣняясь,
Онъ святостью жизни сіялъ

И ту же молитву твердилъ неустанно:
О Боже, стенаньямъ внемли —
И сердце царево, кишащее злобой.
Смягчи Ты для блага земли.

Стемнѣло — и ночь опустилась на землю,
Клонить сталъ святителя сонъ,
И всталъ на молитву, желая исполнить
Келейное правило онъ.

Вдругъ слышитъ—стучатъ... отворились ворота,
И кто-то проѣхалъ чрезъ мостъ,
Должно быть, не путникъ то былъ запоздалый,
А знатный, негаданный гость.

Обитель въ тревогѣ, сбѣгались монахи,
Поспѣшно игуменъ прошелъ,
И кто-то, въ доспѣхѣ, бряцая оружьемъ,
Съ коня боевого сошелъ.

Идутъ... Отворилась дверь кельи Филиппа,
Вошелъ, не крестяся, какъ воръ,
Невѣдомый ратникъ и, тьмою объятый,
Вперилъ онъ въ святителя взоръ.

—«Здорово, старикъ!» Этотъ голосъ ужасный
Давно былъ Филиппу знакомъ,
Злодѣя Малюту Скуратова тòтчасъ
Призналъ онъ въ томъ гостѣ ночномъ.

—«Зачѣмъ ты пріѣхалъ?» — «Узнать, какъ содержатъ
Тебя въ заточеньи монахъ;
Тебѣ, какъ я вижу, живется не дурно
Въ тверскихъ монастырскихъ стѣнахъ,

Балуютъ изрядно! а впрочемъ позволятъ
И лучше понѣжить себя,
Когда ты исполнишь царево желанье,
Которымъ почтилъ онъ тебя.»

—«Какое желанье?» — «Ты знаешь, что нынѣ
Великій и грозный нашъ царь
Задумалъ смирить новгородцевъ мятежныхъ,
Какъ дѣдъ его дѣлывалъ встарь.

Онъ здѣсь недалеко и, вспомнивъ былое,
Желая тебя отличить,
Послалъ онъ меня, чтобы благословенье
На путь отъ тебя получить.»

—«Должно быть, въ забитой Москвѣ не нашелся
Никто, чтобъ царя остеречь;
Но здѣсь, отъ меня, отъ простого монаха
Иную услышитъ онъ рѣчь.

Лишь добрыхъ на доброе благословляю
Я именемъ Бога, а тѣхъ,
Кто въ гнѣвѣ безумномъ грядетъ на убійство,
Кто въ казняхъ лишь ищетъ утѣхъ,

Господь не велитъ осѣнять благодатью —
Она не для лютыхъ звѣрей...»
—«То воля царя!» — «Но есть воля Господня,
Та выше желаній царей.»

—«Филиппъ, не упрямься! Исполни, не медля,
Державную волю, не то,
Ты знаешь — противиться волѣ царевой
У насъ не дерзаетъ никто!»

—«Повѣдай царю, что когда онъ оставитъ
Пути, по которымъ идетъ,
Когда, со слезами, въ святомъ покаяньи
Душевный онъ миръ обрѣтетъ,

Тогда пусть пришлетъ... не тебя, иль въ обитель
Смиренно пожалуетъ самъ,
И именемъ Бога благословенье
Охотно ему преподамъ.»

—«А нынѣ... не дашь?»—«Не имѣю я власти...
Не дамъ.»—«Не упрямься, старикъ!
Ты знаешь, какъ царь расправляться ужасно
Съ рабомъ непослушнымъ привыкъ.»

—«Малюта, я знаю, чего тебѣ нужно,
Исполни желанье свое;
Не медли напрасно.»—«Такъ это ужъ будетъ
Послѣднее слово твое?»

—«Послѣднее? нѣтъ! Но послѣднее нынѣ
Къ тебѣ обратится оно;
Его ты достоинъ за всю твою жизнь,
Его заслужилъ ты давно.

Будь проклятъ, Малюта! Я именемъ Бога
И властью апостольской днесь
Тебя проклинаю за всѣ твои звѣрства,
Въ которыхъ ты вылился весь.

Будь проклятъ за то, что, въ угоду корысти,
Ты царскимъ наушникомъ сталъ;
За всѣхъ, у кого въ небываломъ признанье
Ты пыткой ужасной досталъ!

Будь проклятъ за самое страшное дѣло:
Что, тѣша себя самого,
Ты въ сердцѣ Ивана огнемъ разжигаешь
Ужасныя страсти его!

Вся кровь неповинныхъ, всѣ муки страдальцевъ,
Всѣ казни падутъ на тебя,
И будешь ты мучиться адскою мукой,
На вѣкъ свою душу сгубя!

Анаѳемѣ вѣчной тебя предаю я!
Да будетъ твой вѣчный удѣлъ...»
Какъ взвизгнетъ Малюта, какъ ястребъ на жертву
Онъ яростно вдругъ налетѣлъ,

За горло схватилъ неповиннаго старца.
Съ проклятьемъ его повалилъ
И, стиснувъ привычными къ дѣлу руками,
Святителя въ мигъ задушилъ.

Филиппъ не боролся. Недвижно лежалъ онъ,
Лишь слабо сжималась рука,
И сдавленный шопотъ послѣдней молитвы
Замолкнулъ въ устахъ старика.

Но очи его оставались открыты,
И стывшій святителя взоръ
Глядѣлъ на Малюту, и лютый опричникъ
Читалъ въ немъ себѣ приговоръ.

И въ ужасѣ дикомъ поспѣшно изъ кельи
Малюта вдругъ выбѣжалъ вонъ...
Дрожа, на убійцу взирали монахи,
И страшенъ казался имъ онъ.

Малюта весь трясся.—«Вина, дармоѣды!»
И тотчасъ явилось вино;
Онъ залпомъ стопу осушилъ, ободрился
И крикнулъ монахамъ въ окно:

—«Эй, вы, черноризцы! ступайте къ Филиппу!
Чего вы столпилися тутъ!
Надъ нимъ, по приказу царя, совершился
Послѣдній и праведный судъ.

Предайте землѣ, какъ простого монаха...
Безъ шума... не смѣйте звонить...
И въ храмъ не пускать никого изъ народа,
Какъ станутъ его хоронить.

Смотрите!»—И имъ пригрозивъ булавою,
Онъ въ мигъ очутился въ сѣдлѣ,
Помчался, какъ волкъ, по пустынной дорогѣ
И скрылся въ полуночной мглѣ.

2.

На голой равнинѣ, опричниковъ лютыхъ
Широко раскинулся станъ;
Средь нихъ, на пригоркѣ, въ шатрѣ златотканномъ
Сидѣлъ неподвижно Иванъ.

Невольно искалъ онъ порой оправданья
Въ своемъ безпощадномъ трудѣ,
И думалъ прикрыться рукою Филиппа
На страшномъ Господнемъ судѣ.

Вдругъ входитъ Малюта. Иванъ оглянулся.
—«Привезъ?»—«Отказалъ.»—«И онъ живъ?»
—«Исполнилъ я точно твое приказанье,
Своею рукой задушивъ.»

—«Уйди!» Опустилъ свою голову Грозный
И очи сомкнулъ... Вдругъ предъ нимъ
Предсталъ, какъ живой, свѣтлый образъ Филиппа,
За правду казненнаго имъ.

Святитель, въ сіяющей бѣлой одеждѣ,
Увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ,
Стоялъ, озаренный невиданнымъ свѣтомъ,
Съ суровымъ и строгимъ лицомъ.

И грозно десницу поднявши высòко,
На небо указывалъ онъ,
Туда, гдѣ ничто не спасетъ отъ отвѣта —
Ни власть, ни богатство, ни тронъ.

Воспрянулъ Иванъ, и сомкнутыя очи
Открылъ широкò, и дрожа,
Творилъ заклинанья, прибѣгнулъ къ молитвѣ,
Хватался за ручку ножа...

Но образъ Филиппа стоялъ неподвижно
И также сурово глядѣлъ,
И холодъ могильный вдругъ ôбъялъ Ивана,
И ужасъ душой овладѣлъ.

Онъ сталъ отступать шагъ за шагомъ, споткнулся
И выбѣжалъ вонъ... Тамъ, кругомъ
Все было объято безмолвьемъ и мракомъ,
Все спало живительнымъ сномъ.

И царь позавидовалъ этому люду;
Онъ дорого далъ бы тому,
Кто могъ бы избавить его отъ видѣній,
Кто сонъ возвратилъ бы ему.

И въ гнѣвѣ на всѣхъ, на природу, на Бога
За то, что не можетъ уснуть,
Онъ поднялъ тревогу и далъ приказанье
Немедленно двинуться въ путь.

Туманъ разстилался вокругъ надъ землею,
Едва занималась заря,
И двигалось мѣрно по грязной дорогѣ
Отборное войско царя.

И молча, среди своихъ слугъ кровожадныхъ,
Царь ѣхалъ на статномъ конѣ,
И тяжкія думы его волновали,
И были ужасны онѣ.

Вдругъ, гдѣ-то, вдали, въ сторонѣ, за пригоркомъ
Печальный послышался звонъ,
Какъ-будто сзывалъ прихожанъ на молитву
За душу усопшаго онъ.

И Грозному вдругъ показалось, что будто
То Отрочь-обитель была,
Что это молиться надъ прахомъ Филиппа
Она богомольцевъ звала.

Иванъ обезумѣлъ. Въ чаду изступленья,
Желая свой гнѣвъ утолить,
Онъ, молча, рукой указалъ на пригорокъ
И вымолвилъ слово: — спалить!

Опричники рады. Почуявъ наживу,
Помчались они, какъ стрѣла;
Люба и привычна для этого стада
Такая расправа была.

И вотъ показалось зловѣщее пламя,
Затихли и крики, и звонъ —
И храмъ, и строенья несчастной деревни
Со всѣхъ занялися сторонъ.

То были Ивана обычныя свѣчи,
Надъ грудами труповъ ихъ жгли,
То были поминки надъ прахомъ Филиппа,
Печальника русской земли.

Юрьевъ день.

Было времячко, время давнее,
Время давнее, время славное,
На Руси жила воля-матушка,
Никого она не бояласи,
И никто не смѣлъ обижать ее.
Какъ по сёламъ, по богатымъ городамъ
Безъ боязни всѣ расхаживали,
Передъ Юрьевымъ, предъ славнымъ вольнымъ днемъ
Отъ лихихъ бояръ да перехаживали,
Выбирали, кто кого хотѣлъ,
И служили, кому вздумалось.
Не понравится — и не нудятся,
Годъ промаятся, годъ потрудятся,
А придетъ пора — не останутся:
Волѣ-матушкѣ всякъ поклонится
И пойдетъ туда, куда хочется.
Было времячко, время вольное,
Время вольное, переходное.

Но пришла на волюшку невзгодушка,
Юрьевъ день у бѣдной воли отняли,
И дѣтей ея, людей свободныихъ,
Въ кабалу по смерть боярамъ отдали.
Съ той поры лихой воля-матушка
Отъ бояръ ушла во дремучій лѣсъ,
Во сыромъ бору схоронилася,
Съ темной ноченькой породнилася.
Ходитъ по лѣсу, по глухимъ мѣстамъ,
Съ бурей грозною потѣшается,
Съ частымъ дождичкомъ по корня́мъ стучитъ,
А въ осенній день, въ непогодушку
Тянетъ пѣсенку про невзгодушку.
Или по̀-полю съ вихремъ кружится,
Или по̀-небу, съ вѣтромъ буйнымъ,
Тучи черныя разгонять учнетъ —
Не мѣшали бы, непроглядныя,
Красну солнышку свѣтить на землю.
А иной порой, залетитъ въ село,
Зашумитъ въ трубѣ, застучитъ въ окно
И шепнетъ тому, кому надобно,
Кто на барщинѣ отъ работы мретъ:
— «Аль забылъ меня, крѣпостной народъ?
Позови, смотри, коль понадоблюсь,
Коль пора придетъ старый счетъ свести.»
Ходитъ много лѣтъ, не старѣется
И давно ужъ ждетъ, не пришла-ль пора,
Не отыщется-ль богатырь какой,
И забытую, и заглохшую,

Пуститъ волюшку на крещеный свѣтъ.
И дождàлася! Съ Дона тихаго
Атаманъ Степанъ Тимофеевичъ
Кликнулъ грозный кличъ! гаркнулъ съ посвистомъ!
И сошлись къ нему добры мòлодцы,
Слуги вѣрные воли-матушки!
А за ними вслѣдъ и сама она
Долго ждать себя не заставила.
Лишь заслышала — встрепенулася!
Птицей вольною обернулася!
Прилетѣла къ нимъ, поселилася,
Добрымъ мòлодцамъ полюбилася!
Атаманъ ее принялъ съ почестью.
Погулялъ онъ съ ней, понатѣшился,
Перемолвился и условился,
Съ того времени вмѣстѣ путь держать.
Гдѣ пройдетъ атаманъ, тамъ и волѣ быть!

Царевна Ксенія.

(въ иночествѣ Ольга).

Келья Суздальскаго монастыря.

Господи-Владыко! Сжалься надо мною!
Тяжко мнѣ на свѣтѣ, нѣтъ душѣ покоя.
Жизнь моя — страданье, годы скорбной муки;
Смерти, какъ отрады, жду я терпѣливо.
Помнится мнѣ дѣтство, дѣтство золотое...
Какъ меня любили, какъ меня ласкали,
Какъ меня лелѣялъ дорогой родитель.
О моемъ заботясь дѣвическомъ счастьи.
Мнѣ искалъ родимый жениха по сердцу,
Равнаго цареву званью иноземца.
Но женихъ мой первый, королевичъ свейскій,
Породниться съ нами не хотѣлъ по чести,
А второй, желанный, горячо любимый,
Королевичъ датскій умеръ, не дождавшись
Нашего вѣнчанья; умеръ онъ въ расцвѣтѣ
Красоты и силы—умерло съ нимъ вмѣстѣ
И мое дѣвичье холеное счастье.
Скоро мой родитель, въ думахъ и заботахъ

О своей державѣ, не болѣвъ, скончался.
На престолъ Московскій посадили Ѳедю,
Брата дорогого; но не долго, бѣдный,
Онъ царемъ всей Руси на Москвѣ считался.
На шестой недѣлѣ, въ часъ передъ вечерней,
Нашъ слуга надежный къ намъ вбѣжалъ въ испугѣ,
Съ криками: — «спасайтесь! во дворецъ ворвались
Слуги Самозванца, ищутъ васъ на гибель!»
Бросились мы въ страхѣ въ царскую палату,
На престолъ священный сѣлъ, поспѣшно, Ѳедя,
Я же и родная, въ руки взявъ иконы
И творя молитву, окрестъ брата стали.
Не спасла насъ грѣшныхъ Пресвятая Матерь!
Ворвались гурьбою наглые злодѣи
И съ престола Ѳедю силою стащили,
На позорныхъ клячахъ отвезли насъ вмѣстѣ
Въ прежнее жилище, гдѣ мы родилися,
Гдѣ прошло въ забавахъ дорогое дѣтство.
Тамъ, во страхѣ вѣчномъ, въ строгомъ заточеньи
День за днемъ мы скорбно время проводили,
Плакали, молились — и, готовясь къ смерти,
Участи рѣшенья нашей ожидали.
Помню день ужасный, страшный день невзгоды,
День насильной смерти дорогого брата
И моей несчастной матери родимой.
Ворвались стрѣльцы къ намъ пьяные и злые,
Развели съ глумленьемъ по покоямъ разнымъ,
Страшно стало, жутко — и съ мольбой упала
Я передъ иконой, простирая руки.

Плачу и молюся... Вдругъ раздались стоны.
Стоны и хрипѣнье — то въ опочивальнѣ
Пьяные злодѣи мать мою душили.
И съ конца другого крики доносились,
Шла борьба глухая гдѣ-то близко, близко,
Стихла на минуту — и затѣмъ раздался
Вопль ужасный, дикій, все собой покрывшій.
То былъ голосъ Ѳеди — и въ изнеможеньи
У порога двери я безъ чувствъ упала...
Долго я лежала; наконецъ, очнулась;
Слушаю — ни звука; въ домѣ было тихо,
Тихо какъ въ могилѣ, какъ въ тюрьмѣ подземной.
Съ того дня лихого я осиротѣла
И ждала покорно, что̀ со мною будетъ.
Но къ моимъ сиротскимъ скорбнымъ днямъ печали.
Новое въ грядущемъ горе надвигалось;
Тотъ, кто былъ убійцей дорогихъ и близкихъ,
Вздумалъ надо мною страшно надсмѣяться.
О, какъ онъ искусно добрымъ притворился!
Помню, ясно помню первое свиданье
Съ тѣмъ, кто былъ виною моего сиротства.
Ласково, смиренно онъ повелъ бесѣду;
Жалостью, казалось, былъ онъ весь проникнутъ;
Говорилъ такъ мягко и глядѣлъ такъ нѣжно,
Такъ меня старался лаской успокоить.
Видѣлись мы часто—и въ сиротской долѣ
Ласку я впервые отъ него узнала;
Сердце наболѣло, сердце изстрадалось,
Тяжко мнѣ на свѣтѣ было одинокой.

Онъ былъ молодъ, нѣженъ, ласковъ и привѣтливъ;
Такъ со мной былъ скроменъ, такъ глядѣлъ любовно,
Такъ умѣлъ проникнуть въ страждущую душу
И согрѣть словами нѣжнаго участья.
Вѣрилось охотно кроткимъ увѣреньямъ,
Что не онъ виною нашихъ всѣхъ страданій,
И невольно сердце на привѣтъ душевный,
На мужскую ласку робко отзывалось.
Онъ, меня лаская, говорилъ, что нынѣ
Хочетъ дѣло злое онъ вѣнцомъ поправить,
Хочетъ, чтобы Руси я была царицей,
И его женою, горячо любимой.
Вѣрила я слѣпо тѣмъ рѣчамъ коварнымъ.
Почести, богатства, были мнѣ не нужны;
Что̀ мнѣ было царство? что̀ мнѣ были люди?
Лаской я сердечной только дорожила.
Но не долго длилось это заблужденье.
Взявъ меня обманомъ, только для потѣхи
Мной онъ забавлялся, до пріѣзда польки,
Избранной давно имъ въ жены и царицы.
Скоро онъ наскучилъ мною какъ забавой,
Сталъ ходить все рѣже, сталъ суровъ и рѣзокъ,
Молчаливъ и мраченъ, все мной недоволенъ...
А затѣмъ, послушны царскому приказу,
Челядинцы злые въ ночь меня схватили,
Отвезли въ Владиміръ, въ монастырь убогій,
Подъ угрозой смерти тамъ меня постригли,
Отняли и имя и назвали Ольгой.
. . . .

Сколько лѣтъ томлюся на землѣ я тяжко
Съ той поры печальной въ кельѣ монастырской,
Страшное былое позабыть не въ силахъ;
Нѣту мнѣ отрады, нѣтъ душѣ покоя.
Выплаканы слезы и разбито сердце.
Мати Пресвятая! Сжалься надо мною!
Сжалься надъ моею долею земною! *)

*) Царевна Ксенія умерла въ Суздальскомъ женскомъ монастырѣ въ 1622 году. Передъ смертью она просила похоронить ее рядомъ съ могилами ея родителей въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, что и было исполнено.

Козьма Мининъ.

Царство распадалось. Вѣковые корни
Обрубилъ безумно царь самодержавный;
Налетѣли вѣтры вражьей непогоды,
Расшатали древо Руси православной.

Какъ безъ матки пчелы, разбрелись бояре;
О радѣньѣ царству не было помину;
Кто стоялъ за вора, кто склонялся къ шведу,
Кто чинилъ присягу Сигизмунда сыну.

Ляхи и казàки, сброды лиходѣевъ,
Какъ зимою волки, рыскали повсюду,
Грабя, выжигая города и села,
Не чиня пощады и простому люду.

Царство распадалось... Грѣхъ княжеубійства
Искупали тяжко не одни лишь дѣти
Хитраго Бориса; но вся Русь страдала,
Путаясь въ искусно настланныя сѣти.

Все вокругъ кишѣло смутой и раздоромъ.
И въ Кремлѣ Московскомъ потѣшались ляхи;
Лишь въ одной священной Сергіевской Лаврѣ
Все еще держались воины-монахи.

Разсылали письма, убѣждали слезно
Не губить державу во пору лихую,
А смиренно каясь во грѣхахъ великихъ,
Ополчиться дружно за страну родную.

Разлетались всюду вѣщія посланья.
Гдѣ не всѣхъ сгубила страшная невзгода,
Тамъ онѣ читались съ паперти, съ амвона,
Западая въ душу русскаго народа.

Той порой лихою въ Нижнемъ-Новоградѣ,
Посреди потомковъ смолкнувшаго вѣча,
Жилъ, во страхѣ Божьемъ, гражданинъ смиренный,
Соблюдая душу, душу человѣчью.

Къ родинѣ любовью сердце въ немъ горѣло,
Тяжко отзывалось на родное горе;
Жгли его — безправье, рознь, междоусобье,
Вопли раззоренныхъ, слезъ народныхъ море.

Слушалъ онъ посланья Сергіевской Лавры,
И увѣтъ духовный старца Гермогена,
Кто звучалъ глаголомъ смѣлымъ и призывнымъ,
Не боясь мученій вражескаго плѣна.

Изстрадалась тяжко въ немъ душа живая —
И свои, и вражьи всюду супостаты.
И въ дневной работѣ, и въ тиши покоя
Думою одною были въ немъ объяты

Голова и сердце. Горячо и слезно
Дома и во храмѣ день и ночь молился
Онъ за Русь родную; наконецъ, надумалъ —
Сергіемъ подъятый возбудить уснувшихъ,
На великій подвигъ помощи рѣшился.

За обѣдней ранней, вознесяся къ Богу
Всей своей душою чистой и смиренной,
Отстоявъ молебенъ, вышелъ онъ на паперть,
Обратясь къ народу съ рѣчью вдохновенной.

Развернувъ печальный, полный мукъ и горя,
Полный оскудѣнья свитокъ всѣхъ страданій,
Дикаго разгула сброда лиходѣевъ,
Распрей — и крамолы страшныхъ злодѣяній,

— «Братья — молвилъ Мининъ — вспомнимъ Божье слово,
Что̀ сегодня въ храмѣ слушали съ амвона,
Чтобы наше сердце было ежечасно
Все отдать на пользу ближняго готово;

Не жалѣть достатка, не жалѣть и жизни,
Ближняго отъ смерти, отъ нужды спасая,
За святую вѣру, за родную землю,
За родное царство душу полагая.

Соберемся дружно всѣ подъ стягъ единый,
Кликнемъ кличъ призывный на святое дѣло
Родины спасенья, встанемъ поголовно —
И пойдемъ на битву мы съ врагами смѣло!

Сила супостата только въ нашей розни;
А сберемся въ кучу, съ волею единой,
И не страшны будутъ вражескія рати,
Расточатся живо передъ нашей силой.

Съ вѣрой въ Божью милость, не кичась гордыней,
А съ молитвой жаркой на устахъ смиренныхъ,
Призовемъ на помощь нашихъ страстотерпцевъ,
Благостью Господней дивно вдохновенныхъ.

Неужéли, други, намъ смотрѣть не стыдно
На достатки наши, когда Русь родная,
Въ судорогахъ смертныхъ, словно птица, бьется,
Въ заревахъ пожаровъ кровью истекая?

Въ этакое время стыдно хорониться
Отъ мiрского дѣла, дорожа казною,
Дорожа прибыткомъ для своей утробы,
Дорожа стяжаньемъ, да корыстью злою.

Для почина, братья, все, что я имѣю,
Все я полагаю въ складчину мiрскую
И молю смиренно — не оставьте, други,
Вы въ годину бѣдствiй нашу Русь родную.

Все сюда несите — деньги и товары.
О священной жертвѣ да никто не тужитъ,
Все — и крестъ натѣльный, и окладъ съ иконы,
Все добро земное дѣлу да послужитъ!

Соберемъ достатки, снарядимся сами,
Выберемъ по сердцу рати воеводу,
И пойдемъ на помощь гибнущему царству.
Гибнущему въ мукахъ русскому народу.

Братья! сестры! други! не останьтесь глухи,
Не замкните сердца на мои призывы,
Или Русь ужъ больше намъ не мать родная?
Или человѣчьи души въ насъ не живы?

Мати Пресвятая, помоги намъ грѣшнымъ
Не забыть и нынѣ Божіи завѣты.
Да любовью чистой къ родинѣ и къ ближнимъ
Будемъ мы повиты, будемъ мы согрѣты!»

И дошла до сердца рѣчь его простая.
Несъ свои достатки бѣдный и богатый;
Покрывалась паперть жертвою народной,
Высился горою даръ ихъ тароватый.

Все, съ поклономъ низкимъ, принималъ Захарычъ;
Всѣ одушевлялись мыслію одною;
Зачиналось дѣло общее, святое,
Загорался свѣточъ надъ страной родною.

Собрали́сь въ дружину, отписали письма
Въ города и вѣси, слезно призывая
Бросить всѣ раздоры и идти поспѣшно
На защиту Руси и родного края.

Выбрали по сердцу рати воеводу,
Кто въ годину бѣдствій не знался съ измѣной,
Не служилъ корысти, не дружилъ съ врагами,
Пользуясь искусно самозванцевъ мѣной.

Двинулись съ молитвой, съ причтами, съ крестами,
Порѣшивъ:—постыдно вспять не возвращаться,
Или всѣмъ погибнуть, иль въ отважныхъ битвахъ,
Черезъ вражьи трупы до Москвы добраться.

Рати всей душою Мининъ оставался.
Вѣдая казною, всюду поспѣвая,
Умирялъ онъ страсти, споры и раздоры,
Власть, мольбы, совѣты мудро расточая.

И Господь склонился на святое дѣло,
Долетѣлъ до неба стонъ многострадальный,
Долетѣли звоны храмовъ и погостовъ,
Звонъ скончанья Руси тяжкій. погребальный.

Какъ зимой комъ снѣга, рать все возрастала;
Шли къ ней отовсюду вольныя дружины;
Все къ ней устремлялось, какъ стремятся къ морю
По рѣкамъ весною тающія льдины.

Грозной русской силой смѣлой и отважной,
Рать къ Москвѣ священной тихо подходила,
Подошла — широкимъ станомъ развернулась
И кольцомъ желѣзнымъ городъ окружила.

Шагъ за шагомъ, мѣрно, дружно надвигалась;
Ужъ Кремля предъ нею высились твердыни;
Ужъ была готова, съ вѣрою въ побѣду,
Ринуться на приступъ занятой святыни...

И сдался предъ нею ляшскій воевода,
Въ Кремль Московскій стройно Божья рать вступила;
Съ мудростью исконной русскаго народа
Лихолѣтье злое скоро прекратила.

Выгнали поляковъ, справились съ ворами —
И въ Кремлѣ собравшись, выборная сила
На престолъ Московскій избрала, съ молитвой,
Доблестнаго рода отпрыскъ — Михаила.

Кончилъ свое государское дѣло,
Кончилъ почетно Захарычъ Козьма.
Передъ великой народною силой
Скоро исчезла налетная тьма.

Тамъ, въ своемъ Нижнемъ, въ Кремлевскомъ соборѣ,
Въ церкви подземной лежитъ его прахъ;
Часто тамъ молятся русскіе люди
Жаркой молитвой на скромныхъ устахъ.

Съ чувствомъ священнымъ предъ этой могилой,
Тамъ, далекò отъ мірской суеты.
Передъ родною почившею силой
Клонятъ главу до холодной плиты.

Спи, гражданинъ — почивай безпробудно;
Дѣло великое ты совершилъ,
Дѣло народное, дѣло святое,
Дѣло любви ты во-очью свершилъ.

Святъ и великъ твой прославленный подвигъ.
Вѣрилъ ты въ жизненность русской земли,
И предъ твоею великою мощью
Прахомъ крамолы и смуты легли.

Русское сердце тебя не забудетъ,
Ты наша гордость, нашъ кровный, родной!
И безъ конца притекать къ тебѣ будетъ
Русскій народъ перекатной волной.

Сумраченъ храмъ, гдѣ лежатъ твои кости,
Въ скромной могилѣ сокрыты они;
Слабо мерцая, святыя иконы
Свѣта лампадъ озаряютъ огни.

Но величава, въ сказаньяхъ правдивыхъ
Славы народной, былина о томъ,
Какъ своей мощной разумною силой
Ты прекратилъ нашей Руси погромъ.

Свѣтомъ любви она свѣтитъ и грѣетъ
Русское сердце въ теченьи вѣковъ,
Изъ-за могилы его охраняя
Отъ себялюбія страшныхъ оковъ.

И не умретъ твоя слава, въ народѣ
Подвигъ любви твой запалъ глубокò.
Спи, гражданинъ! Въ судный часъ воздаянья
Будетъ тебѣ благодатно легко.

. . . .

Въ ожерельѣ дивномъ дѣятелей правды
Изъ среды народной, славою покрытый,
Свѣтится алмазомъ — Руси православной
Сынъ Козьма Захарычъ Мининъ именитый! *).

*) Мининъ былъ нижегородскимъ выборнымъ земскимъ старостой, а ремесломъ «говядарь», т. е. торговецъ или мясомъ, или скотиной (гуртовщикъ). Царь Михаилъ Ѳедоровичъ возвелъ его въ званіе думнаго дворянина. Онъ умеръ въ 1616 году, оставивъ одного сына Нефеда, умершаго бездѣтнымъ.

Царица Марья.

(въ иночествѣ Мароа).

Келья Вознесенскаго монастыря въ Москвѣ.

Грѣшна, грѣшна въ одномъ я предъ тобой,
Родная Русь! и въ тишинѣ ночной
Я въ томъ грѣхѣ и каюсь, и молюсь.

Зачѣмъ меня властитель кровожадный,
Старикъ безумный, въ похотѣ страстей,
Избралъ женой послѣднею своей?
Я не могла любить его; дрожала
Въ его объятьяхъ, когда такъ гадливо
Ласкался онъ, какъ хищный звѣрь, ко мнѣ.
Недолго я была ему забавой;
Жениться вздумалъ онъ на иноземкѣ,
И помня участь прежнихъ женъ его,
Ждала я смерти. Но, по волѣ Божьей,
И для него насталъ земной предѣлъ.
Скончался царь, истерзанный страстями,

. . . .

Изгнившій тѣломъ въ похоти своей.
Хотѣли было наши доброхоты
Царемъ московскимъ выбрать сына, Митю;
Но злой Борисъ взялъ верхъ и насъ сослалъ,
Подальше отъ Москвы, на Волгу, въ Угличъ.
Тамъ отдохнула тѣломъ и душой
Я во вдовствѣ отъ нашей горькой жизни.
Тамъ жили мы спокойно, вдалекѣ
Отъ своевластья хитраго Бориса.
Мой Митя росъ. Наслѣдникомъ престола
Считался онъ; народныя надежды
Покоились увѣренно на немъ.
Но втайнѣ посягалъ на тронъ московскій
Другой наслѣдникъ, соправитель царства,
Всевластный, хитрый, злобный временщикъ.
Онъ ловко велъ задуманное дѣло
И расчищалъ себѣ къ престолу путь.
Одинъ лишь сынъ мой былъ ему помѣхой
Въ коварныхъ, тайныхъ замыслахъ его,
И подослалъ онъ къ намъ убійцъ наемныхъ,
Чтобъ разомъ съ нимъ покончить навсегда.
О, страшный день. день скорби и печали!
Зарѣзанъ былъ мой сынъ средь бѣла дня,
Когда онъ шелъ молиться въ храмъ Господень.
Ужасный часъ! Въ крови. въ предсмертныхъ корчахъ
Онъ бился страшно на моихъ рукахъ,
И взоръ его, прощаяся со мною,
Мнѣ скорбью жгучей сердце обжигалъ.
Все тише, тише... замирали стоны...

Смыкались очи... вытянулась длань...
Послѣдній вздохъ... еще одно движенье...
И онъ затихъ въ объятіяхъ моихъ.
Съ слезой моей мѣшалась кровь родная,
Стекавшая широкою струей.
Застыла я... но вдругъ заклокотало
Въ моей груди, и съ ношей дорогой
Я ринулася, съ воплемъ, призывая
Ко мнѣ народъ, мнѣ близкихъ угличанъ.
Звонилъ набатъ, сбѣгались горожане,
Схвативъ убійцъ и сотворивъ надъ ними
Народный судъ, ихъ жалкіе остатки
Они на площадь злобно повлекли.
Дитя мое! Моя надежда, радость!
Погибло ты въ расцвѣтѣ юныхъ лѣтъ
За то, что жизнь твоя была помѣхой
Вступить Борису на желанный тронъ.
И онъ же насъ дерзнулъ всѣхъ обвинить
Въ народномъ бунтѣ противъ царской власти
И въ гибели напрасной слугъ его.
Моихъ родныхъ, народъ, со мной рыдавшій
И палачей наемныхъ растерзавшихъ,
Онъ, какъ мятежниковъ, кого казнилъ,
Кого сослалъ; меня же, мать родную
Убитаго невиннаго младенца,
Съ его могилой даже разлучилъ,
Постригъ насильно и сослалъ на Выксу
Въ убогій, дальній, женскій монастырь.
Грѣшна, грѣшна! Не думала я тамъ

Ни о грѣхахъ моей минувшей жизни,
Ни о трудахъ въ молитвѣ и постѣ,
Но лишь о мщеньи. Всѣ Господни кары
Я день и ночь, въ тиши уединенья,
Все призывала на главу того,
Кто былъ убійцей сына дорогого,
Единой въ жизни радости моей.
Съ какимъ злорадствомъ и съ какой усладой
Я слушала извѣстія о томъ,
Что сына тѣнь въ народѣ воскресала,
Что самъ Борисъ трепещетъ передъ ней.
Въ глухую ночь, въ нашъ дальній монастырь
Его гонцы явилися за мною
И повезли меня къ нему въ Москву,
Въ его дворецъ, въ Кремлѣ имъ возведенный.
Тамъ самъ Борисъ, съ участіемъ притворнымъ,
Въ ночную тишь допрашивалъ меня—
Убитъ ли сынъ мой? Умеръ или живъ?
И почему народная молва
Его живымъ до этихъ поръ считаетъ?
Хоть знала я, что сынъ мой былъ зарѣзанъ,
Что умеръ онъ въ объятіяхъ моихъ,
Но не хотѣла истины повѣдать
Передъ моимъ трепещущимъ врагомъ.
«Не знаю» — отвѣчала я и злобно,
И радостно глядѣла, какъ Борисъ
Отъ словъ моихъ позеленѣлъ, затрясся
И голову безсильно опустилъ.
Его жена, исчадіе Малюты,

Достойная позорнаго отца,
Рванулась съ мѣста и въ безумной злобѣ,
Схвативъ съ стола горящую свѣчу,
Швырнула мнѣ съ проклятіемъ въ лицо.
Вздрогнула я; но медленно и твердо
Промолвила на новый ихъ допросъ,
Что сына мертвымъ я ужъ не видала.
Но слышала отъ близкихъ мнѣ людей,
Что онъ спасенъ, и гдѣ теперь — не знаю.
О, какъ довольна я была тогда!
Какъ месть моя во мнѣ торжествовала.
Не вѣдала въ грѣховной слѣпотѣ,
На комъ та месть сторицей отзовется.
Хотя меня, вернувши въ монастырь,
Тяжелому подвергли заточенью.
Но я воскресла. Месть моя достигла
Желанной цѣли. О, съ какой отрадой
Я слушала всѣ радостныя вѣсти:
Что здохъ Борисъ, сраженный грозной тѣнью;
Что сынъ его погибъ ужасной смертью;
Что мать его, какъ кошку, задушили,
А дочь родная, ихъ краса и радость,
Въ любовницахъ потѣшныхъ состоитъ.
Но часъ насталъ и для меня тяжелый,
Когда ко мнѣ явилися послы
И звали съ честью на свиданье съ сыномъ.
Съ какимъ? Мой сынъ? Вѣдь помню твердо я,
Что сынъ мой Дмитрій много лѣтъ назадъ
Убитъ, зарѣзанъ, на моихъ рукахъ

Тогда скончался. Кто же этотъ дерзкій,
Который смѣлъ то имя дорогое
Взять изъ могилы и, прикрывшись имъ,
Отнять престолъ московскій у Бориса?
Смущенная сидѣла въ кельѣ я
Въ монастырѣ Покровскомъ, подъ Москвою,
И ожидала тайнаго свиданья
Съ невѣдомымъ мнѣ мстителемъ моимъ.
Онъ ловокъ былъ. Не сталъ онъ притворяться,
И надо мной глумиться не дерзнулъ.
Онъ истину повѣдалъ откровенно
И предложилъ: или признать его
За Дмитрія, спасеннаго отъ смерти,
И окруженной нѣжною заботой,
Какъ матери московскаго царя,
Въ довольствѣ провести остатокъ жизни —
Или не выйти болѣе живой
Изъ этой кельи. Онъ же, огорченный,
Повѣдаетъ народу своему,
Что умерла я въ радости внезапной
Свиданья съ сыномъ. И грѣшна, грѣшна —
Я согласилась. Послѣ, всенародно,
Когда мы свидѣлись въ селѣ Тайнинскомъ,
Онъ бросился при всѣхъ въ мои объятья
И зарыдалъ. Заплакала и я —
Но не о немъ, мнѣ чуждомъ, а о сынѣ,
Давно зарытомъ Дмитріѣ моемъ.
Онъ былъ почтителенъ, и добръ, и нѣженъ,
Онъ ежедневно посѣщалъ меня,

Онъ дорожилъ моимъ благословеньемъ —
И примирилась съ жизнью я своей.
Потомъ... потомъ онъ, радостный, привезъ
И помѣстилъ со мной въ монастырѣ
Свою невѣсту, польку-иновѣрку.
Потомъ женился... пировалъ... гулялъ...
Поцарствовалъ — и, наконецъ, жестоко
За свой обманъ недолгій поплатился.
Не позабыть мнѣ тотъ весенній день.
Набатъ... пальба... тревога... бунтъ... смятенье...
Пришли за мной и вызвали къ воротамъ.
Тамъ предо мной среди толпы въ грязи,
Въ лохмотьяхъ рваныхъ, съ дудкою во рту,
Истерзанный, обвязанный веревкой,
Лежалъ его похолодѣвшій трупъ.
Тамъ, на вопросъ передъ судомъ народнымъ,
Я не могла скрыть правды роковой
И отвѣчала, осѣнясь крестомъ:
— «Не мой.» — Не мой... Зачѣмъ объ этомъ раньше
Я не сказала тамъ, когда Борисъ
Чинилъ допросъ мнѣ во дворцѣ кремлевскомъ?
Зачѣмъ? зачѣмъ? О, сколько слезъ и крови
Не пролилось тогда бы на Руси!
. . . .
Теперь во мнѣ давно затихла злоба;
Теперь давно готовлюсь къ смерти я.
Но страшныя минувшаго дѣянья:
Крамолы, смуты, поруганья храмовъ,
Пожары, казни, море слезъ и крови,

Родной страны губительный разгромъ —
Все помню я! — и въ глубинѣ души
Мнѣ совѣсть неустанно повторяетъ:
«Вотъ твои жертвы, вотъ на комъ твой гнѣвъ
И мщеніе твое отозвалися!»

Грѣшна, грѣшна я въ томъ передъ тобой,
Родная Русь! и въ тишинѣ ночной
Въ грѣхѣ томъ тяжкомъ каюсь и молюсь *).

*) Царица Марья, изъ рода Нагихъ, была пострижена насильно подъ именемъ Марѳы и сослана въ Никольскій женскій монастырь на р. Выксѣ въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Дмитрій Самозванецъ помѣстилъ ее въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ въ московскомъ Кремлѣ, гдѣ она умерла и погребена.

Иванъ Сусанинъ.

Боръ непроглядный, трущоба лѣсная,
Въ дебряхъ болотныхъ Заволжскаго края;

Мѣсяцъ сквозь тучи неясно глядитъ.
Старецъ подъ вѣтвями дуба сидитъ.

Неподалеку костеръ догораетъ,
Кучка людей вкругъ его отдыхаетъ,

Шлемы, кольчуги — бывалый народъ,
Ляшскаго племени буйственный сбродъ.

Тихо, морозно. Подъ снѣжнымъ покровомъ
Все притаилось въ объятьѣ суровомъ;

Старецъ задумчивъ, поникъ головой,
Думой тяжелой охваченъ одной.

Мирно свой вѣкъ доживалъ онъ безвѣстно
Съ внукомъ-подросткомъ; хоть бѣдно, но честно

Жизни свершая невѣдомый путь,
Многое вынесъ, пора отдохнуть.

Думалъ сложить свои старыя кости
Рядомъ съ женой на родимомъ погостѣ.

Выйдетъ инàче, знать Божія власть,
Каждому ей предназначена часть.

Въ ночь, до разсвѣта, къ нему постучалась
Вражья дружина; давно ужъ шаталась

Въ этихъ краяхъ она тучею злой,
Селъ беззащитныхъ ужасной грозой.

Нуженъ имъ спѣшно надежный водитель:
—«Гдѣ тутъ вашъ избранный царь-повелитель?

Важное дѣло, поспѣть надо въ срокъ.»
Знатный съ Москвы, вишь, получатъ оброкъ,

Если поможетъ нечистая сила
Въ плѣнъ захватить имъ царя Михаила.

Понялъ Сусанинъ ихъ замыселъ злой,
Понялъ и долгъ передъ родиной свой.

Съ внукомъ прощаясь, шепнулъ, чтобы тотъ
Птицей летѣлъ бы въ село, гдѣ живетъ

Царь молодой, упредивши во-врéмя.
Что̀ тутъ задумало вражее племя.

Самъ же повелъ ихъ звѣриной тропой
Въ глубь непроглядной трущобы лѣсной —

Ближе, молъ, будетъ идти на прямикъ,
Знаю дорогу я, съ дѣтства привыкъ.

Сильно умаялись, спятъ безпробудно;
Изъ лѣсу выбраться будетъ имъ трудно;

Скоро проснутся и скоро узнаютъ,
Какъ на измѣну у насъ подкупаютъ.

Смаялся самъ, стерегутъ его строго;
Дремой охваченъ, забылся немного,

Вдругъ его кто-то толкнулъ, разбудилъ.
Старецъ съ трудомъ свои очи открылъ,

Видитъ—стоятъ передъ нимъ супостаты,
Гнѣвомъ и страхомъ ихъ лица объяты.

Тѣсно смыкается вражескій кругъ,
Брань да угрозы лишь слышны вокругъ.

—«Въ путь поскорѣе!—кричатъ—надоѣло
Мерзнуть въ лѣсу! неотложное дѣло!

И ужъ давно намъ пора бы дойти,
Чтобы въ норѣ еще звѣря найти.»

—«Въ путь?»—«Да, скорѣй, въ монастырь!»—«Погодите—
И хорошенько вокругъ поглядите,

Гдѣ тутъ дорога? лишь птица одна
Здѣсь вамъ отыщетъ ее, а не я.»

—«Ты же насъ велъ!»—«Да, повелъ, заблудился,
Ишь вѣдь въ трущобѣ какой очутился.»

—«Такъ ты нарочно завелъ насъ? Смотри:
Смерть надъ твоей головой! Говори!»

—«Впрямь иль нарочно—то вѣдомо Богу.
Онъ вамъ поможетъ найти и дорогу,

Если еще не забылъ, не отвыкъ
Богу молитвы творить вашъ языкъ.

А за посулы спасибо большое;
Ишь вы задумали дѣло какое...»

—«Вотъ твое золото! Любо? взирай!
Смерть или деньги—скорѣй выбирай!»

—«Злато даете; но золото ваше
Съ вами въ трущобѣ останется нашей;

Богъ мнѣ судья, а не вы! Онъ одинъ
Жизни и смерти моей властелинъ.»

—«Сгинь же, проклятый!» раздàлось вòкругъ.
Разомъ мечи обнажилися вдругъ,

Гнѣвомъ безмѣрнымъ черты исказились,
Разомъ надъ старцемъ мечи опустились,

Палъ, бездыханенъ, къ ногамъ палачей
Старецъ Сусанинъ отъ вражьихъ мечей...

Стихло въ лѣсу. На полянѣ волнистой
Сильно притоптанный снѣгъ серебристый

Алою кровью людской оросился;
Шорохъ шаговъ издали доносился...

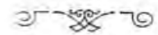
Стихло въ лѣсу—но откликнулось тамъ,
Гдѣ все завѣтное, близкое намъ,

Въ свѣтлыхъ преданьяхъ дѣяній былого
Сонма избранниковъ края родного.

И не заглохнетъ сказанье о томъ,
Какъ въ этомъ сердцѣ крестьянскомъ, простомъ,

Чувство любви къ своей родинѣ билось,
Какъ человѣчно оно разрѣшилось,

Какъ своей жизнью отъ умысла злого
Спасъ онъ избранника Руси младого *).

*) У Сусанина была одна дочь Антонида, замужемъ за крестьяниномъ Богданомъ Сабининымъ. Ей и дѣтямъ ея, Данилѣ и Константину, царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, за терпѣніе и за кровь Ивана Сусанина, была дана въ родовую отчину въ Костромскомъ уѣздѣ пустошь Коробово, съ обѣленіемъ ихъ съ потомствомъ отъ всякихъ податей и повинностей. Потомство ихъ, родъ Коробовскихъ бѣлопашцевъ, и донынѣ состоитъ подъ попечительствомъ Министерства Императорскаго Двора.

Патріархъ Гермогенъ.

То были ужасные, грозные годы
Для русской несчастной земли,
Когда, какъ громовыя тучи, невзгоды
Свинцомъ ей на грудь налегли.

Земля расшаталась. Порвалися узы,
Скрѣплявшія съ властью народъ.
Погибли отъ Грознаго древніе роды,
И ихъ замѣнилъ всякій сбродъ

Холоповъ кабальныхъ, безъ правды, безъ чести,
Забывшихъ и совѣсть, и стыдъ,
И жившихъ плодами коварства и лести,
И мнившихъ — счастливъ, коли сытъ.

Борисъ Годуновъ, самозванецъ Димитрій,
И Шуйскій, и Тушинскій воръ,
Смѣняли другъ друга, какъ Божія кара,
Какъ грозный судьбы приговоръ.

Повсюду, какъ волки, бродили поля́ки;
Какъ рой саранчи казакѝ
Носились по селамъ, и жгли, и терзали
Несчастную Русь ихъ полки.

И много своихъ въ тѣ года измѣнило,
И радуясь общей бѣдѣ,
Лишь рыбу ловить, для поганой корысти,
Старалися въ мутной водѣ.

Но все же и въ эти ужасные годы
Въ конецъ не покинулъ насъ Богъ,
И грозно карая за грѣхъ и неправду,
Собраться землѣ онъ помогъ.

Подня́лися въ Нижнемъ. Козьма Сухорукій,
Старикъ, ремесломъ говядáрь,
Должно быть потомокъ сыновъ Новограда,
Припомнилъ, какъ дѣлывалъ встарь

Свободный народъ, когда дѣло касалось
Защиты родныхъ очаговъ,
Когда приближались союзныя рати
Исконныхъ и храбрыхъ враговъ.

Какъ вдругъ создавалася мощная сила
Коль вѣче рѣшало возстать
Во славу великой, премудрой Софіи
И родину всѣмъ защищать.

Припомнило Минина сердце былое,
И кликнулъ могучій онъ кличъ,
И сильной, простой, задушевною рѣчью
Съумѣлъ своей цѣли достичь.

Нашлися и деньги, и люди, съумѣли
Себѣ воеводу избрать,
И двинулась къ бѣдной Москвѣ полоненной
Великая русская рать.

Стеклись на подмогу другіе. Съ Заруцкимъ
Не мало пришло казакòвъ;
Привелъ и свою боевую дружину
Рязанецъ Прокопъ Ляпуновъ.

Москву, словно туча, они обложили,
И бились съ врагами земли,
И много и ихъ, и своихъ положили,
Но всѣхъ одолѣть не могли.

Поля́ки, какъ львы, защищались задорно
И крѣпко въ Кремлѣ заперлись,
И тамъ продолжали держаться упорно,
И биться на смерть поклялись.

Они не боялись бояръ, ни каза́ковъ —
Все это продажный народъ,
Все это корысти послушное стадо
Изъ хищныхъ и алчныхъ породъ.

Ихъ можно купить; вѣдь они признавали
Царемъ, кто захватывалъ власть,
А послѣ охотно ему измѣняли
И родину грабили всласть.

Страшила поляковъ лишь земская сила;
Страшилъ ихъ тотъ русскій народъ,
Который лишь гнулся, но все не ломился
Отъ страшныхъ и долгихъ невзгодъ;

Который, ни правъ, ни законовъ не зная,
Татарскую свергнувъ напасть,
Трудился незримо, Москвѣ помогая
Упрочить единую власть.

Народъ ужъ не вѣрилъ князьямъ и боярамъ;
Но вѣрили всѣ въ одного,
Кто въ тяжкіе годы лихаго безправья
Не тѣшилъ себя самого.

Служилъ не корысти, служилъ государству,
И крѣпко стоялъ за своихъ,
И въ сдѣлку съ врагомъ не вступалъ, и дарами
Не льстился коварными ихъ.

И слалъ вдохновенныя всюду посланья:
Чтобъ всѣ поголовно легли,
Но только-бъ латинца избрать не посмѣли
Царемъ православной земли.

И знали поляки, что всѣ ихъ посулы
И льготы, и сила, и власть,
Останутся втунѣ; что ими не сманишь
Всю Русь; что грозитъ имъ напасть.

Пока не удастся сломить Гермогена,
И волю монаха склонить,
Хотя бы надеждой спастися изъ плѣна,
Отчизнѣ своей измѣнить.

Но праведный старецъ, какъ Божій подвижникъ,
Какъ сынъ православной земли,
Былъ твердъ неизмѣнно—и сладкія рѣчи
Его искусить не могли.

И ляхи рѣшили святого владыку
Еще разъ съ угрозой просить,
А если откажетъ, голодною смертью
Въ темницѣ его уморить.

Ужъ третія сутки владыку держали
Прикованнымъ цѣпью, во тьмѣ,
И пищи ему никакой не давали,
И жаждой томили въ тюрьмѣ.

Но доблестный старецъ, себя забывая,
Страданья свои отженя,
Молился и ждалъ, какъ предвѣстника рая,
Послѣдняго, смертнаго дня.

На утро пришли, застучали запоры,
Дробясь, засверкали огни,
Вошли палачи — и зловѣщіе взоры
Вперили на старца они.

За ними, на блюдахъ и въ мисѣ узорной,
Какія-то яства внесли,
И сняли съ нихъ крыши, покрытыя паромъ,
И близко къ нему поднесли.

— «Послушай, старикъ, не упрямься! смирися!
Взгляни ты на этотъ обѣдъ.
Такимъ ты давно не упитывалъ чрева
Въ годину неволи и бѣдъ.

Вдохни—какъ пріятно; попробуй—какъ вкусно;
Оставимъ его мы тебѣ,
А ты подпиши только эту бумагу
И ѣшь на здоровье себѣ.

Пора положить, къ обоюдному миру,
Конецъ этой тяжкой борьбѣ;
Смирись! Объяви своему ты народу,
Чтобъ онъ покорился судьбѣ;

Чтобъ онъ государемъ призналъ Владислава,
Что ты признаешь его самъ,
И, вмѣстѣ съ другими, посломъ сановитымъ
За нимъ отправляйся ты къ намъ.»

Но старецъ былъ твердъ, и напрасно поляки
Надѣялись этимъ путемъ
Сломить его силу, смирить непокорность,
И встрѣтить союзника въ немъ.

— «Молчи—отвѣчалъ онъ—неужли ты думалъ,
Что я, какъ Исавъ за обѣдъ,
За эту земную, ничтожную пищу,
Рѣшуся служить вамъ. О, нѣтъ!

Сулите мнѣ царства, сулите мнѣ страны,
Сулите всѣ блàга земли,
Давайте весь міръ—и тогда бы, безумцы,
Меня вы купить не могли!

Кичитесь, злодѣи! Недолго придется
Въ Москвѣ вамъ теперь пировать!
По волѣ Господней, ужъ скоро прольется
Святая надъ ней благодать.

Смететъ васъ, какъ вѣтеръ мететъ паутину,
Какъ соръ она выброситъ васъ;
Найдутся, повѣрьте, въ лихую годину
Избранники Бога у насъ.

Пируйте, бѣснуйтесь себѣ на погибель,
Кощунствуйте въ храмахъ святыхъ —
Безславную, злую и страшную гибель
Готовитъ Господь вамъ за нихъ!...»

— «Довольно болтать! Ишь тебя разобрало!
Опомнись, проклятый старикъ!
Неужели па́ромъ тебя не пробрало,
И онъ въ твою пасть не проникъ?

Должно быть, что нѣтъ! Такъ оставимте яства,
Пускай передъ нимъ постоятъ,
Пускай передъ носомъ его подымятся
И вдоволь его потомятъ.

Пусть ноздри его этотъ паръ пощекочетъ,
Тогда, въ непосильной борьбѣ,
Авось, наконецъ, онъ отвѣдать захочетъ.
И самъ позоветъ насъ къ себѣ.»

Ушли — но оставили мису съ ухою,
И рыбу, и хлѣбъ, и вино,
И многія яства, которыхъ владыка
Въ тюрьмѣ не видалъ ужъ давно.

Но въ тѣлѣ больномъ, изможденномъ владыки
Былъ доблестный духъ, не могли
Заставить его, для спасенія жизни,
Прельститься дарами земли.

Что день, то все новыя яства мѣняли,
Все ближе ихъ ставя къ нему,
И даже скоромью уста оскверняли,
И все говорили ему,

Чтобъ онъ покорился, заставя примѣромъ
Съ собой покориться народъ;
Что иначе онъ неминуемо скоро
Голодною смертью умретъ.

Молчалъ Гермогенъ. Со смиреньемъ сносилъ онъ
Пору испытаній и бѣдъ;
На всѣ ихъ посулы, на всѣ ихъ глумленья
Ни слова не молвилъ въ отвѣтъ.

Но дни проходили — и властное время
Свое понемногу взяло.
И жажды, и голода тяжкое бремя
Его и томило, и жгло.

Мученія голода могъ перенесть онъ,
Но жить безъ питанья не могъ,
И бренность ничтожнаго нашего тѣла
Сломила его, и онъ слегъ.

На пятыя сутки забылся владыка
И впалъ въ лихорадочный бредъ,
Но все призывалъ милосердіе Бога
Спасти отъ ужаснѣйшихъ бѣдъ

Родную страну, и не дать ей погибнуть
Отъ тяжкихъ раздоровъ вождей.
И строго, и гнѣвно ее наказуя,
Явить свою милость надъ ней.

Ему представлялась народная сила,
Могучая сила земли,
Которой дружины, какъ грозныя тучи,
Кольцомъ вражій станъ облегли.

Онъ видѣлъ, какъ въ яростной битвѣ мѣшались
И вражьи, и русскихъ полки,
Какъ ближе и ближе они надвигались,
Какъ стойко дрались поляки.

И долго та битва кипѣла, и долго
Сломить вражій станъ не могла,
И быстро рѣдѣла народная сила,
И большею частью легла.

Но вотъ, наконецъ, одолѣли поляковъ,
Пощады не дали врагамъ,
Прогнали злодѣевъ и въ Кремль златоверхій
Стеклись на молитву во храмъ.

Смиренно народъ предъ святыней Господней
Добычу побѣды сложилъ,
И онъ, патріархъ Гермогенъ, на амвонѣ
Соборне молебенъ служилъ.

Съ какою отрадой свершалъ онъ служенье,
И всѣ повторяли за нимъ:
И вѣчную память усопшимъ собратьямъ,
И многая лѣта живымъ.

Окончивъ молебенъ соборне, владыка
На Красное вышелъ крыльцо,
И было свѣтло, и сіяло, какъ солнце,
Его испитое лицо.

И пала толпа передъ нимъ на колѣни,
И онъ осѣнилъ ихъ крестомъ...
О, какъ онъ гордился такого народа
Духовнымъ считаться отцомъ!

А вотъ и потомокъ державнаго рода,
Избранникъ всей русской земли,
Кого, по свободному міромъ желанью,
Всѣ дружно царемъ нарекли,

Стоитъ передъ нимъ... вотъ склонился смиренно,
Крестомъ свою грудь осѣнилъ
И ждетъ, чтобы онъ, Гермогенъ, всенародно
Тотъ выборъ вѣнцомъ утвердилъ.

Какою-то чудною силой подъятый,
Страдалецъ поднялся съ земли,
Въ такое мгновенье ни голодъ, ни муки
Его одолѣть не могли.

Подъявъ ослабѣвшія руки, владыка
Какъ будто вѣнецъ возложилъ,
Вздрогнулъ... пошатнулся... и грохнулся на́ земь,
И очи на вѣки смежилъ *).

*) Ранняя жизнь патріарха Гермогена, а также его происхожденіе и мѣсто рожденія неизвѣстны.

Архимандритъ Діонисій.

Въ городѣ Ржевѣ, въ семьѣ горожанина скромной
Мальчикъ родился, и былъ нареченъ онъ Давидомъ;
Мальчикъ способный, къ ученью ретивъ и прилеженъ,
Богобоязненъ, смиренъ и кроткаго нрава.
Выросъ большой — и священнослужителемъ церкви
Былъ онъ въ селѣ монастырскомъ поставленъ владыкой.
Честно свершалъ онъ служенье свое и доволенъ
Участью пастыря былъ, почитаемъ народомъ.
Но не въ безвѣстномъ селѣ ему жить предстояло.
Только шесть лѣтъ протекло, овдовѣлъ онъ внезапно—
И по обычаю древнему, санъ сохраняя,
Инока чинъ воспріялъ онъ въ обители скромной
И Діонисіемъ былъ нареченъ въ постриженьи.
Мудрости книжной смиренно себя посвятившій,
Строго монашескій подвигъ во всемъ соблюдая,
Былъ отличенъ онъ владыкой и въ скорое время
Архимандритомъ обители той же назначенъ.
Часто бывая въ Москвѣ по дѣламъ монастырскимъ,
Болѣе всѣхъ онъ сошелся съ владыкой казанскимъ

Строгимъ, суровымъ къ себѣ и къ другимъ, Гермогеномъ.
Въ дружбѣ сердечной они находились другъ съ другомъ,
Въ дружбѣ годами окрѣпшей, зане были оба
Благочестивы и чисты душою и жизнью,
И горячо свою родину оба любили.
Въ тяжкую пору постигшаго Русь лихолѣтья
Онъ находился въ Москвѣ и. вдвоемъ съ Гермогеномъ
Смѣло народъ увѣщалъ — не ввѣряться полякамъ,
Бросить крамолы, изгнать самозванцевъ безбожныхъ
И водворить благочестно исконный порядокъ.
Послѣ-жъ кончины защитника Троицкой Лавры
Іоасафа, въ преемники славному старцу,
Архимандритомъ обители этой священной
Былъ Діонисій назначенъ, и тутъ-то смиренный
Инокъ Господень вполнѣ свою чистую душу,
Доброе сердце и нравъ свой въ дѣлахъ обнаружилъ.
Бѣдныхъ страдальцевъ, отъ звѣрства бродячихъ злодѣевъ
Пытками страшными полузамученныхъ тяжко,
Онъ подбиралъ по дорогамъ и селамъ окрестнымъ,
Всѣхъ въ монастырь привозилъ, и кормилъ, и лечилъ ихъ;
Тѣлу — пріютъ, а душѣ — утѣшеніе словомъ
Съ братіей самъ подавая, напутствовалъ кротко
Тѣхъ, кто не въ силахъ ужъ былъ одолѣть свою немощь
И, разставаясь въ страданіяхъ съ плотью грѣховной,
Словомъ любви утѣшался и взоромъ участья.
Ночью и днемъ не знавалъ Діонисій покоя.
Не о живыхъ онъ заботился лишь, но и мертвыхъ
Братьи приказывалъ тоже сбирать по дорогамъ,
И христіанскому ихъ предавать погребенью.

Все, что имѣлося въ Лаврѣ въ казнѣ монастырской,
Вклады на душъ поминанье, съѣстные запасы —
Все отдавалъ онъ убогимъ, больнымъ и страдальцамъ,
Въ Лавру святую съ окрестныхъ сторонъ привозимымъ.
Но отдаваясь, какъ инокъ, великому дѣлу
Помощи ближнему, не забывалъ Діонисій
И неурядицы тяжкой надъ Русью царившей.
Въ кельяхъ особенныхъ Лавры писцы-черноризцы
Денно и нощно писали, посмѣнно и спѣшно,
Вѣщія грамоты, съ коими доблестный инокъ,
Купно вдвоемъ съ Авраамiемъ, келаремъ Лавры
Къ русской землѣ обращались, народъ призывая
Подвигъ любви возложить на себя и въ благомъ единеньи.
Бросивъ раздоры, къ Москвѣ поспѣшать неотложно,
Бога смиренно моля, да не дастъ онъ погибнуть
Русскому царству и съ нимъ роднику православья.
Въ Новгородъ, въ Псковъ, на востокъ, и на югъ, и на сѣверъ
Люди надежные, часто платясь головами,
Вѣщія грамоты эти тайкомъ развозили.
Вѣруя въ милость Господню, въ Святыхъ заступленье,
Въ силы живыя, сокрытыя въ нѣдрахъ народа,
Былъ убѣжденъ Діонисій въ спасеніи Руси.
Минина звалъ онъ скорѣе къ Москвѣ подвигаться,
Чтобы не дать въ ней окрѣпнуть врагу-супостату.
Съ скорбной душой принималъ онъ недобрыя вѣсти,
Что неуряды пошли въ ополченіяхъ земскихъ;
Къ нимъ Авраамія выслалъ утишить раздоры
И водворить среди нихъ добрый миръ и согласье.
Въ день же, когда подъ стѣнами избитыми Лавры

Земскую силу народа узрѣли монахи,
Съ радостью сердца великой встрѣчалъ Діонисій
Этотъ послѣдній оплотъ и надежду всей Рýси.
Выйдя торжественнымъ ходомъ церковнымъ изъ Лавры,
Предъ ополченьемъ молебенъ онъ справилъ соборне
И, окропляя святою водой, со слезами
Всѣхъ горячо умолялъ: не бросать свое дѣло,
Не возвращаться домой малодушно, доколѣ
Кремль оскверненный и русскую землю родную
Богъ отъ враговъ и крамолъ имъ избавить сподобитъ.
Съ страхомъ великимъ онъ вѣсть услыхалъ роковую,
Что казакѝ не хотятъ подъ Москвой оставаться,
Требуя денегъ. Въ казнѣ монастырской въ то время
Не было ихъ; но нашелся и тутъ Діонисій.
Долго не думая, взялъ онъ церковную утварь,
Все, что еще оставалося въ ризницѣ Лавры,
Вмѣстѣ съ иконой Спасителя въ цѣнномъ окладѣ,
Все казакáмъ отослалъ, какъ залогъ несомнѣнный,
Впредь до уплаты имъ денегъ за вѣрную службу.
Тронуло сердце казачье такая присылка—
Взять не дерзнули; но всѣ, какъ одинъ, поклялися
Передъ иконой, изъ Лавры въ залогъ привезенной,
Не отходить отъ Москвы, пока Богъ не сподобитъ
Кремль и страну отъ враговъ иноземныхъ очистить.
Кончилось тяжкое время, и гнѣвъ Свой на милость
Богъ претворилъ. Отъ враговъ и своихъ лиходѣевъ
Русь Онъ избавилъ. Царя всѣмъ соборомъ избравши,
Стала въ порядокъ она приходить постепенно.
Но не окончилъ служенье свое Діонисій.

Новое дѣло ему предстояло. Печатный
Дворъ былъ въ Москвѣ возстановленъ, и требникъ церковный
Вновь Діонисію велѣно было печатать.
Въ дѣлѣ церковномъ зѣло умудренъ и начитанъ,
Онъ, повѣряя, замѣтилъ, что въ требникѣ этомъ
Много ошибокъ, описокъ и вставокъ невѣрныхъ
Было допущено. Въ новомъ печатномъ изданьи
Съ точностью полной, по греческимъ книгамъ служебнымъ,
Онъ тѣ ошибки исправилъ. Но темные люди,
Буквѣ — не духу послушные слѣпо и рьяно,
И во главѣ ихъ Іона, владыка крутицкій.
Дружно возстали на новшества въ книгѣ церковной,
Мудрый, смиренный и родинѣ столь послужившій
Архимандритъ Діонисій къ отвѣту былъ призванъ,
Еретикомъ оглашенъ и къ значительной пенѣ
Былъ присужденъ. Но у инока не было денегъ.
Все онъ пожертвовалъ родинѣ, отдалъ въ годину
Тяжкаго бѣдствія и, какъ должникъ неоплатный,
Былъ на правежъ осужденъ во дворѣ патріаршемъ.
Въ тяжкихъ оковахъ стоялъ онъ — и нагло глумились
Люди надъ нимъ, и плевали въ него, и въ ланиты
Уличной грязью бросали. Терпѣлъ Діонисій —
И на глумленье, на брань отвѣчалъ добродушно:
Что свою милость Господь ему днесь посылаетъ;
Что лишь добро ему люди творятъ, истязуя;
Что не страшна ему ссылка; напротивъ, въ Соловкахъ
Въ тяжкой тюрьмѣ для него, какъ отверженца міра,

Лишь и начнется дѣйствительный инока подвигъ.
Нѣсколько дней на правежъ его такъ приводили,
Мучали зло, издѣвались, глумилися въ волю —
И, наконецъ, въ монастырь Новоспасскій за ересь
На заточенье въ оковахъ по смерть осудили.
Кротко, съ смиреніемъ все выносилъ Діонисій,
Бога за милость къ нему и любовь святословилъ,
Зная, что Онъ, судія неподкупный и правый,
За испытанья земныя воздастъ всѣмъ сторицей.
Но не надолго онъ былъ заточенъ. Возвратился изъ Польши
Митрополитъ Филаретъ; патріархомъ московскимъ
Избранный тòтчасъ соборне, онъ въ санъ сей верховный
Былъ посвященъ патріархомъ іерусалимскимъ,
Бывшимъ въ то время въ Москвѣ по дѣламъ патріаршимъ.
Вмѣстѣ, вдвоемъ. разобрали они Діонисія дѣло,
Правымъ признали страдальца — и съ честью особой
Въ Лавру на прежнее мѣсто его возвратили.
Тамъ еще долго онъ прожилъ все такъ же незлобивъ,
Кротокъ душою и къ ближнимъ любовью обиленъ.
Много сносилъ онъ нападокъ отъ дерзкихъ монаховъ,
Слабостью нравъ его кроткій считавшихъ и даже
Въ храмѣ священномъ дерзавшихъ ему прекословить.
Чистый, смиренный, въ служеніи Богу и ближнимъ
Въ духѣ любви и обидъ наносимыхъ прощенья,
Прожилъ онъ жизнь — и въ назначенный часъ неизбѣжный
Богу преставился въ старости честной и мудрой.

Честью особою прахъ его люди почтили.
Самъ патріархъ Филаретъ со священнымъ соборомъ
Въ храмѣ Успенскомъ, въ Москвѣ, отпѣвалъ всенародно
Старца почившаго. Вспомнили русскіе люди,
Что̀ сотворилъ онъ для нихъ и, сознавши заслуги,
Въ Лавру святую съ почетомъ его проводили.
Въ ней и покоится мирно незлобивый, мудрый,
Строгій къ себѣ, но любви преисполненный къ ближ-
нимъ,
Правды поборникъ и родины свѣточъ великій,
Этотъ родной, благодатный и истинный инокъ *).

---

*) Архимандритъ Діонисій умеръ въ 1633 году.

Инокъ Авраамій Палицынъ, во время осады Троицко-Сергіевской Лавры Сапѣгою, былъ келаремъ, то есть завѣдующимъ монастырскими дѣлами. Онъ, по порученію Діонисія, ѣздилъ въ Ярославль къ русскому ополченію водворять согласіе и убѣждалъ Пожарскаго спѣшить къ Москвѣ. Вмѣстѣ съ Пожарскимъ онъ находился и въ станѣ подъ Москвою, уговаривая казаковъ не бросать осады. Онъ же привезъ казакамъ отъ Діонисія, въ видѣ залога, церковную утварь. Его имя упоминается и въ составѣ посольства, отправленнаго въ Кострому для приглашенія царя Михаила Θедоровича на престолъ. Въ 1620 году, онъ, неизвѣстно за что, былъ сосланъ подъ особый надзоръ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1627 году.

Утесъ Стеньки Разина *).

Есть на Волгѣ утесъ. Дикимъ мохомъ оброс
Онъ съ боковъ отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершинѣ его не растетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ;
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

*) Утесъ или бугоръ Стеньки Разина находится на правомъ берегу Волги, въ Саратовской губерніи, недалеко отъ деревни Банной.

Къ этому стихотворенію написана авторомъ въ 1896 году музыка, которая и издана въ томъ же году подъ названіемъ: «Утесъ на Волгѣ», музыкальная дума А. А. Навроцкаго.

И хотя каждый годъ, по церквамъ, на Руси
Человѣка того проклинаютъ,
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.

Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него,
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ.

И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,
И задумалъ пойти по другому пути,
И идти на Москву онъ рѣшился.

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю,
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожаловалъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ на конѣ и съ мечомъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачемъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости.

И Степанъ будто зналъ, никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ.
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана,
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье Атамана.

Но за то, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу какъ мать дорогую любилъ
И во имя ея подвизался—

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Патріархъ Никонъ.

I.

Въ воскресный день, въ Москвѣ, въ Успенскомъ храмѣ
Шла поздняя обѣдня, а служилъ
Митрополитъ новгородскій Никонъ.
И благолѣпно совершалась служба; чинно
Вдоль алтаря стояли іереи,
Торжественно звучалъ согласный хоръ,
И всѣ съ почтеньемъ веліимъ взирали
На строгаго владыку. Не любилъ
Онъ потакать небрежности обычной
Въ служеньи Богу, и въ великомъ страхѣ
Держалъ весь клиръ, столь падкій до стяжанья
И превращавшій храмъ въ вертепъ корысти,
Иль въ торжище святынями земли.
То было время переходное: Іосифъ,
Великій патріархъ всея Руси,
Недавно въ Бозѣ опочилъ, оставивъ
Осиротѣвшей паству. Ожидали
Съ великимъ нетерпѣніемъ въ Москвѣ,
Кого соборъ, по Божьему внушенью

И волѣ царской, изберетъ на мѣсто
Усопшаго владыки. Толковали,
Что будто будетъ непремѣнно избранъ
Суровый Никонъ. Вѣдь не даромъ царь
Его такъ чтилъ и даже величалъ
Своимъ «собиннымъ» другомъ, и къ тому же
Его избралъ своимъ духовникомъ.
Ходили вѣсти, будто государь
Уже не разъ просилъ митрополита,
Чтобъ, покорясь всеобщему желанью
И волѣ царской, онъ пріялъ смиренно
Великій санъ духовный патріарха
И замѣнилъ осиротѣвшей паствѣ
Усопшаго владыку. Но напрасны
Остались всѣ старанья государя.
Честолюбивый Никонъ отклонялъ
И уговоръ, и просьбы. Непреклонно
Онъ отвѣчалъ отказомъ; не могли
Поколебать его ни убѣжденья,
Ни даже просьбы друга и царя.
И слухъ прошелъ, что кроткій Алексѣй
Вдругъ осердился на его упрямство,
И даже не пожаловалъ къ обѣднѣ,
Въ воскресный день, въ святой Успенскій храмъ,
А слушалъ службу въ теремномъ дворцѣ,
У Спаса за рѣшеткой золотою.
Окончилась обѣдня. Сталъ народъ
Изъ храма выходить. Разоблачился
Порядкомъ установленнымъ владыка

И, мантію одѣвъ, благословенье
Послѣднее преподалъ на амвонѣ,
И къ выходу направился... Вдругъ, видитъ—
Въ соборъ вошелъ царь Алексѣй, держа
Въ рукахъ икону, а за нимъ толпою
Текли во слѣдъ служители Христа.
Остановился Никонъ. Государь,
Подъявъ икону Спаса, подошелъ
Къ собинному пріятелю и громко
Сталъ именемъ Господнимъ заклинать
Чтобъ онъ не смѣлъ противиться велѣнью
Премудрости Господней и пріялъ
Великій санъ духовный патріарха.
Но Никонъ былъ неколебимъ. Смиренно,
Но твердо отвѣчалъ онъ государю,
Что самъ себя считаетъ недостойнымъ
Занять престолъ святительскій и проситъ
Избрать изъ сонма пастырей благихъ
Другого, болѣе достойнаго владыку.
Царь Алексѣй смутился. Передавъ
Икону іерею, опустилъ онъ
Свое чело державное и въ думу,
Какъ въ мрачную пучину, погрузился.
И воцарилося безмолвіе. Стояли
Всѣ неподвижно, ожидая въ страхѣ,
Чѣмъ разрѣшится дума Государя...
И вдругъ случилось зрѣлище, какого
Еще никто не видѣлъ на Руси.
Царь Алексѣй, преемникъ Іоанна,

Самодержавный деспотъ всей Руси,
Передъ крестьянскимъ сыномъ опустился
Вдругъ на колѣни и, главу склонивши,
Сталъ со слезами умолять, чтобъ Никонъ
Ужъ больше не противился и далъ бы
Свое согласье; что предъ нимъ теперь,
Въ лицѣ царя, помазанника Бога,
Вся Русь склонилась и смиренно проситъ
Ее почтить согласіемъ своимъ.
Вслѣдъ за царемъ и весь соборъ духовный
Безмолвно преклонился и внималъ
Его словамъ. При видѣ Государя,
Стоявшаго предъ нимъ въ такомъ смиреньи,
У Никона ужъ не хватило силы
Упорствовать въ отказѣ. Согласился
Онъ патріаршій санъ пріять; любовно
Облобызался съ государемъ; низко,
Но величаво поклонился всѣмъ,
Съ царемъ во храмъ пришедшимъ, прослезился
Какъ патріархъ, ихъ всѣхъ благословилъ,
Со всѣми ими вкупѣ помолился
И по домамъ ихъ съ миромъ отпустилъ.*)

*) Никонъ, въ міру Никита, былъ сынъ крестьянина Нижегородской области, села Вильдеманова.

2.

Прошли года, и вновь въ Успенскомъ храмѣ
Служилъ обѣдню Никонъ патріархъ.
Все также чинно совершалась служба,
Торжественно звучалъ согласный хоръ.
Но на челѣ суроваго владыки
Глубокія виднѣлися морщины,
Слѣды заботъ и думы роковой.
Не празднымъ и излюбленнымъ покоемъ
Былъ для него святительскій престолъ.
Онъ не мирился съ властью, какъ съ почетомъ,
Онъ жаждалъ дѣла. Въ глубинѣ души,
Еще въ давно минувшія годины.
Въ немъ зародились мысли: ка̀къ помочь,
Ка̀къ пособить лихому нестроенью,
Въ которомъ обрѣтались духовенство
И Божья служба въ храмахъ на Руси?
Онъ принялся за дѣло круто, строго;
Онъ безпощадно изгонялъ всѣхъ тѣхъ,
Которые безумно обращали
Въ постыдный торгъ—служеніе Христу.
Онъ обратилъ вниманье и на книги,
И на молитвы. Все что исказили,
Неграмотные, грубые писцы,
Онъ захотѣлъ исправить разомъ, вдругъ.
Но онъ забылъ, что то̀, что̀ накоплялось

Десятками и сотнями годовъ.
Того нельзя вдругъ измѣнить; къ тому же
Онъ былъ строптивъ, и гнѣвенъ непомѣрно,
И мстителенъ. Волною поднялось
Вокругъ его негодованье всѣхъ,
Кого касались эти перемѣны.
Оно росло и даже добралось
До слуха самодержца Алексѣя.
Но гордый Никонъ охранялъ ревниво
Свои права по власти патріарха.
Онъ твердо вѣрилъ въ заповѣдь Христа,
Чтобъ не мѣшать власть кесареву съ Божьей
И церкви власть не подчинять царю.
И онъ стремился такъ себя поставить,
Чтобъ, по примѣру папы, почитаться
Не подданнымъ, а братомъ, и къ тому же
Отцомъ духовнымъ русскаго царя.
И онъ достигъ желанной цѣли. Кроткій,
Благочестивый Алексѣй призналъ
Его права, и титуломъ Великимъ
Его пожаловалъ, и съ нимъ всегда
Во всѣхъ дѣлахъ совѣтъ держалъ, и даже,
Въ походъ отъѣхавъ къ войску, поручилъ
Ему дѣлами государства править.
Но вскорѣ царь замѣтилъ, что надъ нимъ
Власть патріарха слишкомъ тяготѣла.
Какъ ни казался онъ благочестивъ,
Но санъ свой царскій зорко охраняя,
Онъ недовѣрчивъ сдѣлался. Къ тому-жъ

Его бояре, Никона враги,
Ему твердили неустанно, дружно,
Что патріархъ дерзаетъ власть царя
Себѣ присвоить; что такая дерзость
Для всѣхъ прискорбна, и что царь всегда
Былъ самодержцемъ полнымъ и единымъ
Надъ всею Русью. Льстивыя слова
Царю пришлись по сердцу, и онъ началъ
Охладѣвать къ любимцу своему,
Къ собинному пріятелю и другу.
Замѣтилъ Никонъ это охлажденье
И понялъ разомъ, что ему возвратъ
Назадъ ужъ труденъ; что онъ такъ далéко
Зашелъ впередъ, что нужно или снова
Вернуть, что̀ было, иль однимъ ударомъ
Разрушить все. Онъ совершилъ попытку,
Чтобы вернуться къ прежнему, но это
Ужъ стало невозможнымъ. Государь
Подпалъ вліянью сильному бояръ,
Его враговъ, и онъ, чтобы не впасть
Въ обычныя зависимость и рабство,
Рѣшился самъ сложить съ себя свой санъ.
Окончивъ службу, приложившись къ лику
Святителя Филиппа, помолившись
Передъ иконой чудотворной Спаса,
Онъ вышелъ на амвонъ и тамъ, сказавъ
Народу поученье, объявилъ,
Что онъ слагаетъ патріаршій санъ
По недостоинству и по навѣтамъ злобы

Своихъ враговъ. Затѣмъ разоблачился.
Снялъ панагію и отбылъ смиренно,
Безъ звона, въ Воскресенскій монастырь.
Казалось бы, что не зачѣмъ ужъ было
Его тревожить больше; но должно быть,
Онъ все-таки казался страшнымъ всѣмъ
Своимъ врагамъ, и вотъ они рѣшились,
Помимо отрѣченья, осудить
Его судомъ церковнымъ и, лишивъ
Его свободы, заточить на вѣки
Куда-нибудь въ далекій монастырь.
Коварными навѣтами смущали
Они царя; но тотъ все колебался,
Все Никона боялся—и сперва
Его отправилъ въ Крестный монастырь,
На Бѣломорьѣ имъ сооруженный.
Повиновался Никонъ. Безъ него
Его погибель было ужъ нетрудно
Его врагамъ устроить; собрался
Соборъ духовный. и рѣшили дружно
Не только замѣстить престолъ свободный
Но и лишить и сана, и священства
Опальнаго владыку. Царь, однако,
Смутился духомъ сильно и рѣшилъ
Къ вселенскимъ патріархамъ обратиться,
И ихъ рѣшенью мудрому подвергнуть
Сомнительный соборный приговоръ.
Онъ пригласилъ въ Москву ихъ; но явились
На зовъ его лишь двое, остальные

Имъ полномочье дали. Собрался
Соборъ великій духовенства, только
То былъ соборъ не истинный, а лживый,
Подкупленный заранѣе врагами
Владыки Никона. Какъ патріархъ,
Въ предшествіи креста, вошелъ онъ чинно
И, прочитавъ молитву, поклонился
И патріархамъ, и царю... Судили
Его два дня и, наконецъ, лишили
И сана, и священства. Утромъ рано
Въ одномъ изъ храмовъ Чудовскихъ собрался
Соборъ духовный; привели изъ кельи
Туда и Никона. Спокойно, гордо,
Вошелъ онъ въ храмъ и, сотворивъ молитву,
Всталъ передъ ними молча... Не дерзали
Взглянуть на осужденнаго монаха
Рѣшители его судьбы; средь нихъ.
Въ торжественныя ризы облеченныхъ,
Лишь онъ одинъ, хотя въ одеждѣ скромной,
Былъ истинный владыка. Наконецъ,
Дрожавшими устами приговоръ
Ему прочелъ митрополитъ рязанскій.
Спокойно слушалъ Никонъ, а затѣмъ
Отвѣтилъ такъ:—«Зачѣмъ меня позвали
Вы въ эту церковь? Если я достоинъ
Лишенья сана, такъ должны меня
Лишить его не здѣсь, не въ этомъ храмѣ,
Но тамъ, гдѣ я пріялъ верховный санъ.
Въ Успенскій храмъ ведите! тамъ вѣдь я,

По слезному моленію царя,
Пріялъ свой санъ, и тамъ съ меня лишь можно
И снять его.» Но подкупные судьи,
Конечно, не внимали этой рѣчи
И лишь спѣшили поскорѣй окончить
Обрядъ тяжелый. Сняли панагію.
Клобукъ съ крестомъ и. выведя скорѣй
Изъ храма Никона, поспѣшно въ келью
Его свели, а на другое утро
Подъ тяжкую опалу удалили
Въ далекій Ѳерапонтовъ манастырь.

3.

Прошло еще годовъ не мало. Никонъ
Все былъ въ опалѣ и въ далекой ссылкѣ
Томился подъ надзоромъ неуклоннымъ
Безчувственныхъ, бездушныхъ палачей.
Но и въ тиши обители далекой
Развѣнчанный владыка оставался
Все тѣмъ же Никономъ, суровымъ, строгимъ,
Какимъ онъ былъ въ минувшія годины,
Во оны дни величья своего.
Какъ Божій инокъ, какъ служитель церкви,
Какъ ратникъ воинства безкровнаго Христа,
Онъ такъ же строго относился къ людямъ,

Отрекшимся отъ суеты мірской
И посвятившимъ жизнь служенью Богу,
Да подвигамъ смиренья и добра.
Онъ продолжалъ держать себя далеко
Отъ монастырской братьи. Недоступенъ,
Великъ, суровъ онъ былъ всегда средь нихъ;
И не сломился духъ его гордыни
Подъ бременемъ изгнанья и тоски.
Но и его томилъ недугъ тяжелый.
Онъ изнывалъ отъ вѣчнаго бездѣлья,
Онъ жаждалъ власти, жаждалъ прежнихъ дней.
Не для почета только иль покоя
Онъ жаждалъ ихъ; онъ сознавалъ въ себѣ
И твердость духа, и привычку къ власти,
И знаніе, и просвѣщенный умъ...
И онъ все ждалъ посланца изъ Москвы
Съ почетнымъ зовомъ. О, тогда настанетъ
И день отмщенья всѣмъ его врагамъ!
Онъ приметъ власть—и всѣхъ покорно склòнитъ
Къ своимъ ногамъ, и отплатйтъ сторицей
Тому собору жалкому, который
Постановилъ постыдный приговоръ.
И вотъ, однажды, ночью, въ монастырь
Дѣйствительно пріѣхали посланцы
И привезли съ собой такую вѣсть:
Царь Алексѣй скончался, царь Ѳеодоръ
Вступилъ на прародительскій престолъ
Царей московскихъ и, согласно волѣ
Усопшаго отца и государя,

Онъ снялъ опалу съ Никона, дозволивъ
Въ свой монастырь любимый Воскресенскій
Ему изъ ссылки возвратиться днесь.
Опальный Никонъ выслушалъ посланца
Спокойно, гордо... Не сказавъ ни слова,
Направился онъ къ храму и велѣлъ
Ударить въ колоколъ поліелейный.
Раздался погребальный звонъ, стеклися
Монахи и народъ въ соборный храмъ,
И тамъ смущенный Никонъ совершилъ,
Соборне съ монастырскимъ духовенствомъ,
Поминовенье по усопшемъ. а затѣмъ
Вознесъ молитвы къ Господу о здравьи
И долголѣтьи новаго царя.

4.

Была пора весенняя. По Волгѣ,
На баркѣ скромной, возвращался Никонъ
Изъ ссылки въ Воскресенскій монастырь.
Года прошли не даромъ, расшатало
Они здоровье Никона и тяжко
На бодрости его отозвались.
Его томилъ мучительный недугъ,
Подарокъ той болотистой рѣки,
По берегамъ которой онъ, бывало,

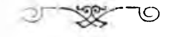
По цѣлымъ днямъ задумчиво бродилъ.
Смерть Алексѣя повліяла также
На черствую натуру старика.
Со смертью государя обрывалась
Послѣдняя надежда. Значитъ, втуне
Онъ столько лѣтъ все думалъ и мечталъ,
Что если царь при жизни не рѣшится
Его вернуть, то на одрѣ болѣзни,
Предъ смертнымъ часомъ, ужъ захочетъ вѣрно
Увидѣться съ своимъ собиннымъ другомъ
И отъ него прощенье получить.
Но Алексѣй скончался... Что-жъ? Остался
Для распри ихъ еще послѣдній судъ.
Не долго ждать! Онъ чувствовалъ, что скоро
И для него наступитъ смертный часъ,
Когда и онъ предстанетъ передъ Богомъ,
Чтобъ дать отчетъ въ грѣхахъ своихъ, а также
Позвать на судъ Его нелицемѣрный
Своихъ враговъ, своихъ позорныхъ судей,
И въ ихъ главѣ -- усопшаго царя.
Ужъ время приближалося къ разсвѣту,
Но Никонъ не ложился. Много лѣтъ
Онъ мучился безсонницей. Не зная,
Чѣмъ скоротать томительную ночь,
Покинулъ онъ страдальческое ложе
И, сотворивъ молитву, осторожно
Пошелъ наверхъ. На палубѣ просторной
Все было тихо; спали мертвымъ сномъ
Уставшіе рабочіе на доскахъ,

И только на кормѣ стоялъ бурлакъ,
И твердою, испытанной рукою
Онъ правилъ баркой. Никонъ помолился
И тихо опустился на скамью,
Стоявшую подъ парусомъ у мачты.
Гонимая попутнымъ вѣтромъ, барка
Неслась по Волгѣ быстро, оставляя
Вслѣдъ за собой журчащія струи.
Широкими и мутными волнами
Текла рѣка; вдали, изъ-за пригорка
Всходило солнце, прогоняя быстро
По берегамъ сгустившійся туманъ.
Все оживало. Начиналось утро.
Повсюду чуялась волшебница-весна —
И сладостное чувство овладѣло
Озлобленной душою старика.
Весенній воздухъ вѣялъ благодатно
На утомленный мозгъ и вызывалъ
Въ его душѣ минувшаго картины...
И вспомнилось ему былое время,
И вспомнилъ онъ минувшіе года.
Вотъ онъ ребенокъ. Сколько испытаній
Онъ перенесъ отъ мачихи. Она,
Какъ дикій звѣрь, его терзала, даже
Чуть не убила разъ; но все сносилъ
Онъ, бѣдный мальчикъ, хилый и больной...
А вотъ и монастырь, гдѣ такъ прилежно
Онъ занимался чтеніемъ священныхъ
Церковныхъ книгъ. Вотъ величавый старецъ,

Священный инокъ, просвѣтившій мудро
Его познаньемъ возбужденный умъ.
Затѣмъ — Москва... священство... бракъ... семья...
Потеря всѣхъ своихъ дѣтей.... потомъ,
Влекомый жаждой подвиговъ священныхъ,
Ушелъ онъ къ морю Бѣлому и тамъ
Въ скиту Анзерскомъ принялъ постриженье.
Какъ онъ любилъ безмолвіе природы;
Какъ горячо молился онъ, мечтая
Всю жизнь свою въ обители священной
Провесть въ трудахъ, молитвѣ и тиши.
Какъ былъ тогда онъ чистъ душой... а послѣ:
Гордыня... суета... и жажда власти...
Желанье мести... самолюбье... злость...
И тутъ впервые, гордый, непреклонный,
Развѣнчанный владыка вдругъ почуялъ
Потребность всепрощенья. Предъ природой,
Подъ благотворными лучами солнца,
Подъ мѣрный шумъ рокочущей волны,
Вдыхая воздухъ благодатный утра,
Съ благоговѣніемъ смотря на бурлака,
Котораго мозолистыя руки
Всю жизнь трудились тяжко лишь затѣмъ,
Чтобы на хлѣбъ насущный заработать —
Сознàлъ тутъ Никонъ, какъ глубòко онъ
Погрязъ душой въ грѣховной суетѣ.
Сознàлъ и то, что судъ надъ нимъ былъ правый;
Что этотъ судъ, хотя лицепріятный,
Былъ справедливъ — зане, по волѣ Бога,

Онъ за гордыню покаралъ его.
Смягчилось сердце, подступили слезы
Къ его очамъ—и полились свободно
По изможденнымъ старческимъ щекамъ.
Палъ на колѣни Никонъ и склонивши
Свою сѣдую гордую главу,
Онъ сталъ молить у Господа прощенья
Своимъ грѣхамъ, и самъ тогда невольно,
Отъ всей души, отъ искренняго сердца,
Простилъ впервые всѣмъ своимъ врагамъ.
Какъ хорошо онъ чувствовалъ на сердцѣ
Въ тотъ сладкій мигъ, въ тотъ примиренья часъ.
И долго онъ молился умиленно,
И долго плакалъ... наконецъ, поднялся,
Съ улыбкой обернулся къ бурлаку,
Хотѣлъ къ нему приблизиться, чтобъ братски
Облобызаться съ нимъ отъ всей души—
Но вдругъ почуялъ, что въ его груди
Какъ будто что-то лопнуло у сердца,
И кровь изъ горла хлынула струей.
Онъ пошатнулся... слабыми руками
За грудь схватился и, склонившись тихо,
Упалъ на доски. Поднялась тревога,
Сбѣжались всѣ, хотѣли поскорѣе
Его снести въ каюту на постель;
Но онъ открылъ глаза и улыбнулся,
И слабою рукою указалъ,
Чтобы его перенесли на берегъ,
На луговую сторону рѣки.

Остановили барку. Осторожно
Его на берегъ на рукахъ снесли
И положили на лугу зеленомъ,
Подъ старою, развѣсистой березой,
На молодую, свѣжую траву.
Владыка былъ недвижимъ. Тонкой струйкой
Изъ устъ его слегка сочилась кровь;
Но очи были ясны, и съ улыбкой,
Еще невиданной на сумрачномъ лицѣ,
Онъ обводилъ всѣхъ взоромъ. Вдругъ, надъ нимъ,
Въ вѣтвяхъ березы, невысоко, близко,
Запѣла пташка. О, съ какой отрадой
Онъ ей внималъ, какъ вѣстнику спасенья,
Какъ вѣстнику небесъ! Казалось, въ нихъ,
Въ тѣхъ звукахъ мимолетныхъ заключались
Невѣдомыя, дивныя слова,
Слова прощенья... Вдругъ, вспорхнула пташка
И полетѣла кверху, и пока
Не утонула въ яркой синевѣ
Весенняго, безоблачнаго неба,
Слѣдилъ за нею Никонъ; а затѣмъ
Вдругъ застоналъ... хотѣлъ перекреститься...
Шепнулъ, но что... понять ужъ не могли...
И умеръ онъ, сынъ пахаря и жницы,
На лонѣ чистомъ матери-земли.

Разбойничья пѣсня.

То не на небѣ туча черная собиралася,
То не на морѣ буря грозная разыгралася,
То на «Соколѣ» атаманъ Степанъ потѣшается,
Съ эсаулами его храбрыми забавляется.
Эхъ, гуляй душа, душа вольная!
Душа вольная, молодецкая!
Эхъ, ты, жги, говори, да на мѣстѣ не сиди!
Да на мѣстѣ не сиди, знай отплясывай!
Разступись народъ, хороводъ идетъ.
Хороводъ ведетъ Волга-матушка,
Съ вѣтромъ буйнымъ, съ ночкой темною,
Съ нашей удалью молодецкою!
Какъ пойдемъ плясать, разыграемся,
Не мѣшай никто, съ кѣмъ не знаемся!
Начинай Кузьма, ждать намъ некого,
Начинай живѣй, ноги чешутся!
Эхъ, ходи, гуляй, разговаривай,
Не робѣй, Косой, знай наяривай!
Поднимайтеся вѣтры буйные,

Надвигайтеся тучи черныя,
Расходись сама Волга-матушка,
Покачай ты насъ ради праздничка!
Ну, ходи живѣй, разговаривай!
Не робѣй, Косой, знай наяривай!
Расходись рука, ну живѣй еще!
Разступись народъ, мѣста надобно!
    Эхъ, ты жги, говори, да на мѣстѣ не сиди!
    Да на мѣстѣ не сиди, знай отплясывай! *)

*) «Соколъ» былъ большой стругъ Стеньки Разина, раскошно изукрашенный.

Пустынникъ.

Пещера въ Жигулевскихъ горахъ на Волгѣ.

О, Господи! будь милостивъ надъ нами
И гнѣвъ Твой праведный на милость претвори.
Для православной, бѣдной Руси снова
Тяжелыя настали времена.
За тяжкій грѣхъ, за оскудѣнье вѣры,
За вѣчное служенье сатанѣ
Господь послалъ народу испытанье
И отвратилъ отъ насъ свое лицо.
Давно-ли насъ избавилъ Вседержитель
Отъ злыхъ татаръ? Давно-ли отъ раздора
Русь распадалась, и кичливый ляхъ
Чуть не вступилъ, нечистою ногою,
На освященный Господомъ престолъ.
Господь помиловалъ. Молитвами святыхъ,
Владычицы Пречистой заступленьемъ
Господь не попустилъ погибнуть царству
И отвратилъ грозящую напасть.
Но Божій гнѣвъ безумцы не прозрѣли,

И милость Бога позабыть успѣли,
И снова Онъ, заслуженною карой,
Напоминать имъ долженъ о Себѣ.
Повсюду смута! Города, селенья,
Обители, святые Божьи храмы
Повыжжены злодѣйскими руками,
Пограблены, разорены до тла
И залиты кровавою рукою.
По волѣ Господа, изъ нѣдра казаковъ
Злодѣй неслыханный на Волгѣ появился.
Какъ грозный бичъ, какъ злой степной буранъ
Онъ, гдѣ пройдетъ, повсюду слѣдъ оставитъ,
Ужасный слѣдъ, слѣдъ крови да огня. *)
Какъ въ тихую погоду, на рѣкѣ,
Отъ одного лишь брошеннаго камня
Встаютъ круги, волненье возбуждая
И расширяясь вслѣдъ одни другимъ—
Такъ и теперь, повсюду, въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ лишь пройдетъ злодѣйскій атаманъ,
Вокругъ его встаетъ мятежъ кровавый
И заливаетъ все своей волной.
По городамъ, по селамъ, по дорогамъ
Несетъ онъ вѣсть, что будто-бы насталъ
Желанный часъ разнузданной свободы.
И отуманенные смутными рѣчами
Встаютъ крестьяне на своихъ властей,

---

*) Стенька Разинъ.

И обагряются въ крови людскія руки,
И предаютъ они своихъ господъ на муки,
И тѣшатся, какъ травленные псы,
Надъ беззащитными, безгрѣшными дѣтьми,
И думаютъ, путемъ огня да казни,
Желанную свободу получить.
Безумцы! Иль не вѣдаютъ они.
Что нѣту власти, аще не отъ Бога,
Что не легко мятежъ имъ обойдется,
Что дѣло крови кровью отзовется,
И зломъ за зло, и казнями за казнь,
Сторицею имъ послѣ возвратятъ.
Безумствуютъ, служа земной корысти,
Не вѣдая, что все богатство здѣсь. (указываетъ на Евангеліе).
Вотъ въ этой книгѣ всѣ богатства міра,
Всѣ были собраны божественной рукой.
И если кто, глаголу Бога внемля,
Оставитъ грѣхъ и станетъ жить впередъ,
Какъ заповѣдалъ жить намъ самъ Господь,
То будетъ онъ богатъ такимъ богатствомъ,
Какого не отнимутъ отъ него
Ни алчность сильныхъ, ни коварство злыхъ,
Ни грозныя явленія природы. (беретъ Евангеліе).
Сокровища для жизни человѣка...
Хоть многіе достигнуть ихъ берутся,
Но не легко богатства тѣ даются,
И многотруденъ къ нимъ тернистый путь. (цѣлуетъ Евангеліе и кладетъ его на мѣсто).

И мнѣ извѣстны бѣдствія народа,
И я видалъ страданія людей;
Но не путемъ кроваваго возмездья
Желаю имъ свободу получить.
Все на землѣ свершается отъ Бога,
И потому намъ надобно просить
Его, Отца, да призритъ Онъ надъ нами
И миромъ нашу жизнь благословитъ.
И я просилъ, и цѣлыми ночами
Я плакалъ и молился передъ Нимъ,
Чтобъ Онъ народу милость возвратилъ;
И внялъ Господь моимъ мольбамъ грѣховнымъ,
И свѣтомъ правды умъ мой просвѣтилъ.
Не съ обагренными въ людской крови руками.
Не съ бою, не кровавымъ мятежемъ
Народу русскому достанется свобода,
Другимъ путемъ придетъ къ нему она.
То Божій путь! Его избралъ Христосъ,
Когда онъ шелъ на жертву искупленья
И перенесъ и брань, и заушенья,
И смѣхъ убійцъ, и казни всей позоръ,
И только къ Богу обращая взоръ,
Лишь отъ Него надѣялся спасенья.
Тяжелый путь, но вѣрный и святой—
И имъ народъ своей достигнетъ цѣли.
Придетъ пора... пробьетъ урочный часъ...
И выйдетъ сѣятель... На плодородной нивѣ
Его рукой посѣянная правда
Зазеленѣетъ быстро и взойдетъ.

И просвѣтленный разумомъ народъ
Сторицею ту жатву соберетъ.
Но жертвой искупительной за всѣхъ,
Своею властью злоупотреблявшихъ
И человѣка со скотомъ равнявшихъ,
За ихъ грѣхи, кровь одного прольется.
Святая кровь!...*) И жалокъ человѣкъ,
Кого Господь не просвѣтитъ познаньемъ
Премудрости Его великихъ дѣлъ.
Онъ думаетъ о нуждахъ лишь одной
Частицы жалкой цѣлаго созданья;
Но онъ не мнитъ, что были до него
И будутъ послѣ нашей краткой жизни
Милліоны жить; и что для пользы міра,
Извѣстной только одному Творцу,
Необходимы — ровное теченье
И медленный, но безконечный ходъ,
Которымъ міръ къ спасенію идетъ.
Предъ этимъ ходомъ все должно склониться,
И недоступной тайнѣ покориться,
И всѣ невзгоды жизни принимать
Какъ Божій гнѣвъ, иль Божью благодать,
Которыхъ пользу людямъ не понять,
Хотя она для нихъ необходима.
Любовь Творца къ творенью своему
Такъ велика и такъ неизмѣрима,

---

*) Царя-Освободителя, Императора Александра II.

Что намъ ее ни съ чѣмъ нельзя сравнить;
И мы должны для общей пользы міра,
Въ которомъ мы ничтожное звено,
Отъ себялюбія на вѣки отрѣшиться,
Терпѣть, страдать, да Господу молиться
И все принять, что Имъ намъ суждено.
. . . .
О, Господи! прости имъ и помилуй:
Не вѣдаютъ бо сами, что̀ творятъ.

Голытьба.

Слушай меня, голытьба,
Разудалые, вольный народъ!
Было время и время недавнее,
Какъ у насъ на Дону было весело,
По домамъ проживать было некогда
Съ басурманами мы потѣшалися,
Отъ проклятыхъ казной разживалися,
Величалися мы нашей славою,
И дивилися всѣ нашимъ подвигамъ.
А теперь времена измѣнилися;
Нѣтъ у насъ вожаковъ, нѣтъ и волюшки.
Атаманы у насъ съ эсаулами
Разжирѣли, какъ свиньи, отъ лѣности.
Поглупѣли, какъ бабы, отъ старости.
Какъ жиды занялися торговлею,
Сами сыты, а намъ, голытьбѣ,
Не даютъ удалымъ позабавиться.
Нѣтъ не то казакомъ называется!
Тотъ казакъ, кто съ избою не знается

И съ конемъ, пока живъ, не разстанется.
Казаку изба — поле чистое!
Казаку жена — сабля острая!
Казаку торговать не товарами,
А лихимъ мечемъ, алой кровію!
Что̀ добудетъ войной, тѣмъ и кормится;
А пропьетъ до-гола — не заботится:
Соберетъ удалыхъ, соберется и самъ
И добудетъ добра, сколько надобно.
Безъ кровавой потѣхи и жизнь не красна,
Отъ бездѣлья — хвороба заводится,
А въ болѣсти лихой, да въ поганой избѣ,
Казаку умирать не приходится!
Такъ-ли, братцы?..

Бояринъ.

Темно и безмолвно въ боярскихъ хоромахъ,
Лишь слышенъ собакъ надрывающій вой,
Да сторожъ сидитъ у воротъ, ожидая,
Когда возвратится бояринъ домой.

Пріѣхалъ... Сошелъ онъ съ повозки угрюмо
Взобрался съ трудомъ на крутое крыльцо
И, встрѣтивъ слугу съ фонаремъ на подъѣздѣ,
Прошелъ, закрывая отъ свѣта лицо.

— «Сердитъ, или хмѣль разбирать начинаетъ —
Подумалъ дворецкій—должно быть, хлебнулъ;»
Вошелъ за бояриномъ слѣдомъ въ хоромы
И вскрикнулъ, едва на него лишь взглянулъ.

— «Чего испугался? Гляди, да любуйся!
Вотъ чѣмъ награжденъ я за службу мою!

Вотъ царская ласка, подарокъ нежданный,
Вотъ какъ проявляетъ онъ милость свою!

Ступай!..». Опустился онъ грузно на лавку,
Взглянулъ на себя съ безъисходной тоской,
И долу челомъ наклонился печально,
И голову подперъ дрожавшей рукой.

—«Ты молодъ, ретивъ, но жестокъ безъ причины —
Шепталъ онъ – жестокость въ тебѣ велика;»
И тяжкое горе нежданной кручины
Туманило взоры и мозгъ старика.

— «Обычай заморскій во всемъ возлюбивши,
Рѣшился ты насъ по заморски обрить;
Ты думалъ, что божескій ликъ измѣнивши,
Заставишь легко старину позабыть.

Что станетъ не трудно сойтись намъ поближе
Съ заморскою стаей любимцевъ твоихъ;
Но ты позабылъ, что ты молодъ, а мы же
Всю жизнь провели при обычьяхъ своихъ.

Еще твою мать и царицей не звали,
А мы ужъ служили отцу твоему,
Прямили по чести, въ опалѣ бывали,
Но бороды стричь не пришлось никому.

Служилъ и тебѣ я по правдѣ исконной,
По древнимъ завѣтамъ покойныхъ отцовъ,
И отдалъ тебѣ для науки заморской
Я въ царскую службу родныхъ молодцовъ.

За чтожъ ты меня такъ жестоко обидѣлъ?
За что ты рукой своего дурака
Нанесъ мнѣ безчестье? Иль ты не предвидѣлъ,
Какъ страшно унизилъ ты тѣмъ старика?

Моя борода никому не мѣшала,
Росла она вмѣстѣ со службой моей
И вѣрную русскую грудь прикрывала;
Питали враги уваженіе къ ней.

Отвѣтишь ты Богу за наше увѣчье,
За то, что нанесъ мнѣ позорный изъянъ,
За то, что подобишь лице человѣчье
Ты харямъ заморскихъ твоихъ обезьянъ;

За то, что забывши завѣтъ христіанскій,
Ты бороды стричь безъ нужды приказалъ,
И скоблишь лицо ты ножомъ басурманскимъ,
Гдѣ волосу быть самъ Господь указалъ.

Жена?.. Какъ теперь передъ ней показаться?
Какъ встрѣчу я дворню, какъ выйду на свѣтъ?

Повсюду насмѣшки я долженъ бояться,
И мнѣ отъ позора спасенія нѣтъ!..»

И долго сидѣлъ онъ въ раздумьи тяжеломъ,
И часто къ лицу поднималась рука,
Но, словно коснувшись огня, упадала,
И капали слезы изъ глазъ старика.*)

*) Привязанность ко всему, что перешло къ намъ отъ предковъ, было, какъ извѣстно, предметомъ глубокаго уваженія между русскими. Когда, во время поѣздки Петра Великаго за границу, бояринъ Головинъ рѣшился сбрить бороду, надѣть завитой парикъ и нарядиться во французскій кафтанъ, и объ этомъ узнали въ Москвѣ, то старые бояре и духовенство ужаснулись, потому что борода считалась почти священною принадлежностью мужчины. По возвращеніи Петра въ Москву, когда къ нему стали пріѣзжать на поклонъ знатнѣйшіе сановники, онъ быстро отхватывалъ имъ бороды ножницами и хохоталъ ихъ смущенію. Такъ остригъ онъ старика Шеина, кесаря Ромодановскаго и другихъ. Кому не успѣвалъ онъ отрѣзать бороды самъ, надъ тѣмъ совершалъ эту операцію придворный шутъ—и присутствующіе хохотали сквозь слезы. (Чтен. изъ Русск. Ист. Шебальскаго. Вып. втор. 58).

Иванъ разбойникъ.

1.

Разъ, давно, въ пору Петровскую
Привели въ Преображенское
Десять молодцовъ,
Люду вольнаго, разбойничковъ,
На большой дорогѣ пойманныхъ
Съ кистенемъ бойцовъ.

Самъ бояринъ Ромодановскій
Удостоилъ ихъ отличіемъ—
Сталъ снимать допросъ,
Въ той палатѣ, что̀ пропитана
Моремъ крови человѣческой
И ручьями слезъ.

Долго князь надъ ними тѣшился,
Палачей лишь понукаючи,

Многихъ заморилъ.
Знали всѣ натуру княжую,
И никто изъ нихъ не бабился.
Жизни не просилъ.

Наступилъ чередъ послѣднему,
И предъ княжьи очи грозныя
Парня подвели,
Чтобъ расправою мучительной
Передать его въ объятія
Матери-земли.

Былъ красивъ онъ, такъ и бросилась
Его удаль молодецкая
Въ очи старику,
Хоть видалъ онъ много истинныхъ
Распрекрасныхъ добрыхъ молодцевъ
На своемъ вѣку.

Ростъ — сажень, спина могучая,
Красотой — подобенъ солнышку,
Богатырь на взглядъ;
Борода и кудри русые,
А глаза — какъ уголь черные.
Какъ огонь горятъ.

— «Ну, повѣдай, добрый молодецъ,
Какъ по имени, по отчеству

Намъ тебя назвать,
Чтобы знать, кого доподлинно,
По указу государеву,
Будемъ мы пытать?»

— «Звать — Иванъ, отца покойнаго
Звали тѣмъ-же русскимъ именемъ,
Прозвище — Капралъ;
Былъ ямщикъ, а сталъ разбойничать,
Съ кистенемъ въ рукахъ хозяйничалъ,
Подать собиралъ.»

— «Не прогнѣвайся, Ивановичъ —
Молвилъ князь съ усмѣшкой лютою —
Надо попытать;
Погулялъ ты, парень, въ волюшку,
Такъ съумѣй съ такой-же удалью
И отвѣтъ держать.»

— «Не боюсь я казни медленной,
Не страшусь я пытокъ лютыихъ,
Одного мнѣ жаль;
Объ одномъ томитъ головушку,
И одна лежитъ колодою
На́ сердцѣ печаль.

Жаль, бояринъ, что ужъ болѣе
Нѣтъ надежды мнѣ родимаго

Сына увидать,
И предъ смертью неминучею,
Ко груди своей отеческой
Милаго прижать.»

— «Гдѣ онъ?»—«Былъ въ утробѣ матери,
Какъ мёня схватили приставы,
Повели въ тюрьму;
Какъ бѣжалъ я къ людямъ вольнымъ,
Отъ твоей расправы княжеской,
Слишкомъ годъ тому.

А теперь родился пе́рвенецъ—
И хотѣлось бы на милаго
Хоть разокъ взглянуть
Передъ тѣмъ, какъ снимутъ голову,
Какъ сомкнутся очи ясныя
И застынетъ грудь.»

—«Далекò онъ?»—«Нѣтъ, по близости...
Можно ходомъ молодецкіимъ
Къ вечеру дойти.
Вѣдь къ семьѣ своей возлюбленной.
Хоть куда ни собираешься,
Всюду по пути.»

Опустилъ бояринъ голову
И, браду свою уставивши,

Долго такъ сидѣлъ...
Вскинулъ очи свои ясныя,
Съ головы до ногъ онъ медленно
Парня оглядѣлъ,

И спокойнымъ, мѣрнымъ голосомъ
Обратился онъ къ разбойничку:—
«Хочешь — отпущу?
Хотя знай, что за провинности
Долженъ ты разстаться съ жизнію,
Я вѣдь не прощу.»

— «Не глумись, бояринъ, по̀-пусту!
Хотя я разбойникъ вѣдомый,
Все же человѣкъ;
Не томи-жъ меня посулами,
А порядкомъ установленнымъ
Погуби на вѣкъ!»

— «Не глумлюсь я! Слушай, мо̀лодецъ,
Отпущу тебя я истинно,
Только дай зарокъ —
Поклянись мнѣ жизнью пе́рвенца
Предъ Владычицой Пречистою,
Что вернешься въ срокъ.

Поклянись, что завтра къ по̀лудню
Ты предъ наши очи ясныя

Самъ собой придешь,
И головушку повинную
На расправу государеву
Волей принесешь.

Поклянись, что коль промѣшкаешь,
Соблазнясь свиданьемъ радостнымъ,
Хотя часъ одинъ,
То да будетъ проклятъ Господомъ
На землѣ и въ жизни будущей
Твой малютка сынъ.»

Призадумался разбойничекъ.
Видитъ: князь шутить не думаетъ,
Дѣло говоритъ,
И довѣрчиво, не съ хитростью,
Не съ потѣхой окаянною
На него глядитъ.

Постоялъ, подумалъ малостью,
Очи ясныя съ молитвою
Къ Господу вознесъ —
И предъ образомъ Владычицы,
Три разá склонившись дò-земли,
Клятву произнесъ.

— «Ну, теперь не мѣшкай, мòлодецъ,
До полудня дамъ я волюшку —

Больше не проси;
Да возьми вотъ эту гривенку,
На зубокъ отъ нашей милости
Сыну отнеси.»

2.

Вечерѣло. Возвратилася
Съ поля, сжатаго до колоса,
Ванина жена;
Покормила сына милаго.
Что съ собою съ поля дальняго
Принесла она.

Поласкала сиротиночку
У груди своей изсякнувшей
Молодая мать,
Уложила спать родимаго,
Стала люльку незатѣйную
Съ пѣсенкой качать.

Хоть проста была та пѣсенка,
За то многое напомнила
Матери она;
Ка̀къ бываетъ тяжко на сердцѣ,

Коль работаешь безъ устали
Каждый день одна.

Вѣдь безъ мужа-то, хозяина,
Нѣтъ ни въ полѣ ей, ни въ горницѣ
Отдыха рукамъ;
И туманилась головушка,
И лилися слезы горькія
По ея щекамъ.

Вспоминалися дни веселые.
Какъ она съ Ванюшей милымъ
Видѣлась тайкомъ;
Какъ они, бывало, крадучись,
Уходили въ поле дальнее
Поздно вечеркомъ.

Какъ потомъ честною свадебкой
Въ Божьемъ храмѣ повѣнчалися—
Все покрылъ вѣнецъ,
И попрекамъ да судачеству.
Да усмѣшкамъ ядовитымъ
Наступилъ конецъ.

Но не долго миловалися.
Своей участью довольные,
Бѣдные они:
Пожѣтило ихъ несчастіе.

Наступило время горькое
И лихіе дни.

Былъ у нихъ надъ ямомъ староста,
Ей по мужу дальній родственникъ,
По годамъ — старикъ;
Но отъ слабости грѣховныя,
Отъ охоты къ полу женскому,
Видно не отвыкъ.

Приглянулася, проклятому,
Красота ея замѣтная,
Сталъ онъ къ ней ходить;
Сталъ, какъ котъ, порою ластиться
И съ молодкой рѣчь зазорную
Началъ заводить.

Тяжело ей было, мучали
Ее явныя, безстыжія
Рѣчи старика;
Но боялася ихъ сказывать,
Знала вѣдь, ка́къ съ нимъ расправится
Ванина рука.

Разъ пришелъ онъ поздно вечеромъ —
Зналъ, что мужъ вернется къ солнышку —
Сталъ къ ней приставать,
И, схвативъ руками гадкими,

Повалилъ ее онъ на̀ землю,
Началъ цѣловать.

Испугалась она до̀ смерти,
Закричала, что есть моченьки,
Дрожь ее взяла,
И толкая силой женскою
Образину непотребную,
Милаго звала.

Душитъ старый, мнетъ неистово,
Чуетъ. что ей съ нимъ не справиться...
Вдругъ слетѣла дверь,
И ворвался мужъ, какъ бѣшеный,
И на стараго развратника
Бросился, какъ звѣрь.

Ухватилъ топоръ дорогою,
Размахнулъ рукой могучею
Гнѣвъ прибавилъ силъ,
И лихому грѣховоднику,
Какъ медвѣдю разъяренному,
Черепъ раскроилъ.

Собрался народъ тѣмъ временемъ,
Ухватили мужа подъ руки,
Повели въ тюрьму —
Да вернулись съ вѣстью радостной:

Говорятъ — ушелъ дорогою,
Видно, парни-то знакомые
Помогли ему.

Съ той поры пропалъ Ивановичъ,
И куда ушелъ — невѣдомо,
Видно, въ темный лѣсъ,
На житье къ народу вольному;
Говорятъ, что сталъ разбойничать —
Знать, попуталъ бѣсъ.

Скучно уточкѣ безъ селезня,
Горько жить безъ мужа милаго
Молодой женѣ;
Нѣтъ утѣхи ей безъ мо́лодца,
Нѣтъ ей отдыха желаннаго
Даже и во снѣ.

Не сладка́ для бѣдной думушка,
Одолѣла неотвязная
Голову совсѣмъ;
Видно — радость гостья рѣдкая,
Видно — счастье-то семейное
Не дается всѣмъ.

Пригорюнилась родимая,
Опустила руки бѣлыя
И сидитъ одна;
И лишь мѣсяцъ съ неба яснаго

На ея кручину горькую
Смотритъ изъ окна.

Тихо стало въ бѣдной горенкѣ...
Вдругъ рукою молодецкою
Кто-то стукнулъ въ двёрь.
—Кто тамъ?—Я!—Ванюша?!—Милая,
Отворяй скорѣй!

3.

Успокоились... Натѣшился
Нашъ Иванъ съ подругой радостной —
Что за благодать!
И поужинавши хлѣбушкомъ,
Помолился вмѣстѣ Господу
И залегъ съ ней спать.

И заснула, улыбаючись,
Его руку прижимаючи,
Крѣпкимъ сномъ жена;
Знать, отъ радости негаданной,
Да отъ ласокъ мужа милаго,
Такъ спала она.

Въ молодые годы женскіе,
Возлѣ мужа непостылаго

Сладко такъ уснуть;
Разгорѣлись щеки алыя,
Разметались руки бѣлыя,
И вздымалась грудь.

А Иванъ не спалъ, все тѣшился,
Все жену свою любимую
Миловалъ, шутя...
Наконецъ, забылся малостью;
Вдругъ изъ люльки слабымъ голосомъ
Крикнуло дитя.

Приподнявшись съ осторожностью,
Чтобы, крѣпко такъ уснувшую,
Не будить жену,
Слѣзъ онъ съ печки, шагомъ медленнымъ.
Да потягиваясь сладостно,
Подошелъ къ окну.

Посмотрѣлъ — высоко нà небѣ
Надъ деревнею уснувшею
Выплыла луна,
И напомнила разбойнику,
Страшной клятвой лишь отсроченный,
Смертный часъ она.

Подошелъ онъ къ сыну-пéрвенцу,
На его головку милую

Долго такъ глядѣлъ.
И боярскую, дареную,
Онъ на шею, ненаглядному,
Гривенку надѣлъ.

Пробудился тутъ ребеночекъ,
Потянулся вдругъ рученками
И открылъ глаза...
И на лобъ его скатилася
Изъ очей отца-разбойника
Горькая слеза.

Наклоняся надъ малюткою
Онъ припалъ къ нему съ молитвою
И перекрестилъ —
И въ тотъ мигъ за чувство отчее
Самъ Господь ему по благости
Многое простилъ.

О, какую безъисходную
Онъ тогда почуялъ на̀ сердцѣ
Страшную тоску...
И надломленнный, надорванный.
Онъ тихонько вышелъ изъ дому
И пошелъ въ Москву.

4.

Разсвѣтало. Надъ равниною,
Изъ земли, росою вспоенной,
Поднялся туманъ,
И покрытый имъ, какъ дымкою,
По пути въ Москву обратному
Двигался Иванъ.

Обездоленный кручиною,
Шелъ онъ медленно, понурившись
Буйной головой;
Тихо было все въ окрестности...
Вдругъ — далеко грянулъ колоколъ,
А за нимъ другой.

Перервалъ онъ думу тяжкую
И напомнилъ горемычному,
Чтó его тамъ ждетъ;
Что сегодня, доброй волею,
Отъ семьи своей возлюбленной
Онъ на смерть идетъ.

Снялъ онъ шапку, тихимъ голосомъ
Сотворилъ молитву краткую,
Прослезился вдругъ,
И поднявъ невольно голову,

Подъ лучами солнца краснаго
Онъ взглянулъ вокругъ.

На поляхъ ужъ колыхалися,
Наливаясь спѣлымъ колосомъ,
Рожь и яровой,
А съ луговъ по вѣтру вѣяло,
Наканунѣ только скошенной,
Свѣжею травой.

Старый боръ, шумя вершинами,
Въ свое царство необъятное
Такъ къ себѣ манилъ.
И завѣтную, бывалую,
Незнакомую съ кручинами,
Волюшку сулилъ.

Хоть Иванъ и былъ разбойникомъ,
Но семью свою родимую
Не отвыкъ любить;
И за жизнь многогрѣховную
Не хотѣлъ онъ страшной клятвою
Сына погубить.

Оглянулся онъ на родину,
Гдѣ оставилъ все, что̀ дорого,
Кудрями встряхнулъ,
Грудью полной, молодецкою

Деревенскимъ чистымъ воздухомъ
Глубокò вздохнулъ,

И хоть вѣдалъ, что тамъ, въ городѣ
Для него разстаться съ жизнію
Время настаетъ;
Но спасая душу первенца,
Опустивъ на грудь головушку,
Онъ пошелъ впередъ.

5.

Ужъ окончилась заутреня;
Старый князь на службу царскую
Во-время пришелъ,
И ужъ всѣхъ своихъ помощниковъ,
Палачей жестокосердыихъ,
На мѣстахъ нашелъ.

Сталъ творить расправу лютую
И допытываться истины
Отъ лихихъ людей;
Вѣдь предъ нимъ, въ застѣнкѣ пыточномъ,

Каждый день въ грѣхахъ винилися
Воръ или злодѣй.

Время шло—и стала думушка
Его голову боярскую
Сильно донимать,
Хоть старался всѣми силами
Онъ ту думу неотвязную
Отъ себя прогнать.

«Быть не можетъ—князю думалось—
Чтобы онъ, на срокъ отпущенный,
Нынче не пришелъ,
Чтобъ съ соблазномъ не управился
И, нарушивъ слово вольное,
Отъ меня ушелъ.

Знаю я натуру русскую,
Не подъячую, а вольную,
Такова она—
Что на слово ея честное
Можетъ слѣпо ей довѣриться
Даже сатана.

Коли далъ онъ клятву страшную,
Коль на дѣтище родимое
Положилъ зарокъ,
Не обманетъ—не осмѣлится,

Если только живъ. навѣрное
Возвратится въ срокъ.

Отошли обѣдни позднія,
Время старому боярину
На обѣдъ идти;
Наступаетъ полдень на небѣ.
Наступило и разбойничку
Времячко придти.

Горько стало князю старому,
И тоскливо закручинилось
Сердце у него,
И глядѣлъ онъ безъ участія,
Какъ передъ нимъ пытали медленно
Парня одного.

— «Обманулся! Взялъ охотою
На свою сѣдую голову
Эдакій позоръ,
Что, разжалобивши сказкою,
Одурачилъ Ромодановскаго
Здѣсь, въ застѣнкѣ, воръ.»

Парень смолкъ... Вдругъ громкимъ голосомъ
Со двора въ окно открытое
Крикнули: —пришелъ!
Отворилась дверь дубовая,

И разбойникъ мѣрной поступью
Къ князю подошелъ;

Шапку снялъ, поправилъ волосы
И, поклонъ ему отвѣсивши,
Твердо произнесъ:
—«Князь, спасибо тебѣ русское
Отъ жены и сына-первенца
Я съ собой принесъ.»

И взглянувъ на всѣхъ привѣтливо,
Старый князь довольнымъ голосомъ
Ваньку похвалилъ—
И за то его головушку,
Не томивъ напрасно пытками,
Разомъ отрубилъ.

Царевна Софья.

(въ иночествѣ Сусанна).

Ночь. Келья Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ.

Какіе дни ужасные настали,
Какъ долго-долго тянутся они,
И нѣтъ конца имъ! Тишина вокругъ,
Въ обычный часъ лишь звономъ колокольнымъ
Тоскливо нарушаемая. Словно тѣни,
Скользятъ монахини изъ келій въ храмъ
И снова въ кельи. Я же не могу
Искать въ молитвѣ только утѣшенья.
Я жить хочу! Я царствовать могла бы
Надъ нашимъ, собраннымъ вѣками, царствомъ
И раздѣлять заботы власти съ нимъ,
Съ моимъ Васильемъ ненаглядпымъ *). Да,
Я жить хочу! Зачѣмъ меня здѣсь, въ кельѣ,
Въ темницѣ душной держатъ взаперти.
Я не могу здѣсь жить! Мнѣ душно, тяжко!
Меня томитъ безвременный покой
И тишина, подобная могилѣ.

*) Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Я предпочла бы смерть. Одна надежда
Безумная, ничтожная, пустая,
Но все-таки возможная, въ меня
Вселяетъ бодрость и даетъ мнѣ силы
Терпѣть и ждать, а не кончать скорѣй
Съ такой безплодной монастырской жизнью.
Вѣдь жизнь царя, какъ жизнь созданья праха
Отъ воли Господа вполнѣ зависитъ...

. . . .

Онъ побѣдилъ! Какъ стадо безсловесныхъ,
Предъ нимъ народъ склонился, а стрѣльцы,
Что вздумали противиться, посмѣли
Его права оспаривать, за то
И жизнью поплатились. Въ страшныхъ мукахъ
Истерзанные пыткою, сложили
Они головушки свои и кровью
Смочили землю. Или вонъ какъ тѣ, (указываетъ на окно)
Висятъ высоко надъ землей и птицы
Клюютъ ихъ очи, да холодный вѣтеръ
Имъ сушитъ мозгъ и медленно, какъ червь,
Ихъ тѣло обращаетъ въ прахъ ничтожный,
Которымъ все кончается. *) Ты думалъ

*) По окончаніи розыскнаго дѣла о последнемъ стрѣлецкомъ бунтѣ, въ числѣ множества казненныхъ, 230 стрѣльцовъ было повѣшено на Дѣвичьемъ полѣ передъ Новодѣвичьемъ монастыремъ, а три стрѣльца были, по приказанію Петра, повѣшены передъ самымъ окномъ кельи Софьи, причемъ въ руки ихъ были вложены челобитныя, которыя они намѣревалися подать Софьѣ. Тѣла этихъ стрѣльцовъ были сняты съ висѣлицы только черезъ пять мѣсяцевъ (Ист. Рос. Соловьева Т. 14).

Ихъ видомъ страшнымъ запугать меня
И тѣмъ, какъ вновь придуманною пыткой,
Въ конецъ измучить, и скорѣй свести
Меня въ могилу, чтобъ затѣмъ ужъ могъ
Ты успокоиться. Ты не посмѣлъ
Меня казнить, какъ русскую царевну,
Но выдумалъ иное. Ты хотѣлъ
Меня замучить страхомъ тѣхъ видѣній,
Который, мнилъ ты, вызвать и развить
Въ моей душѣ, какъ плодъ воображенья,
Ночей безсонныхъ, праздности, тоски,
Безсильной ярости, да вѣчнаго качанья
На висѣлицахъ вѣрныхъ слугъ моихъ.
Ты челобитныя вложилъ имъ въ руки
И протянулъ ихъ къ моему окну...
Напрасенъ трудъ! Меня не истомишь
Подобной шуткой дьявольской; довольно
Я видѣла ихъ на своемъ вѣку.
Когда еще ты былъ ребенкомъ малымъ,
А я дѣвицей юной, ужъ тогда
Лилася кровь предъ нашими глазами
И казнь за казнью слѣдовала. Мы,
Мы дѣти одного отца — и ровно
Господь насъ силой воли одѣлилъ. (смотритъ въ окно).
Мнѣ жалко ихъ. Но, сознаюсь, порой,
Въ ночную тишь, при обликѣ луны
Они меня пугаютъ. Ихъ тѣла
Со скрипомъ висѣлицъ качаясь мѣрно,
Движенья рукъ, бумаги шелестъ, все—

Наводитъ ужасъ! Отвернешь лицо.
Засядешь въ уголъ дальній и закроешь
Платкомъ глаза, но чей-то голосъ тайный
Все шепчетъ неустанно: «оглянись...
Смотри... взгляни..» и взглянешь—и невольно
Отъ ужаса похолодѣетъ кровь,
Застынетъ въ жилахъ, но затѣмъ мгновенно
Ударитъ въ сердце; хочется бѣжать,
Но головы не слушаются ноги,
И дыбомъ волосъ встанетъ, и на лбу
Холодный потъ вдругъ выступитъ. Ужасно!... (задумывается).
За отрѣченіе отъ замысловъ моихъ,
Мнѣ говоритъ тюремщица моя.
Я получу прощенье и свободу.
Свободное житье! Да развѣ можно,
Да развѣ мыслимо когда-нибудь оно
Подъ черною повязкою отшельницъ,
Отъ міра отказавшихся на вѣкъ?
Нѣтъ, мнѣ не нужно этакой свободы!
Я иначе привыкла жить, и то,
Что мнѣ сулятъ, меня не успокоитъ.
Мнѣ монастырь останется тюрьмой
Такъ пусть же будетъ для меня могилой,
Чѣмъ теремнымъ, затворничьимъ дворцомъ.
Промаюсь съ годъ иль, можетъ быть, и больше,
Но все-таки не долго; а затѣмъ
И въ царство вѣчное, гдѣ всѣ равны предъ Богомъ,
Гдѣ нѣтъ ни власти царской, ни борьбы,

Гдѣ всѣмъ отвѣтъ отдать въ дѣлахъ придется. (садится на кровать).
Недужится мнѣ что-то... Не могу
Привыкнуть къ одиночеству, да къ этимъ
Безмолвнымъ собесѣдникамъ моимъ,
Которыхъ видъ въ меня вселяетъ ужасъ.
Вы измѣнили мнѣ; вы не рѣшились
Меня во-время дружно поддержать
Въ борьбѣ съ Петромъ. Не догадались видно,
Что вмѣстѣ съ страшной гибелью моей
И вашъ конецъ наступитъ неизбѣжно.
Вы спохватились поздно и напрасно!
Вамъ стало жаль покинутыхъ домовъ;
Вы вспомнили былое, порѣшили
Въ Москву за мной вернуться — и вернулись
Лишь для того, чтобы задать работу
На цѣлый годъ московскимъ палачамъ.
Васъ раздавили разомъ — и въ грядущемъ
Ужъ никогда Москвы колокола
Не призовутъ стрѣлецкіе полки
На избавленье ихъ царевны Софьи.
Все и для васъ окончено. На вѣкъ
Замолкли ваши вѣщія уста,
Которыхъ рѣчь, какъ молотъ, отдавалась
Въ испуганныхъ, трепещущихъ сердцахъ
Сторонниковъ Нарышкинской породы. (ложится).
Опять пойдетъ тянуться безконечно
Безмолвная, убійственная ночь,
И станутъ думы думами смѣняться,

И прежнее, былое, возрождаться
Въ моей душѣ свободной... теремъ... тронъ...
Волненія народныя... походы...
Пріемъ пословъ... и сыпанье наградъ...

(Раздается бой часовъ. Софья поспѣшно приподнимается).

Что это?! Звуки прежнія?! Набатъ? (прислушивается).
Нѣтъ, мѣрный бой часовъ... О, Боже, Боже!
Какія грезы, нѣтъ душѣ покоя...
Пошли мнѣ сонъ, будь милостивъ Господь *). (ложится).

(Продолжается мѣрный бой часовъ. Слышенъ скрипъ висѣлицъ).

---

*) Царевна Софья была заключена въ Новодѣвичій монастырь въ 1689 году, пострижена тамъ-же подъ именемъ Суссаны въ 1698 году и умерла въ 1704 году на 47 году жизни.

Бояринъ Кикинъ.

Порѣшили, присудили къ казни,
Утвердилъ царь Петръ приговоръ;
То извѣстье встрѣтилъ безъ боязни
Старый Кикинъ — бунтовщикъ, не воръ.

Было жаль послать его на плаху;
Вѣкъ нуждаясь въ умныхъ головахъ,
Русскій Царь рубилъ ихъ неохотно —
Умъ цѣнилъ онъ даже во врагахъ.

Много винъ прощалъ ему Великій,
Все надѣясь въ немъ найти слугу;
Говоря, что старую березу
Не согнешь, какъ надобно, въ дугу.

Наконецъ, за колебанье трона
Долженъ былъ онъ приказать отсѣчь
Для поддержки власти и закона,
Хоть и здравый умъ, но съ буйныхъ плечъ.

Но и тутъ, ужъ наканунѣ казни
Захотѣлъ услышать Царь отвѣтъ
На одинъ вопросъ неразрѣшенный —
Уважалъ онъ Кикина совѣтъ.

Привели. Вошелъ старикъ свободно
И поклономъ отдалъ честь Царю,
Хотя зналъ, что встрѣтитъ онъ заутра
Въ разъ послѣдній Божію зарю.

—«Слушай. Кикинъ! объясни по правдѣ,
Отчего, при всемъ твоемъ умѣ,
Не смотря на всѣ мои поблажки,
Лишь врага я пріобрѣлъ въ тебѣ?»

—«Отчего! Скажу, коль неизвѣстно,
Коли самъ не понялъ, хоть востеръ:
При тебѣ уму не въ мѣру тѣсно,
А ему необходимъ просторъ.»

Смерть Петра Великаго.

Настала и ему пора.
Въ глухую ночь, въ послѣдній разъ,
Въ торжественно грядущій часъ
Стеклись сподвижники Петра
Къ его одру. Ихъ грозный царь,
Великій русскій государь,
Лежалъ недвижимъ, лишь порой
Державной шевеля рукой.
Неясный взоръ его блуждалъ
По лицамъ ихъ — онъ умиралъ.
Давно запущенный недугъ
Путемъ невыносимыхъ мукъ
Его томилъ, его терзалъ,
Но памяти еще не взялъ,
И рой предсмертныхъ, тяжкихъ думъ
Давилъ Петра великій умъ.

Онъ сознавалъ, что наступалъ
Ему конецъ. Какъ человѣкъ,

Онъ отживалъ свой краткій вѣкъ
И долженъ былъ, хоть исполинъ,
Хотя титанъ, но праха сынъ,
Съ печатью смерти на челѣ
Вернуться къ матери-землѣ.
Но онъ былъ царь. Смявъ старину,
Онъ оставлялъ свою страну
Въ тяжелый часъ, когда она
Отъ одуряющаго сна
Была имъ пòднята — и съ нимъ
Вдругъ ринулась путемъ инымъ
Къ развитью мощныхъ, грозныхъ силъ.
Хотя онъ круто измѣнилъ
Дряхлѣвшій строй и произвелъ
Разладъ въ странѣ, но твердо велъ
Ее впередъ. Онъ правилъ ей
И не щадилъ головъ людей,
Ему перечившихъ; какъ звѣрь
Онъ рвалъ на части ихъ. Теперь
Насталъ ему чередъ. Кому-жъ,
Обманутый отецъ и мужъ,
Онъ передастъ свой тяжкій трудъ?
Кого въ Россіи назовутъ
Его наслѣдникомъ? Кому,
По силѣ воли и уму
Оставить царство?
Въ этотъ мигъ
Возсталъ предъ нимъ тотъ смертный ликъ,
Кого онъ самъ считать привыкъ

Врагомъ всего, что онъ сверхъ силъ
Для пользы царства совершилъ.
И вспомнилъ Петръ тотъ страшный часъ,
Когда, одинъ, въ послѣдній разъ,
Въ глухомъ застѣнкѣ крѣпостномъ
Стоялъ предъ мертвымъ онъ лицомъ
Того, кому онъ былъ отцомъ;
Когда полузастывшій взоръ
Ему послалъ нѣмой укоръ
За заточенье, за обманъ,
За кровь, зіявшую отъ ранъ,
И за страдальческую смерть.
— «Я долженъ былъ его стереть
Съ лица земли; не даромъ онъ
Упорно ждалъ, взойдя на тронъ,
Вернуться къ прежней старинѣ,
Предавъ проклятью все, что мнѣ
Пришлось сломать. Нѣтъ, не слуга
Онъ былъ Россіи!..»
Но предъ нимъ,
Какъ предъ мучителемъ своимъ,
Прошла вся жизнь его врага.
Дитя отвергнутой жены,
Онъ росъ въ преданьяхъ старины,
Среди прадѣдовскихъ утѣхъ,
Служа надеждою для всѣхъ,
Кто не погибъ еще въ борьбѣ
Съ твоею властью. Онъ тебѣ
Всегда былъ чуждъ; ты ничего

Для воспитанія его
Не сдѣлалъ самъ, хотя и зналъ
Что въ немъ Господь ниспосылалъ
Тебѣ наслѣдника. Зачѣмъ,
Не воспрепятствовавъ ничѣмъ,
Ты далъ вполнѣ окрѣпнуть въ немъ
Понятьямъ прежнимъ и потомъ
Его казнилъ, за то, что въ немъ
Былъ тотъ же непокорный нравъ,
Какъ и въ тебѣ?.. — «Да, я не правъ—
Сознался Петръ: — но я не могъ
Его помиловать, пусть Богъ
Разсудитъ насъ...» Исчезнулъ ликъ,
Схватилъ недугъ—и страшный крикъ
Вдругъ огласилъ нѣмой покой,
И всѣ вздрогнули.
Мигъ... другой...
Ослабла боль, и царскій умъ
Напрягся вновь отъ тяжкихъ думъ.
—«Кого избрать? О, если-бъ я,
Не для себя, клянуся, нѣтъ!
Прожилъ еще хоть столько лѣтъ,
Чтобъ возрастить его дитя
И чтобы внуку передать
Все, что онъ долженъ будетъ знать,
Чтобы возсѣвъ на царскій тронъ,
Моимъ путемъ пошелъ бы онъ...
Я крѣпокъ былъ. Во мнѣ родникъ
Кипучихъ силъ былъ такъ великъ

И такъ могучъ, что жизни срокъ
Я отдалить надолго могъ,
Когда бы...» И предъ нимъ возникъ
Его конклавъ, его соборъ,
. . . .
. . . .
Которымъ былъ порою радъ
Онъ предаваться, чтобы въ нихъ,
Хоть презирая ихъ самихъ,
Потратить тотъ избытокъ силъ,
Которымъ онъ, здоровый, мнилъ
Конца не будетъ.
—«Кто-жъ? Жена?
Подругой вѣрною она
Была мнѣ долго; но не ей,
Рабѣ-избранницѣ моей,
Меня на царствѣ замѣнить!
Когда дерзнула измѣнить
Ты даже мнѣ...» И вспомнилъ онъ,
Какъ, до безумія взбѣшонъ
И скоръ въ рѣшеніи своемъ,
Повезъ ее въ саняхъ, вдвоемъ,
На мѣсто лобное, и тамъ,
Страшася волю дать словамъ,
Взглянувъ, какъ звѣрь, въ глаза жены,
При свѣтѣ трепетномъ луны,
Но сотворивъ невольно крестъ,
Ей молча указалъ на шестъ,
Гдѣ выдѣлялась на концѣ,

Съ улыбкой мертвыхъ на лицѣ,
И виновата, и права,
Отрубленная голова
Красавца Монса.—«О, когда
Не побоялась ты Петра!
То безъ меня, увѣренъ я,
Ты не управишься одна
Ни съ государствомъ, ни съ собой,
И не царицей, а рабой
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Нѣтъ, не тебѣ отдамъ!..»
                                        И взоръ
Его скользнулъ по лицамъ всѣхъ
Вокругъ стоявшихъ.—«Вотъ они,
Рабы-сподвижники мои!
Вы хороши въ моихъ рукахъ,
Пока царитъ надъ вами страхъ,
Да гнѣвъ Петра; а безъ меня
Не уживетесь вы и дня
Въ согласьи нужномъ и, какъ псы,
Какъ нищіе изъ-за кисы,
Перегрызетесь межъ собой
За то, кому владѣть рукой,

Держащей власть... Какъ грошъ попы,
Я бралъ васъ всюду: изъ толпы,
Изъ юношей, изъ стариковъ,
Изъ знати прежней, изъ враговъ,
Въ комъ подмѣчалъ лишь здравый умъ,
Слугу моихъ завѣтныхъ думъ.
Я васъ старался отличить;
Но все-таки васъ отъучить
Отъ старой язвы не съумѣлъ,
И если-бъ только захотѣлъ,
Для назиданія страны,
Я въ васъ карать воровъ казны,
То отыскалъ бы столько винъ,
Что не остался-бъ ни одинъ
Изъ васъ въ живыхъ. Вы всѣ рабы,
Хотя и баловни судьбы;
Для васъ была завидна власть
Лишь для того, чтобъ больше красть,
И даже страхъ передо мной
Васъ не удерживалъ порой
Отъ грабежа!..
Вотъ и они,
Пришельцы чуждой стороны.
Я въ нихъ цѣнилъ развитый вaглядъ
И знанья силу; я былъ радъ
Ввѣрять имъ часть моихъ заботъ,
Будить страну, учить народъ,
И хоть охотно принималъ,
Но никогда имъ не давалъ

Такого дѣла, гдѣ-бъ они
Могли рѣшать судьбу страны.
Полезны вы — но чужды ей,
Великой родинѣ моей!
И никогда вамъ не понять
Того, что мы привыкли звать
Любовью къ родинѣ. У насъ,
Какъ это вѣдали не разъ,
Вдругъ закипаетъ все въ груди,
Когда отечества враги
Дерзаютъ нагло посягать
На нашу дорогую мать,
На честь Россіи! О, въ тотъ мигъ
Меня послѣдній мой мужикъ
Пойметъ легко, и все проснется,
И вмѣстѣ сердце въ насъ забьется,
И дружно, разомъ отзовется
На громкій кличъ, не для наживъ,
А на священнѣйшій призывъ
Въ защиту родины!.. А вамъ,
Лишь выгодъ алчущимъ умамъ,
Насъ не понять; и горе ей,
Великой родинѣ моей,
Когда, какъ Божія напасть,
Съумѣетъ захватить въ ней власть
Пришлецъ изъ чуждой стороны,
Хотя бы дружеской страны.»
. . . .
— «Вонъ сколько ихъ!.. Кому-жъ отдать

Тебя Россія? Кто, какъ я,
Страна великая моя,
Тебя одну любить лишь станетъ
И не споткнется, не устанетъ
Тебя вести, какъ водитъ мать
Свое дитя? Кого избрать?
Ужъ смерть близкà. Пока назвать
Еще могу... ее... его...
Или изъ этихъ одного?..
Рѣшить не мнѣ... Пусть изберетъ
Себѣ владыку самъ народъ,
Какъ было встарь... но только онъ
Ужъ слишкомъ мною пріученъ
Къ безмолвью рабства...»
Въ этотъ мигъ
Часъ роковой его настигъ
И обратилъ въ неслышный бредъ
Его мышленья. Вздрòгнулъ онъ,
Дыханьемъ смерти опаленъ,
Вдругъ приподнялся, поманилъ
Къ себѣ кого-то... осѣнилъ
Въ послѣдній разъ родную Русь,
Шепнулъ:—«Впередъ!.. не спи!.. не трусь!..»
И опустивъ къ себѣ на грудь
Ту руку, чтò привыкла гнуть
Враговъ земли... вздрогнýлъ... вздохнулъ...
И очи грозныя сомкнулъ.

Княжья могила.

Не горюй! ободрись! на судьбу не гнѣвись!
Слушай лучше ты стараго дѣда,
Да прилежнѣй внимай и на усъ намотай—
Не вредна съ стариками бесѣда.

Ты завидуешь счастью людскому,
Ты завидуешь тѣмъ, кто богатъ;
Но повѣрь — наша скромная доля
Позавиднѣй роскошныхъ палатъ.

Разскажу я тебѣ то, что слышалъ
Я отъ дѣда о князѣ одномъ;
А и дѣда могилы не сыщешь
Ты на нашемъ кладбищѣ родномъ.

— Ужъ прошло много лѣтъ, такъ разсказывалъ дѣдъ,
Какъ случилося странное дѣло:
Привезли къ намъ въ Услонъ, для простыхъ похоронъ,
Чье-то женское мертвое тѣло.

Три подводы биткомъ, и солдаты кругомъ,
На четвертой, покрыто тулупомъ,
Это мертвое тѣло лежало пластомъ...
Вился коршунъ высоко надъ трупомъ.

Разбудили попа, привели столяра,
Тотчасъ гробъ сколотить приказали
И во храмъ отнесли, но затѣмъ никого
Изъ народа туда не пускали.

Только слѣдомъ одинъ привезенный вошелъ.
Былъ онъ худъ отъ тяжелой невзгоды,
Хоть въ тулупѣ простомъ, но съ надменнымъ лицомъ,
И по виду боярской породы.

Слышно было, какъ въ церкви бояринъ читалъ
По усопшей псалтырь черезъ силу;
А начальникъ, согнавъ мужиковъ, приказалъ,
Чтобы рыли скорѣе могилу.

Снѣгъ глубокій сгребли, добралйсь до земли
И едва за рытье принялися,
Да взглянули—изъ церкви бояринъ идетъ,
Ну всѣ разомъ за шапки взялися.

Молча онъ подошелъ и боярской рукой
Взялъ лопату у старосты Силы,

И одинъ, въ полчаса, безъ подмоги людской,
Вырылъ самъ для усопшей могилу.

Разсвѣло — приказали попу отпѣвать,
Сталъ онъ спрашивать имя покойной,
Чтобы знать, какъ въ молитвахъ ее поминать,
Но отвѣтъ услыхалъ непристойный.

— «Не твое дѣло знать, какъ ее надо звать,
Безъ тебя про то вѣдомо Богу;
Поскорѣй отпѣвай, да какъ хошъ называй —
Ужъ пора собираться въ дорогу.»

Ну, отпѣлъ, понесли, на могилу снесли,
Опустили, и спорый въ работѣ
Князь могилу зарылъ, никого не пустилъ
Помогать ему въ этой работѣ.

Лишь сравнялъ, какъ тотчàсъ былъ ужъ отданъ приказъ
Чтобы всѣ по подводамъ садились;
Подошли и къ нему, и зовутъ — только онъ
Тàкъ взглянулъ, что они отступились.

Поглядѣлъ, постоялъ, на колѣни упалъ,
До земли надъ могилой склонился
И надъ прахомъ жены, съ обнаженной главой,
Долго плакалъ и долго молился.

— «Охъ, прости — говорилъ — я тебя погубилъ,
Я за гордость свою вѣдь наказанъ,
Ну а ты-то за что изстрадалася вся?..
Видно жребій намъ свыше указанъ.»

Всталъ, сурово глядитъ, а кругомъ все молчитъ,
Горсть земли захватилъ онъ съ могилы,
И въ платокъ завязалъ, и, крестяся, сказалъ:
— «Эта горсть мнѣ придастъ много силы.

Буду я вспоминать, буду молча страдать,
Буду ждать я свиданья съ тобою,
И настанетъ пора, и зароютъ меня
Подъ холодной Сибирской землею.»

И уѣхалъ... А мы получили наказъ,
Чтобы зорко стеречь ту могилу,
Никого чтобы къ ней не пускать, а не то,
Чтобы горя себѣ не добыли.

— «Кто же былъ этотъ князь?»—Погоди, не спѣши,
До конца дожидай — и узнаешь;
Коли будешь ты рѣчь безъ пути прерывать,
Такъ не скоро разумнѣе станешь.

Послѣ къ намъ пріѣзжалъ пономарь изъ Москвы,
Приходился попу онъ племянникъ,

Ну такъ онъ разсказалъ, потому что слыхалъ,
Кто былъ этотъ опальный изгнанникъ.

Родомъ онъ изъ Москвы, съ раннихъ лѣтъ сирота,
Былъ, какъ мы, изъ простого народа,
Пироги продавалъ, послѣ въ милость попалъ.
Сталъ большой на Руси воевода.

Сталъ онъ первый бояринъ и такъ ужъ богатъ,
Что не зналъ даже деньгамъ и счету;
Говорятъ, при строеніи княжьихъ палатъ
Крыли золотомъ все безъ расчету.

Былъ въ почетѣ большомъ, царствомъ всѣмъ заправлялъ,
Все имѣлъ, что имѣть лишь возможно,
Только Бога забылъ — и его обуялъ
Духъ гордыни, суѐтности ложной.

Захотѣлось ему, какъ въ былую пору,
Съ царскимъ родомъ чрезъ дочь породниться;
Только дѣло повелъ не добромъ и Царя
Захотѣлъ, вишь, принудить жениться.

Ну, вѣстимо, что Царь осерчалъ и велѣлъ,
Чтобъ у князя, для пущей охраны,
Все добро отобрать, самого же сослать
И съ семьею въ далекія страны.

Какъ везли, такъ женѣ, послѣ прежнихъ затѣй,
Тяжела показалась дорога;
Захворала, да съ горя ослѣпла отъ слезъ
И преставилась въ Царствіе Бога.

Изъ чухонской земли многихъ такъ провезли,
Многихъ послѣ назадъ воротили,
Ну а князь не прощенъ былъ Царицей — и онъ
Умеръ гдѣ-то далеко въ Сибири. *)

—⊱✻⊰—

*) Могилу княгини Меньшиковой показываютъ въ селѣ Верхній Услонъ, Казанской губерніи, на священническомъ погостѣ. Старожилы, разсказывая объ этомъ преданіи, говорятъ, что надъ могилой была построена церковь, но она сгорѣла. Надгробный камень почти разрушился и изъ бывшей надписи едва можно разобрать слова: «здѣсь погребено тѣло рабы Божіи Д».

Двѣ жертвы.

Въ Москвѣ, въ княженье третьяго Ивана,
Въ воскресный день, въ морозную зиму,
Толпы людей волною заливали
Обширный Кремль. Тамъ совершалось чинно
Въ Успенскомъ храмѣ новое, дотолѣ
Невиданное торжество въ Москвѣ.
Великій князь, разгнѣвавшись на сына
И на жену-гречанку, объявилъ
Наслѣдникомъ своимъ родного внука,
Димитрія, и самъ въ Успенскомъ храмѣ
Его вѣнчалъ на царство, возложивъ
На голову его корону-шапку,
А на рамена—бармы Мономаха.
И отрока наслѣдникомъ престола
Всѣ величали, и на эктеньяхъ
Съ тѣхъ поръ повсюду такъ же поминали
Во храмахъ іереи; но судьба
Готовила ему иную долю,
Иной удѣлъ. Едва прошла зима,
Опальная, но хитрая гречанка

Съумѣла снова овладѣть искусно
Довѣрьемъ мужа. И капризный деспотъ,
Послушный въ жизни только произволу
Своихъ страстей, вдругъ наложилъ опалу
На вѣнчаннаго внука и велѣлъ
Его держать въ суровомъ заточеньи,
Въ неволѣ тяжкой. Мать его, Елену,
Не пощадили также; заточили
Ее отдѣльно въ смрадную тюрьму,
Не допуская до свиданья съ сыномъ.
Два года мучилась молдавская княжна,
Привыкшая къ иному обращенью
На дальней родинѣ. Какъ ледъ весной,
Какъ свѣчка, таяла она въ неволѣ,
Въ разлукѣ тяжкой съ сыномъ. Подъ конецъ
Она, несчастная, ужъ не просила
Себѣ свободы; нѣтъ, лишь одного
Она желала страстно — лишь увидѣть
Страдальца-сына и не разставаться
Съ нимъ до кончины скорой, чтобъ въ часы
Предсмертнаго страданья не остаться
Совсѣмъ одной, и даже не одной,
А окруженной чуждыми и злыми
Прислужницами, но въ объятьяхъ сына,
Въ прощаніи послѣднемъ съ тѣмъ, кто такъ же
Какъ и она, въ неволѣ изнываетъ,
Разстаться съ жизнью. Донесли Ивану
О просьбѣ умирающей, но онъ,
Но этотъ деспотъ безсердечный, молча

Ту просьбу выслушалъ и не сказалъ
Въ отвѣтъ ни слова, и не смѣли больше
Предъ нимъ ту просьбу повторить. Скончалась
Въ тяжелыхъ мукахъ бѣдная княгиня,
И вздохъ ея послѣднiй услыхалъ
Не сынъ ея, страдалецъ неповинный,
А лишь суровый духовникъ-монахъ,
Привыкшiй равнодушно принимать
И муки горя, и слова признанья
Въ своихъ грѣхахъ, и вздохъ послѣднiй. тяжкiй
Несчастныхъ узниковъ. И схоронили
Опальную княгиню; но и къ мертвой
Не допустили сына. Сообщилъ
Ему тихонько добрый человѣкъ
О смерти матери тогда, когда ужъ
Ее зарыли въ землю. Горько плакалъ
Несчастный отрокъ. Умерла, родная!
Одна... въ тюрьмѣ... и не пришлось ему
Сказать—прости. и передъ страшной смертью
Хоть разъ взглянуть, хоть разъ прижать къ себѣ
Страдалицу, и взглядъ ея послѣднiй
Въ своей душѣ, какъ нѣкую святыню,
Хранить до смерти.
Семь тяжелыхъ лѣтъ
Провелъ несчастный вѣнчанный князь-отрокъ
Въ своей тюрьмѣ и тщетно ждалъ свободы
Сперва отъ дѣда, а съ его кончиной
Отъ брата своего отца. Напрасно
Онъ умолялъ сказать имъ, что онъ проситъ

Лишь отпустить его на Божій свѣтъ,
Куда-нибудь въ далекую обитель
На подвиги смиренья и добра;
Что онъ готовъ торжественно отречься
Отъ всякихъ правъ за свѣтъ, за вольный воздухъ,
За право имъ дышать свободной грудью.
Его мольбамъ правдивымъ не внимали
Суровые властители Руси;
И только смерть дала ему свободу,
И только смерть лишь сжалилась надъ нимъ.
И схоронили узника въ соборѣ
Среди владыкъ усопшихъ всей Руси,
Гдѣ почивалъ его суровый дѣдъ,
Гдѣ легъ потомъ и тотъ, кто такъ жестоко
Держалъ страдальца до смерти въ тюрьмѣ.

—:—

Прошли вѣка. Московская держава
Преобразилася въ имперію. Москва
Ужъ перестала быть ея столицей.
На сѣверѣ, въ болотистой равнинѣ,
На берегу Невы воздвигся городъ,
И потянулъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ
Искателей измѣнчиваго счастья.
Перемѣнилось многое: обычай,
Одежда, нравъ, понятья, образъ жизни;
Но человѣкъ остался человѣкомъ,
И тѣ же страсти копошились въ немъ.
Пресѣклося Романовыхъ потомство
Въ мужскомъ колѣнѣ. Началась борьба

Двухъ женскихъ линій: дочерей Петра
И пятаго Ивана. Овладѣла
Престоломъ Анна; но была она
Бездѣтна—и наслѣдникомъ престола
Племянника избрàла своего
Малютку-принца брауншвейгскаго Ивана.
И цѣлый годъ считался государемъ,
По смерти тетки царственной своей,
Малютка принцъ. Правительницей царства,
За малолѣтствомъ сына, объявили
Принцессу-мать; но именемъ ея
Россіей нѣмцы управляли — Минихъ,
А послѣ хитроумный Остерманъ.
И легкомысліемъ принцессы ловко
Воспользовались хитрые умы.
По Миниха примѣру, сговорившя
Толпу солдатъ, не велику числомъ,
Но страшную отвагою измѣны,
При помощи ея низвергли принца
И возвели на тронъ Елисавету,
Родную дочь великаго Петра.
Правительнипу Анну, вмѣстѣ съ мужемъ
И съ маленькимъ развѣнчаннымъ Иваномъ
Отправили на родину; но втайнѣ
Иное состоялося рѣшенье
Въ суровомъ сердцѣ дочери Петра.
Внимая рѣчи хитраго сосѣда,
Владыки Пруссіи, она рѣшилась
Не выпускать изъ рукъ опасныхъ жертвъ.

Ихъ задержали въ Ригѣ, а оттуда
Отправили въ далекій Раненбургъ
И заключили въ крѣпость, что̀ построилъ
Въ былое время первый другъ Петра,
Ижорскій князь, Березовскій изгнанникъ,
Одна изъ жертвъ капризницы-судьбы.
Но торжествующей императрицѣ,
Вступившей на престолъ не по наслѣдству,
А съ помощью приверженцевъ-солдатъ,
Казался страшенъ царственный младенецъ.
И вотъ она, не будучи сама,
Не испытавъ великаго призванья
Быть матерью, послушная лишь страху
За власть свою, рѣшилась, наконецъ,
Нарушить слово данное и тайно
Дала приказъ, не только перевезть
Всѣхъ плѣнниковъ въ далекіе Соловки,
Но даже разлучить съ ребенкомъ мать,
И имъ впередъ не дозволять свиданья.
О, какъ страдала бѣдная принцесса!
Какъ мучилась, какъ заклинала всѣхъ
Оставить ей малютку... но напрасны
Ея мольбы и слезы были. Не сдались
Бездушные мучители; не тронулъ
Ихъ материнскій вопль. Изъ рукъ принцессы
Суровый исполнитель, капитанъ,
Малютку вырвалъ и, сдавивъ въ объятьяхъ,
Понесъ въ повозку. Бѣдный мальчикъ бился
Въ его рукахъ, и къ матери рученки

Протягивалъ, и съ плачемъ ей кричалъ:
— «О, мама! мама!..» Бросилась принцесса
За сыномъ вслѣдъ; но грубые солдаты
Загородили выходъ ей... Упала
Съ рыданіемъ безсилья на полъ мать
И въ изступленіи рвала̀ свою одежду,
И все кричала:—«о, отдайте сына!
Отдайте мнѣ Иванушку!..» но тщетно...
Ихъ разлучили навсегда!...
Съ той ночи,
Какъ повезли ихъ въ Холмогоры, мать
Уже ни разу въ жизни не видала
Малютку вѣнчаннаго. Быстро гасла
Въ суровомъ заточеніи принцесса
Отъ слезъ, отъ горя, отъ нѣмой тоски
Разлуки съ сыномъ. Часто представлялся
Онъ ей во снѣ — то въ царственномъ вѣнцѣ,
То въ сонмѣ ангеловъ, то блѣднымъ, хилымъ,
Въ сырой тюрьмѣ, въ лохмотьяхъ, одинокъ.
Ка̀къ онъ смотрѣлъ на мать, ка̀къ порывался
Ее обнять, прижаться крѣпко къ ней;
Ка̀къ плакалъ, бѣдный, горькими слезами,
Ка̀къ звалъ ее — и вскакивала мать,
И съ громкимъ воплемъ просыпалась... нѣтъ,
То были грезы!.. нѣтъ его! и больше
Ей не видать его... И слезы, слезы
Ее спасали; лишь онѣ однѣ,
Да смутная, ничтожная надежда
Ей сохраняли разумъ. Но слезами

Не поддержать здоровья, и принцесса
Къ могилѣ быстро близилась. Но даже
И въ эти дни предсмертнаго страданья
Ее рѣшилась укорять обманомъ
Елисавета... Разъ, въ глухую ночь,
Когда несчастная лежала въ забытьи,
Уже охваченная вѣяніемъ смерти,
Вдругъ привезли указъ изъ Петербурга.
Напрасно докторъ увѣрялъ гонца,
Что всякое тревожное извѣстье
Губительно для бѣдной; настоялъ
Суровый Гурьевъ, чтобъ его, не медля,
Къ принцессѣ допустили. Осторожно
Ее успѣлъ предупредить однако
О томъ указѣ сердобольный врачъ.
Съ привѣтливой и ласковой улыбкой
Принцесса встрѣтила гонца. «Быть можетъ —
Мелькнуло у нея въ умѣ: — свобода,
Свиданье съ сыномъ...» Молча, злой палачъ
Вручилъ указъ своей несчастной жертвѣ,
И даже голову помогъ поднять
Онъ истомленной матери, и свѣчку
Къ ея глазамъ поднесъ... Прочла принцесса
Указъ Елисаветы и съ ужаснымъ,
Съ горячешнымъ рыданіемъ поникла
Своей больной, усталой головой.
О, Боже! Боже! Даже въ эти дни,
Въ послѣдніе часы несчастной жизни
Ее допрашивали о какихъ-то

Алмазахъ жалкихъ и грозили гнѣвно,
За ложь или уклончивый отвѣтъ,
Ужасной пыткой той ея подругѣ,
Которую одну она любила,
Которая не разставалась съ ней
Въ ея ужасномъ, тяжкомъ заточеньи.
То былъ ударъ послѣдній. Быстро гасли
Надломленныя силы. Въ забытьи
Лежала бѣдная принцесса; лишь порою
Къ ней возращалося сознанье, и тогда
Она шептала — то слова молитвы,
То имена дѣтей, то вдругъ срывалось
Съ ея горячихъ, воспаленныхъ устъ:
— «Елисавета... пощади!.. о, сжалься!..
Не подходи!.. не трогай ихъ!..» И дрожь,
И ужасъ дикій съ головы до ногъ
Ее охватывали. Полный мѣсяцъ
Свѣтилъ въ окно, широкая равнина
Бѣлѣла снѣгомъ, а въ избѣ убогой
Металась на постели, угасая,
Несчастная принцесса. Ея мужъ,
Страданья спутникъ вѣрный, на кровати
У ногъ жены сидѣлъ, глотая слезы
И закрывая блѣдное лицо
Дрожащими и влажными руками.
Монахъ и докторъ, видя приближенье
Зловѣщей смерти, молча, въ изголовьѣ
Одра больной стояли... Вдругъ она
Приподнялась, съ открытыми глазами,

И протянула руки, и съ мольбой,
Съ такой мольбою страшной, что у всѣхъ
Захолонуло на душѣ, спросила:
— «Гдѣ мои дѣти?.. Гдѣ?.. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ,
Мой дорогой малютка?... О, отдайте!..
О, пощадите!.. О!..» и съ этимъ звукомъ
Она упала на подушки. Тихо
Ея рука скользнула по постели
И свѣсилась, другая замерла
Надъ самымъ сердцемъ, и закрылись очи,
И царственнымъ величіемъ могилы
Ея черты прониклися, и стыла
Она въ объятьяхъ смерти... А малютка,
Несчастный узникъ, сынъ ея желанный
Спокойно спалъ за каменной стѣной.
И умирая, бѣдная не знала,
Какъ былъ онъ близко въ день ея кончины.
И какъ безмѣрна злоба человѣка,
Лишившая страдальческую мать
Послѣдняго земного утѣшенья
Проститься съ сыномъ и, прижавши страстно
Къ своей груди изсохнувшей, въ залогъ
Своей любви, отдать ему на память
Послѣднюю, горячую слезу.

Двадцать два раза замерзали воды,
Двадцать два раза таяли снѣга,
Двадцать два года протекли обычно,
А бѣдный узникъ все сидѣлъ въ неволѣ,

Все изнывалъ въ губительной тюрьмѣ.
Онъ возмужалъ и выросъ; но лишенный
Любви и ласки матери, родныхъ,
И выросшій среди чужихъ людей,
Среди бездушныхъ, черствыхъ сторожей,
Всегда въ тюрьмѣ, въ неволѣ, одинокъ —
Онъ оставался, въ сущности, все тѣмъ же
Младенцемъ по понятьямъ и уму.
Его не смѣли обучать, боялись
Съ нимъ даже говорить. Всегда одинъ,
Всегда угрюмъ, онъ росъ, какъ дикій звѣрь,
Какъ молодой волченокъ въ узкой клѣткѣ.
И все-таки нашлися злые люди,
Которые успѣли разсказать
Несчастному страдальцу, что онъ былъ
Когда-то Императоромъ Россіи;
Что у него законныя права
На царскій тронъ. Къ чему? Съ какою цѣлью
Ему сказали это? Неужéли
Лишь для того, чтобъ только подразнить,
Чтобы смутить и безъ того ослабшій,
И безъ того его убогій умъ?
Такъ жилъ бѣднякъ; такъ жилъ онъ долго, долго,
То есть не жилъ, а изнывалъ, томился,
Скорбѣлъ, страдалъ, не вѣдая за что...
И, наконецъ, въ одинъ морозный день,
Когда Мирòвичъ вздумалъ попытаться
Освободить его, съ ничтожной горстью
Своихъ солдатъ, и выставить безумца

Противникомъ, кому-жъ? — Екатеринѣ!
Тогда рѣшилась, наконецъ, судьба
Страдальца неповиннаго: борьба...
Испугъ... ударъ!.. и чахнувшій во тьмѣ,
Онъ кончилъ жизнь, заколотый въ тюрьмѣ.

Москва.

На высокомъ холмѣ, во дремучемъ бору,
Надъ Москвою-рѣкой во былую пору

Жилъ отшельникъ святой; въ тихой кельѣ своей
Онъ молился за Русь, онъ печалился съ ней.

Въ тѣ поры ей съ востока грозила бѣда:
Надвигалась татаръ злочестивыхъ орда;

Все губила она и все жгла за собой,
И полономъ грозила всей Руси родной.

Горячо, со слезами, отшельникъ молилъ,
Чтобъ Господь благодати Своей не лишилъ,

Чтобы спасъ Онъ всю Русь отъ нашествія тѣхъ,
Кто дѣтей не щадилъ для кровавыхъ потѣхъ,

Кто болвановъ нѣмыхъ, какъ боговъ своихъ чтилъ,
Кто всю Русь въ царство вдовъ и сиротъ обратилъ.

На молитвѣ ночной старецъ долго стоялъ;
Вдругъ всю келью его яркій свѣтъ осіялъ,

И предсталъ передъ нимъ свѣтозарный посолъ,
Съ благодатью великой онъ къ старцу нисшелъ.

—«Миръ Господень—онъ рекъ—днесь да будетъ съ тобой,
Долетѣлъ до Творца стонъ молитвенный твой;

Не печалься, не плачь, не томися за Русь,
На дорогѣ ея я всегда нахожусь.

Ей великій удѣлъ на землѣ положенъ,
Ею подвигъ любви будетъ въ мірѣ свершенъ,

Но подъ гнетомъ веригъ суждено ей идти
По тернистому, полному скорби пути.

Моремъ крови и слезъ освятится она,
Вѣрой въ Бога, въ любовь безгранична полна.

Тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ твой убогій пріютъ,
Тамъ, когда твои грѣшныя кости сгніютъ,

Тамъ—смотри!...» И съ небесъ благодатный посолъ
Передъ ликомъ его своей дланью провелъ,

Очи духа открылъ и въ картинѣ одной
Весь удѣлъ показалъ ему Руси родной.

Умилился старикъ, возвелъ очи свои
И промолвилъ: «Господь, пути правы Твои!

Ты кого возлюбилъ — испытуешь и бьешь,
И ко благу тяжелой дорогой ведешь.

Очищай ее, Боже, въ горнилѣ борьбы,
Чтобъ достойно она, въ часъ грядущей судьбы,

Свой исполнила долгъ. Не печалюся я —
Да исполнится воля благая Твоя.»

О, сердце родины моей,
Какъ много въ старинѣ твоей
Святыхъ былинъ, тяжелыхъ сновъ,
Глубоко нравственныхъ основъ!

Годъ за годомъ, вѣкъ за вѣкомъ ты все ширилась, росла,
И въ себя всю Русь святую ты, какъ мать, восприняла̀.

Сколько горя, сколько муки люди русскіе несли,
Когда круто ихъ сжимали собиратели земли,

Сокрушали повсемѣстно ихъ свободное житье,
Строя медленно, но крѣпко царство русское свое,

Истребляя безпощадно волю вѣча и князей,
Подчиняя все единой волѣ царственной своей.

Гибли люди, гибли грады, гибли царства безъ конца,
Пока всѣ не подчинились волѣ строгаго отца.

И въ тебя переселяли покорившихся людей,
Силой страшной отрывали ихъ отъ родины своей.

Но прошли вѣка лихіе, Русь въ едино собралась,
Рознь былая, быстро тая, наконецъ перевелась,

И не даромъ твои дѣти, какъ свою родную мать,
Тебя сердцемъ всей Россіи нынѣ стали величать.

Ты видѣла много, ты много страдала,
И горе, и муки, ты все испытала.

Тебя выжигали татары до тла,
Когда ихъ несмѣтная сила текла,

Когда изнывала вся Русь подъ ярмомъ,
И только измѣна кишѣла кругомъ;

Терпѣньемъ и вѣрой спаслась ты тогда —
Предъ ними побѣдная пала орда.

Къ тебѣ прилетѣлъ въ предназначенный часъ,
Когда въ Византіи свѣтъ правды угасъ,

Двуглавый орелъ, символъ мощи твоей,
И стягъ твой хранитъ на груди онъ своей *).

На западъ кичливый, на спящій востокъ
Онъ силы твоей направляетъ потокъ

И ждетъ, чтобъ надъ міромъ земли воспарить,
Когда часъ пробьетъ твой удѣлъ совершить.

Въ тебѣ чудилъ Грозный; кичился и ляхъ,
Гуляя въ священныхъ кремлевскихъ стѣнахъ.

Къ тебѣ устремилась изъ Нижняго рать,
Чтобъ снова въ тебѣ во-едино собрать

Разбитаго царства заблудшихъ сыновъ,
Преступно своихъ расточающихъ кровь.

Въ тебѣ народился и тотъ, кто тебя
На хляби болота смѣнилъ, разлюбя.

Съ тѣхъ поръ ты замолкла на долгіе годы;
Съ тѣхъ поръ лишь царей да царицъ воеводы

---

*) Двуглавый орелъ, гербъ восточной Римской имперіи, былъ сдѣланъ русскимъ гербомъ царемъ Иваномъ Ш Васильевичемъ, послѣ брака его съ Софіей, племянницей послѣдняго Византійскаго императора Константина Палеолога; на груди орла помѣщается прежній гербъ великаго княжества Московскаго.

Тобой управляли, но сами они
Какъ рѣдкіе гости являлись твои;

Являлись, когда приближалися къ трону,
Когда на себя возлагали корону.

Отнять это право твое не могли
Властители новые русской земли.

Спокойно встрѣчая властей перемѣны,
Народъ не простилъ бы подобной измѣны,

Зане лишь въ Кремлѣ утверждать онъ привыкъ
Священнымъ обрядомъ державство владыкъ.

Изъ нихъ одного ты въ Кремлѣ схоронила:
Державный потомокъ царя Михаила

Прибылъ, чтобъ вѣнчаться на царство — и легъ
Подъ сводомъ священнымъ у̍ царственныхъ ногъ

Смиренно преставшихся предковъ державныхъ,
И мудрыхъ, и кроткихъ, и грозныхъ, и славныхъ,

Сложившихъ свои утомленныя силы
Подъ камень плиты и подъ своды могилы *).

---

*) Императоръ Петръ II умеръ въ Москвѣ въ 1730 году и похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Но грянулъ громъ! Смѣльчакъ вѣнчанный,
Игравшій царствами какъ въ мячъ,
Французовъ кесарь первозванный,
Еще не знавшій неудачъ,
Задумалъ съ Русью побороться,
Задумалъ Русь онъ покорить;
Не зналъ, какой цѣной придется
Ему ту смѣлость искупить.
Собравъ солдатъ разноплеменныхъ,
Его отвагой покоренныхъ,
Онъ съ ними ринулся на насъ
Въ свой роковой и грозный часъ *).
Онъ на тебя свой путь направилъ;
Привыкъ въ столицы онъ вступать;
Вѣдь сколько царствъ ужъ онъ заставилъ
Его условія принять.
Но не забылъ свою обитель
Небесный ангелъ нашъ хранитель:
Путемъ завѣдомымъ повелъ
Онъ Русь къ спасенью. Врагъ пришелъ.
Въ самоувѣренности властной,
Считая Русь себѣ подвластной,
Онъ въ Кремль священный твой вошелъ,
Вошелъ — и стихъ... Въ твоей святынѣ
Рушитель Божьей благостыни
Впервые дрогнулъ за свой тронъ,
Почуя нравственный уронъ.

*) Наполеонъ I.

Его дружина боевая,
Отъ безначалія растая,
Въ орду безпутныхъ обратилась
И вспять во страхѣ устремилась,
Когда рой смѣлыхъ удальцовъ
Тебя сжигалъ со всѣхъ концовъ.
Ты опустѣла — и въ огнѣ
Напомнила о старинѣ.

Все воспрянуло вновь, загорѣлась любовь
Въ сердцѣ русскихъ людей; загорѣлася съ ней
И отвага въ груди; въ часъ нежданной бѣды
Встали всѣ, какъ одинъ—и побѣдной волной
Разметали врага по отчизнѣ родной!
Ты сгорѣла до тла, жертву вновь принесла,
Но ты русское царство собою спасла
И исполнила вновь подвигъ царственный свой —
Твой пожаръ жегъ сердца по Руси всей родной!
Но съ смиреньемъ успѣхъ не къ себѣ отнесла,
И Спасителю храмъ близъ Кремля вознесла.

Ты снова замолкла. На долго-ль? не знаю,
Грядущей судьбы прорицать не дерзаю.

Но знаю, что вновь ты себя проявила
И чуднымъ младенцемъ ты Русь подарила.

Въ священномъ Кремлѣ, отъ державной четы,
Отъ русской души и земной красоты,

Въ тебѣ народился тотъ царь, кто свободу
Далъ самъ истомленному въ рабствѣ народу

И умеръ, какъ мученикъ, въ царской крови,
Какъ жертва за грѣхъ оскудѣнья любви *).

О, родная моя! Какъ прекрасна твоя,
Какъ могуча любовь, когда, сердцемъ горя,
Ты встрѣчаешь въ Кремлѣ Самодержца-Царя!
Знаешь ты въ комъ вся мощь — сила русской земли,
И чью власть до сихъ поръ умалить не могли,
Кто одинъ все вершитъ и блюдетъ твой полетъ,
Кому Западъ привѣтъ свой почтительный шлетъ.

Ты, Москва, всегда царишь,
Когда съ Русью говоришь;
Ты свята въ глазахъ людей,
Гордыхъ родиной своей.
Кто привыкъ тебя любить
Всей душой своей и чтить,
Какъ свою родную мать —
Тотъ всегда готовъ отдать
Жизнь и сердце, мозгъ и кровь
За одну къ тебѣ любовь!

---

*) Императоръ Александръ II родился въ Москвѣ, въ Николаевскомъ дворцѣ, въ 1818 году.

Княжна Тараканова.

(Али-Эметэ)

Ночь. Рѣка бушуетъ близко,
За волною шлетъ волну;
Мѣрный возгласъ часоваго
Нарушаетъ тишину.
Закоулокъ. Темно, сыро,
Деревянная кровать,
Шуба съ вылѣзшей овчиной...
— «Здѣсь, одной, съ своей кручиной,
Суждено мнѣ изнывать.
Все допросы, все угрозы;
Все не вѣрятъ, все томятъ;
Все считаютъ за неправду,
Даже пытками грозятъ.
Я не знаю, что̀ имъ надо?
Все сказала, не таясь.
Пусть казнятъ. Я буду рада,
Когда съ жизнію простясь,
Улечу я на свободу

Въ царство Бога, не людей.
Тяжко!.. Боже, изъ неволи
Ты возьми меня скорѣй!
Кто я? и сама не знаю,
Дочь царицы иль раба?
Поманивъ короной, къ гробу
Привела меня судьба.»

Волны плещутъ, волны ропщутъ
И дробятся за стѣной,
Словно жаждутъ на свободу
Унести ее съ собой.

— «Дѣтство раннее мое
Мнѣ припомнить трудно;
Мать моя въ землѣ давно
Тлѣетъ безпробудно.
Все закутано въ волнахъ
Смутнаго тумана...
Вотъ виднѣются вдали
Башни Тегерана.

Вспоминаются порой:
Внутренность гарема,
Садъ волшебный подъ горой,
Чудеса эдема.
Чей-то нѣжный робкій взглядъ
Утромъ у фонтана,

И невольницъ стройныхъ рядъ,
И въ дыму кальяна

Строгій обликъ старика—
Все предъ нимъ дрожало;
Его властная рука
Такъ меня ласкала.
Смутно помнится... Но то,
Что случилось ближе,
Помню ясно. Помню я
Монастырь въ Парижѣ.

Грекъ-купецъ меня привезъ,
Тамъ одну оставилъ;
Много слезъ пролить меня,
Этимъ онъ заставилъ.
Тамъ росла я, развилась
И большая стала,
И счастливая пора
Для меня настала.

Бурно молодость моя
Въ ласкахъ проходила;
Жизни жгучая струя
Билась и бурлила.
Польскій князь меня смутилъ —
То его навѣты.
— «Вы царевна—онъ твердилъ—
Дочь Елисаветы.»

Какъ добыть московскій тронъ
Поучать старался,
Былъ поклонникъ мой и онъ
И въ любви мнѣ клялся.
Много ихъ, любя меня,
Предо мною млѣли,
Имя, честь свою губя,
Жизни не жалѣли.

Я же только такъ, шутя,
Забавлялась съ ними,
Какъ забавится дитя
Съ куклами своими.
Одного я, наконецъ,
Страстно полюбила,
Одного — и этотъ былъ
Для меня могила!»

Средиземнаго моря волна
Обаянья и нѣги полна,
И манитъ, и сверкаетъ, дробясь.
Приходи, мой возлюбленный князь!
О, какъ страстны объятья твои!
Какъ могучъ и красивъ ты, герой!
Какъ умѣешь ты сладко любить,
Хочешь царство дѣлить ты со мной!

* * *

При свиданьяхъ, на тайномъ совѣтѣ,
О правахъ ты твердилъ мнѣ моихъ;
Мнѣ же не было слаще на свѣтѣ,
Какъ забыться въ объятьяхъ твоихъ
И замлѣть въ твоей силѣ и власти,
Позабывъ и себя, и весь міръ—
О, приди въ обаяніи страсти
Мое все, моя жизнь, мой кумиръ!

* * *

Чудный день. Разноцвѣтнымъ нарядомъ
Разукрашены всѣ корабли.
Мы плывемъ; ты сидишь со мной рядомъ;
Исчезаетъ Ливорно вдали.
Какъ почтительно радостны лица,
Какъ горитъ твой властительный взоръ!
Какъ любовно ласкается море,
Окаймленное высями горъ.

* * *

Мы взошли на корабль; что за роскошь!
Все цвѣты, всюду блескъ, все горитъ;
Звуки музыки громко встрѣчаютъ—
Все мнѣ радость и счастье сулитъ.
Мощь орла осѣняетъ корона.
Раздается привѣтственный кликъ!
Онъ съ тобой раздѣленнаго трона
Чуднымъ вѣстникомъ въ душу проникъ.

* * *

Солнце льетъ свою жгучую нѣгу,
И чуть слышенъ волненья прибой.
Пиръ въ разгарѣ; въ чарующемъ танцѣ
Я весь міръ забываю съ тобой.
Дышетъ море вокругъ безмятежно,
Я восторгомъ и счастьемъ полна.
И качаетъ насъ мѣрно и нѣжно
Средиземнаго моря волна.

О, змѣя! О, бездушный измѣнникъ!
Какъ жестоко нанесъ ты ударъ!
Мигъ насталъ для тебя вожделѣнный,
Все — и счастье, и пира разгаръ
Измѣнились въ мгновеніе ока,
И изъ міра блаженства и грезъ
Я очнулась, одна-одинока,
Подъ арестомъ въ каютѣ-тюрьмѣ.
Какъ онъ подло отнесся ко мнѣ!

* * *

Зналъ онъ чаръ своихъ страшную силу,
И преступною властной рукой
Для меня онъ готовилъ могилу,
И въ объятьяхъ мечталъ о другой —
Не о женщинѣ, нѣтъ — о царицѣ,
Какъ бы ей половчѣй угодить
И довѣрчиво глупую птичку
Въ западню поскорѣй заманить.

* * *

Для тебя я была лишь забавой,
Въ твоемъ сердцѣ точились ножи!
Твои ласки дышали отравой,
Твои клятвы—свидѣтели лжи!
О, исчадіе дьявольской пѣны
Поцѣлуемъ ты предалъ меня!
Отъ твоей страшно-подлой измѣны
Мать въ гробу содрогнулась твоя!»

Волны хлещутъ, волны бьются,
Вѣтеръ все сильнѣй, сильнѣй,
Словно бѣшеныя рвутся
Въ пляскѣ яростной своей.

— «Что за ночи—страхъ и ужасъ!
Здѣсь, средь мрака и тоски,
Родила я одиноко,
Подъ немолчный шумъ рѣки,
Отъ него — подарокъ страшный,
Отъ него — мое дитя!
Награждалъ онъ ими многихъ,
Чувствомъ матери шутя.

Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Неужели и оно
Безпощаднымъ властолюбьемъ
Смерти злой обречено?

О, бездушная царица!
Не могла ты не понять,
Какъ жестоко, какъ преступно
Разлучать съ младенцемъ мать!

Здѣсь, сюда, ко мнѣ въ темницу
Вдругъ осмѣлился придти
Мой предатель, откровенность
Онъ желалъ во мнѣ найти.
Но сдавила его голосъ
Человѣческая грудь
И заставила злодѣя,
Опустивъ глаза, вздохнуть.»

Какъ мнѣ тяжко... какъ мнѣ жутко...
Грудь мучительно болитъ;
Ноетъ сердце, стынутъ руки,
Голова моя горитъ.
Смерть близка, я это чую,
Мнѣ ее не побѣдить;
Какъ я плачу, какъ тоскую,
Какъ мнѣ тяжко, тяжко жить!»

Волны хлещутъ въ стѣны,
Буря все сильнѣй,
Замираетъ сердце
Отъ ея затѣй.

Тьма... безлюдье... крысы
Жалобно пищатъ;
Словно чуютъ гибель,
Близко шелестятъ.

Волны выше, выше —
Разомъ ворвались
Чрезъ окно въ темницу,
Шумно разлились.
Блѣдная, нѣмая,
Ужасомъ полна,
На кровать взобралась
Бѣдная княжна

И, ломая руки,
Вся застывъ, глядитъ,
Какъ дробятся волны —
Грозенъ былъ ихъ видъ.
Покрываютъ ноги...
Выше... до колѣнъ,
Отпрядая шумно
Отъ гранитныхъ стѣнъ.

— «О, спасите! Боже!
«Жить хочу я!.. Свѣтъ...»
Только грохотъ бури
Слышенъ ей въ отвѣтъ.

Волны выше, выше...
Ужъ лобзаютъ грудь,
Страшны ихъ объятья,
Не даютъ вздохнуть.

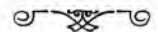
Наконецъ, добрáлись
До ея ланитъ,
Съ слёзами смѣшались.
Бьются о гранитъ.
Ужасъ близкой смерти
Въ сердце ей проникъ,
Слабый стонъ... молитвы
Заглушенный крикъ...

И закрылись очи,
Вздрóгнула она —
И ее въ объятья
Приняла волна.
Хлынула къ окошку,
Жертвы не спасла,
Жизнь ея съ собою
Въ море унесла.

- -

Къ утру стихла буря;
Тѣло безъ души
Схоронили тайно
За стѣной въ глуши.
. . . .

Гдѣ ея могила,
Тамъ растутъ цвѣты,
Въ нихъ — ея страданья,
Въ нихъ — ея мечты *).

*) Али-Эметэ княжна Гали была знатнаго восточнаго происхожденія. По нѣкоторымъ источникамъ она была племянница Сипехъ-Селаръ Хана, великаго визиря персидскаго шаха Шахъ-Надира. Брошенная, послѣ его казни, на произволъ судьбы въ Парижѣ, она, по выходѣ изъ монастыря, пользуясь своей красотой, вела легкую жизнь, кочуя по Европѣ. Польскій князь Радзивиллъ и польскій посолъ въ Парижѣ князь Огинскій, при содѣйствіи іезуитовъ, въ видахъ возстановленія смутъ въ Россіи, убѣдили Али-Эметэ, что она дочь императрицы Елисаветы. Завлеченная, въ Ливорно, княземъ Алексѣемъ Орловымъ на русскій военный корабль, она была привезена въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ родила отъ Орлова сына, названнаго императрицей Екатериной II «Александромъ Алексѣевичемъ Чесменскимъ, дворяниномъ неизвѣстнаго происхожденія».—По народной молвѣ она утонула въ крѣпостномъ казематѣ во время большаго наводненія въ декабрѣ 1777 года. Схоронена въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Кто-то посадилъ на ея могилѣ цвѣточные кусты. Они разрослись, и теперь тамъ разведенъ садикъ.

Царь-Освободитель.

На островѣ низкомъ, за крѣпкой оградой,
Омытой волнами Невы,
Во градѣ Петровомъ, давно уже ставшемъ
Столицею послѣ Москвы,

Подъ сѣнью соборнаго склепа, въ могилѣ,
Среди тишины гробовой,
Покоится Царь, Императоръ Россіи,
Сраженный злодѣйской рукой.

Сожженъ, искалѣченъ ужаснымъ снарядомъ,
Лежитъ его царственный прахъ,
Съ улыбкою горькой нѣмого укора
На полуоткрытыхъ устахъ.

Страдалецъ! Свѣтло началось твое царство,
Какъ яснаго солнца восходъ;
Исчезло душѣ ненавистное рабство,
Свободенъ сталъ русскій народъ.

Проснулись вѣками стоявшія вòды
Отъ новой могучей волны,
И свѣтлые, полные радости, годы
Настали для нашей страны.

Открылись глубоко сокрытыя вѣжды,
Забилась изсохшая грудь,
И образъ прекрасной и свѣтлой надежды
Сіялъ, озаряя намъ путь.

Но вмѣстѣ съ свободой, широкимъ потокомъ
Проникъ и тлетворнѣйшій ядъ,
Которымъ давно ужъ, какъ страшнымъ порокомъ,
Весь западъ Европы объятъ.

Съ побѣдой ума и добытаго знанья,
Съ той силой, что въ немъ создалась,
Съ обрывками жалкими міра познанья,
Лишь гордость въ людяхъ развилась.

Возмнили, что умъ, этотъ жалкій калѣка,
Одинъ лишь дорогу найдетъ
Къ тому, чтобъ сравнять съ божествомъ человѣка,
И къ счастью его поведетъ.

Но въ дебряхъ ума человѣкъ заблудился,
И счастья себѣ не обрѣлъ,
И въ тьмѣ непроглядной онъ въ мигъ очутился,
И въ ней, какъ слѣпой, онъ побрелъ.

Безъ вѣры, безъ грезъ, переполненъ сомнѣній,
Подъ бременемъ хищныхъ заботъ,
Подъ игомъ коварныхъ и злыхъ вожделѣній,
Какъ звѣрь другъ на друга идетъ.

Отринулъ онъ все, что добыто вѣками
Путями страданій и слезъ,
Что Сынъ Человѣческій, Божій посланникъ,
На землю съ собою принесъ;

Завѣты Того, кто будилъ нашу совѣсть,
Кто сердце во храмъ обратилъ,
Кто царство звѣрей — въ царство свѣтлое братьевъ
И въ царство любви превратилъ.

Надъ этой святыней, надъ этимъ-то храмомъ
Безумцы глумятся гуртомъ,
Считая ихъ старымъ, изношеннымъ хламомъ
И даже постыднымъ ярмомъ.

Отвергли — исчезла мечта идеала,
Незримая нить порвалàсь,
Божественной искры въ душѣ ужъ не стало —
И жажда убійствъ развилàсь.

Проснулись дремавшія хищныя страсти,
Проснулся таившійся звѣрь,
И вновь очутилися люди во власти
Животныхъ инстинктовъ теперь.

И дѣломъ убійства съ любовью занялись,
И въ догматъ его возвели,
И въ хищной работѣ съ звѣрями сравнялись,
И даже звѣрей превзошли.

Не даромъ двуногіе звѣри считались
Людьми; ихъ услужливый умъ,
Гдѣ только они въ оправданьи нуждались,
Являлся слугою ихъ думъ.

Легко доказалъ онъ, развивъ въ нихъ витійство,
Все благо ихъ звѣрскихъ потѣхъ,
Поставивъ какъ средство — насилье, убійство,
А цѣлью — блаженство для всѣхъ!

И вотъ, разрушенья достигнуть желая
И жаждой убійства горя,
Злодѣи, исчадья родимаго края,
Намѣтили жертвой — Царя.

Шесть разъ разрушались ихъ адскіе ковы,
Часъ смерти твоей не пробилъ,
Должно быть, Господь, въ своей благости вѣчной,
Въ нихъ совѣсти голосъ будилъ.

Но противъ умовъ и страстей кровожадныхъ,
Умовъ, устремленныхъ къ тому,
Чтобъ всѣмъ, что возможно, достичь своей цѣли,
Нельзя устоять никому.

И хищные звѣри достигли успѣха,
Ликуютъ: — «убитъ! удалось!»
И эхо ихъ адски злораднаго смѣха
Во многихъ странахъ отдалось.

Ликуютъ, съ побѣдой себя поздравляютъ,
Удался бездушный расчетъ,
Въ восторгѣ другъ друга при всѣхъ обнимаютъ —
Свели, молъ, окончили счетъ.

Спокойна ихъ совѣсть, не дрогнуло сердце,
Оно вѣдь лишь мускулъ; ему
Въ понятьяхъ развитаго звѣрь-человѣка
Мѣшать не годится уму.

Вѣдь въ людяхъ, гдѣ совѣсть — одна прибаутка,
Гдѣ Богъ — лишь безсмысленный звукъ,
Гдѣ къ ближнимъ любовь — сладострастная шутка—
Не можетъ быть нравственныхъ мукъ...

Ты могъ бы спастись и теперь; но замѣтивъ,
Что вѣрные слуги твои
И мальчикъ-прохожій, отъ адскаго взрыва,
Метались и бились въ крови,

Ты смѣло пошелъ къ нимъ, не вѣдая страха,
Желая ихъ муки смягчить,
Желая привѣтомъ и словомъ участья
Страданія ихъ облегчить,—

И въ это мгновенье, когда пострадавшимъ
Ты несъ утѣшенье любви,
Злодѣй совершилъ свое гнусное дѣло —
И самъ захлебнулся въ крови.

И тихо, страдалецъ, склонился ты долу,
И скорбно поникъ головой,
И кроткій твой взоръ угасалъ по немногу,
И жизнь разставалась съ тобой.

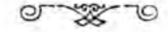
Твой царственный стонъ «помогите!» раздался,
Какъ вѣщій, пророческій кликъ,
И молотомъ въ сердцѣ людей отозвался,
И въ душу глубоко проникъ.

Покойся, страдалецъ! У царской могилы
Всегда облегченье найдетъ,
Кто съ жаждой обрѣсть для страданія силы,
Къ тебѣ поклониться придетъ.

Ты жертва больного, бездушнаго вѣка,
Ты палъ искупленьемъ за всѣхъ,
Ты жертва за грѣхъ міровой человѣка —
Любви оскудѣнія грѣхъ.

Твой жребій ужасенъ; но святъ и завиденъ
Твой, мученикъ, въ небѣ удѣлъ;
Должно быть Господь твоей страшною смертью
Свой гнѣвъ намъ явить захотѣлъ.

На судъ справедливый, безстрастный и правый,
На судъ предъ потомства лицомъ,
Предстанетъ твой царственный ликъ величавый,
Съ твоею безсмертной и чистою славой,
Увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ.

Картина грядущаго.

(Новгородское преданіе).

За Иргизомъ рѣкой, въ непроѣздномъ лѣсу,
Въ непроѣздномъ лѣсу, въ непроглядной листвѣ,
Подъ дубами изба схоронилася;
Съ той поры, какъ свершенъ новгородскій погромъ,
Чрезъ холопскую Русь перебравшись тайкомъ,
Тамъ старуха одна поселилася.

У старухи есть дочь. Нѣтъ на свѣтѣ милѣй,
Нѣтъ на свѣтѣ прекраснѣе этихъ очей,
И кому она разъ улыбнулася,
Ужъ тому никогда не забыть ея взоръ,
Ужъ не страшенъ тому и судьбы приговоръ,
Въ комъ любовь къ ней хоть разъ шевельнулася.

Много къ ней приходило охочихъ людей,
И своимъ удальствомъ похвалялись предъ ней,
И съ собой заманить все старалися;
Но своими рѣчами смутить не могли

Ея чистую душу, и съ злобой они
Отъ порога ея удалялися.

У нея для лихихъ, безсердечныхъ людей,
Что̀ хотѣли распутствомъ понравиться ей,
Что̀, какъ волки зимою, шатаются,
Что̀ хотятъ съ нею жить не обычнымъ трудомъ,
А купаться въ крови, да палить все огнемъ —
Нѣтъ привѣта, какъ къ ней ни ласкаются.

Не для нихъ въ ея сердцѣ гнѣздится любовь,
Не для нихъ въ ней кипитъ и волнуется кровь,
Не такого ей мужа желается;
Не заманитъ ее ихъ кровавая сѣчь,
Не обманетъ ее ихъ безстыжая рѣчь —
Нѣтъ, другое ей въ грезахъ является.

Всякій день, когда утро на землю придетъ,
Когда солнце надъ лѣсомъ дремучимъ взойдетъ,
На порогъ выступаетъ красавица,
И тихонько она по тропинкѣ идетъ,
И кого-то томительно ищетъ и ждетъ,
И на шелестъ кругомъ озирается.

Ждетъ она не подругъ или званыхъ гостей,
Что̀ хотѣли сегодня пожаловать къ ней,
Да никто до сихъ поръ не является;
Не родного она поджидаетъ отца —

Изъ-за Волги рѣки одного молодца,
Илью-Муромца ждетъ-дожидается.

Тамъ, далеко, давно, на родной сторонѣ,
Гдѣ, бывало, дѣтьми забавлялись онѣ,
Тамъ, когда времена измѣнилися,
Онъ остался одинъ, и въ тяжелые дни
Сталъ рабомъ своихъ братьевъ, и страшно они
Надъ его простотой наглумилися.

Нагъ, и сиръ, и убогъ, непосильнымъ ярмомъ
Пригвожденный къ землѣ, изможденный трудомъ.
Его кровью поля насыщалися;
Свои муки и скорбь онъ смиренно сносилъ,
И лишь вѣтеръ порой къ небесамъ возносилъ,
Чтò на немъ. бѣднякѣ, вымѣщалося.

Полегчало теперь, сняли цѣпи раба.
Долго въ нихъ продержала злодѣйка-судьба,
Но настала пора—улыбнулася;
Видно чаша была имъ испи́та до дна,
И дошелъ до судьбы его стонъ, и она
На страданья его оглянулася.

Но не можетъ еще на ногахъ онъ стоять,
Не привыкъ еще грудью свободно дышать,
Какъ ребенокъ на льду, все шатается;
Но теперь онъ въ себѣ человѣка узрѣлъ,

И хотя еще слабъ, но душою ужъ смѣлъ—
Погоди, молодица, поправится.

Самъ къ тебѣ онъ придетъ, и кудрями тряхнетъ,
И поклонъ отъ родимой земли принесетъ,
И ужъ больше съ тобой не разстанется;
И тебя, какъ невѣсту свою, обоймётъ,
И съ почетомъ тебя онъ въ Москву поведетъ,
И во храмѣ съ тобой повѣнчается.

Будетъ самъ Государь посаженымъ отцомъ,
Онъ иконой тебя осѣнитъ предъ лицомъ
Отовсюду на свадьбу собравшихся;
Станутъ въ храмѣ тебя архиреи вѣнчать,
И вездѣ на Руси станутъ васъ величать,
По любви и закону вѣнчавшихся.

Будетъ пиръ на весь міръ; будутъ дружки твои,
Что̀ собра̀лись по выбору русской земли,
Охранять васъ отъ тѣхъ, кто шатается,
Словно по лѣсу звѣрь, по родимой землѣ,
Кто охотой своей пребывая во мглѣ,
Вашъ союзъ осквернить попытается.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .

Тихо солнце по синему небу плыветъ
И на землю лучи благодатные льетъ,
Стихло все и въ лѣсу, притаилося;
А красотка стоитъ и все жадно глядитъ,
И сердечко въ груди замираетъ-дрожитъ,
Такъ изныло оно, истомилося.

Чуетъ, знаетъ оно — есть предчувствіе въ немъ,
Что не иначе, какъ лишь подобнымъ путемъ
Съ своимъ милымъ она повѣнчается,
Но когда?.. вотъ и солнце ужъ сѣло давно.
И стемнѣло въ лѣсу, а все нѣтъ никого,
И старуха ворчитъ-дожидается.

Погоди, не ропщи, не тоскуй, не гнѣвись,
И терпѣньемъ возьми, и не очень томись,
Не напрасно ты ждешь и надѣешься;
Ты чѣмъ дольше на свѣтѣ Господнемъ живешь,
Тѣмъ красивѣй въ понятьѣ народа слывешь,
И сама никогда не старѣешься.

M-07

